

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

**РАМАДН АММАР
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ГРЕЦИИ И ТУРЦИИ В
КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

Специальность 5.5.4 - Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
М. М. Мчедлова

Москва - 2024

Оглавление

Список принятых сокращений	3
Введение	4
Глава I. Средиземноморский регион в современной геополитической архитектуре мировой политики	23
1.1. Геостратегический концепт Большого Средиземноморья: эволюция содержания.....	23
1.2. Стратегическое значение Средиземноморского региона: ракурс мировой политики.....	38
1.3 Безопасность Средиземноморья: основные параметры.....	55
Глава II. Внешнеполитические приоритеты Греции и Турции в Средиземноморском регионе	73
2.1. Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в Средиземноморье. 73	
2.2 Внешнеполитические идеологемы и интересы Турции в Средиземноморье ...	92
2.3. Столкновение интересов Турции и Греции в Средиземноморском регионе: эволюция конфликта и возможные формы взаимоотношений	114
2.4. Кипрский вопрос в отношениях Греции и Турции.....	139
Заключение	159
Список источников и литературы	170

Список принятых сокращений

АКР: Партия справедливости и развития

ВМС: Военно-морские силы

ЕС: Европейский союз

ОБСЕ: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ООН: Организация Объединенных Наций

СВО: Специальная военная операция

СПГ: Сжиженного природного газа

Введение

Актуальность темы исследования. Средиземное море всегда было очень важным геостратегическим регионом, в котором глобальные и региональные страны конкурируют за контроль и влияние. Среди этих стран Турция и Греция, которые имеют очень важное геостратегическое положение, так как выходят на Эгейское море и восточное Средиземноморье, которые, в свою очередь, представляют собой точку морского контакта между севером, югом, востоком и западом, и гегемония над ними со стороны определенного государства или определенного альянса дает возможность доминировать в Большом Средиземноморском регионе. С начала XXI в. Турция разработала новые стратегии в своей внешней политике в отношении Средиземноморского региона, и, в свою очередь, Греция также разработала новые стратегии в ответ на турецкую политику, что делает их ключевыми игроками в геополитической ситуации и безопасности Средиземноморья. Кроме того, регион в целом стал свидетелем стремительных событий и драматических перемен, которые полностью изменили геополитический ландшафт, включая провал европейских проектов и планов по гегемонии¹ и формированию безопасности региона, отступление США в регионе, вступление Китая и России в регион, революции «арабской весны», нарушение безопасности на южном и восточном берегах Средиземного моря, эскалация таких угроз, как терроризм и миграция, переход арабо-израильского конфликта в острую фазу², открытие источников энергии в восточном Средиземноморье³ и российскую специальную военную операцию на Украине (СВО). Все это побудило все страны региона переформулировать и расставить приоритеты своей внешней политики в соответствии с новой ситуацией.

¹ Ход развития ситуации на Ближнем Востоке в 2024 задан «Потопом аль-Акса» и последовавшей за ним войной в Газе // GEOFOR. 05.01.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://geofor.ru/ru/news/1640/> (дата обращения: 23.09.2024)

² В шаге от войны? К чему могут привести взрывы пейджеров в Ливане // Информационное агентство России ТАСС. Официальный портал. 20.09.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21915073> (дата обращения: 23.09.2024)

³ Dorothee S. Towards an energy revolution in the eastern mediterranean: any positive effect for the EU? // CIES. 2013. №13.

Турецко-греческий конфликт считается одним из самых сложных региональных конфликтов, в котором сочетаются этнические, культурные и религиозные противоречия, помимо многолетней истории войн, подозрительности и недоверия. В последние годы обострилась конкуренция и конфликтность между двумя странами, поскольку они стали свидетелями военно-политической эскалации, дошедшей до прямой конфронтации и угрозы войны⁴. Нынешняя борьба вращается вокруг права собственности на некоторые острова Эгейского моря и исключительные экономические зоны, а также продолжающегося кипрского вопроса.

Учитывая, что большинство исследований, посвященных турецко-греческому конфликту, изучают предмет только с юридической точки зрения или сосредотачиваются на конкретных вопросах, таких как энергетика, Кипр или Эгейское море, в этом исследовании пытаются дать более всесторонний и широкий взгляд на этот конфликт с точки зрения геостратегии и безопасности, поскольку фокусируется на геостратегических приоритетах обеих стран, а также на геополитической ситуации и ситуации в области безопасности в регионе. Важность этого исследования исходит из изучения конфликта между двумя странами на основе геостратегического видения обеих стран в регионе, путем анализа и демонстрации их геостратегических приоритетов в регионе в контексте безопасности, что способствует определению геостратегической ценности спорных вопросов между двумя странами и, таким образом, показывает взаимосвязь между новыми видениями во внешней политике обеих стран в регионе и спорными файлами между ними в Эгейском море и на Кипре. Кроме того, данное исследование впервые касается изучения одного из региональных конфликтов в Средиземноморском регионе в контексте концепции Большого Средиземноморья, поскольку оно проясняет геостратегическую концепцию этого макрорегиона и его значение в мировой политике, в дополнение к

⁴ Stamouli N. Turkey renews threat of war over Greek territorial sea dispute // POLITICO. 29.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.politico.eu/article/turkey-mevlut-cavusoglu-threat-war-greece-territorial-sea-dispute/> (дата обращения: 23.09.2024)

геостратегической важности региона Восточного Средиземноморья, который представляет собой центр турецко-греческого конфликта, что позволяет показать геостратегические аспекты конфликта между двумя странами. Таким образом, это исследование предоставляет аналитическую базу для исследователей и аналитиков, чей научный интерес сфокусирован на турецко-греческом конфликте, и позволяет им интерпретировать внешнюю политику обеих стран в регионе и прогнозировать ход конфликта между ними на предстоящих этапах.

Проблема исследования заключается в противоречиях между Турцией и Грецией, которые глубоко укоренились в их этнических, культурных, и религиозных различиях, а также в многовековой истории конфликтов и недоверия. Ситуация усугубляется эскалацией военно-политического противостояния, касающегося прав на Эгейские острова, исключительные экономические зоны, а также кипрский вопрос. Сложность состоит в том, что большинство существующих исследований сосредоточено на правовых или специализированных аспектах конфликта, таких как энергетика или территориальные споры, игнорируя при этом более широкий контекст геостратегических приоритетов обеих стран и изменений в региональной безопасности Средиземноморья.

Гипотеза исследования. В качестве основы рабочей гипотезы исследования выступает утверждение о том, что геостратегические приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе формируются под влиянием многогранного взаимодействия политических, экономических и энергетических факторов. Это сложное взаимодействие еще более усиливается из-за скрытой конкуренции за влияние в регионе и стремления к обеспечению национальных интересов и национальной безопасности, что поддерживает перманентную напряженность между этими государствами. Дополнительно на их отношения влияют вопросы территориальной целостности, а также этнические и религиозные противоречия.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика геостратегических приоритетов Греции и Турции в контексте безопасности в

Средиземноморском регионе является актуальной и активно изучается в научном сообществе, однако она недостаточно разработанной в отечественной и зарубежной научной литературе. Это связано с несколькими факторами: (1) Геополитические процессы в Средиземноморском регионе находятся в стадии активного развития, что приводит к трансформации геостратегических интересов Турции и Греции. (2) Проблема безопасности в Средиземноморском регионе является сложной и многогранной, что требует междисциплинарного исследования. (3) В научной литературе недостаточно работ, посвященных геостратегическим приоритетам Турции и Греции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе.

Одна из ключевых научных работ, проанализированных в рамках исследования — коллективная монография «Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений»⁵. Книга предлагает всестороннее исследование регионализма и регионализации в Большом Средиземноморье. В ней собраны идеи коллектива авторов, посвященные политическим, экономическим, социальным и культурным процессам, объединяющим Европу, Азию и Африку. В книге рассматриваются как современные, так и исторические контексты, анализируются взаимодействия и роли глобальных и региональных игроков, таких как США, ЕС и Россия. Особое внимание уделяется таким ключевым темам, как вызовы безопасности, региональное сотрудничество и формирование макрорегиона, с акцентом на энергетические проблемы, терроризм и этнополитические конфликты. В целом, монография представляет глубокий анализ того, как формирующиеся региональные подсистемы влияют на международные отношения.

Ещё одной из значимых работ в этой сфере является монография «Энергетика Большого Средиземноморья»⁶, посвящённая комплексным аспектам энергетической политики и климатическим инициативам ЕС в условиях

⁵ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва: Аспект Пресс. – 2023.

⁶ Энергетика Большого Средиземноморья / под ред. Е. Г. Энтина и др. Ин-т Европы РАН. – 2024. – 140 с.

растущего акцента на декарбонизацию мировой экономики. Работа охватывает изменение энергетических приоритетов, где особое внимание уделяется снижению зависимости ЕС от ископаемых энергоресурсов и переходу к возобновляемым источникам. В монографии детально анализируются усилия Средиземноморских стран по интеграции в «синюю» экономику и роли морской энергетики. Рассматриваются также политические взаимодействия между странами, такими как Россия, Турция, Франция и Египет, в условиях конкурентного энергетического противостояния в Восточном Средиземноморье. Эта монография представляет значимость энергосотрудничества и экономической взаимозависимости для региональной стабильности, что важно для понимания геополитической динамики и безопасности в Большом Средиземноморье.

В рамках исследования были проанализированы работы ряда российских учёных, затрагивающих в своих трудах проблематику отношений Турции и Греции и их приоритетов, в том числе: М.Г. Аванесян, М.М. Агазаде, А.А. Асоян, И.А. Антонова, А.Н. Атрашкевич, В.А. Аватков, А.В. Данилов, Е.Г. Довбыш, Б.В. Долгов, Ю.Ю. Гайдаева, А.О. Ибрагимов, И.И. Иванова, В. Изотов, Е.А. Лукинова, Т. Маркетос, Н.М. Михеева, В.А. Надеин-Раевский, Т.П. Нестерова, Б.Д. Нуриев, Е.Ф. Парубочая, Л.А. Сафарян, Е.А. Сафонкина, С.В. Соколовский, С.В. Старкин, Р.А. Товсултанов, Э. Цыркуль, П.В. Шлыков, Н.Б. Шувалова и Ар. Улунян⁷.

⁷ Аванесян М. Г., Давтян В. С. Геостратегия Турции на большом ближнем востоке: трансформации и новые вызовы // PARADIGMATA POZNANI. 2020. № 2. С. 48-55.; Аванесян М. Г., Давтян В. С. Геоэкономическая стратегия логистической политики Турции в восточносредиземноморском пространстве // Постсоветский материк. 2022. №3 (35). С. 57-64.; Аватков В. А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №2. С. 181-186.; Аватков В. А., Доманов А. О. Военно-политические отношения в треугольнике США-Турция-Франция: 2009-2012 гг. // Сравнительная политика. 2013. №1 (11). С. 64-72.; Агазаде М. М. Политика Турции в восточном средиземноморье // Потемкинские Чтения. Сборник материалов V Международной научной конференции. Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2021. С. 95-96.; Агазаде М. М., Павлова П. М., Николова Г. А. Большое средиземноморье как комплекс безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. №3. С. 117-122.; Антонова И. А. О современной роли и позиции Греции в кипрском урегулировании // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. №1. С. 57-62.; Асоян А. А. Древние цивилизации в глобальном мире. Египет и Греция // Вестник культурологии. 2018. №1 (84). С. 26-54.; Атрашкевич А. Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999-2017 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. №4. С. 675-689.; Гайдаева Ю. Ю. Турция: идеология и политика

Анализируя эту литературу, можно выделить несколько основных направлений исследований. Первое направление связано с изучением геополитического положения Греции и Турции в Средиземноморье. В рамках этого направления рассматриваются такие вопросы, как географическое положение и природные ресурсы этих стран; их исторические и культурные связи с регионом и отношения с другими государствами Средиземноморья. В частности, исследователи М.Г. Аванесян и В.С. Давтян отмечают, что Греция и Турция являются ключевыми игроками в Средиземноморском регионе. Они

будущего. Нео-оттоманизм или кемализм // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. №2. С. 116-120.; Данилов А. В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974-2004 гг. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2020. №2. С. 136-146.; Данилов А. В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974-2004 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. №2 (12). С. 136-146.; Довбыш Е. Г. Можно ли разрешить кипрскую проблему? (сводный реферат) // АПЕ. 2014. №2. С. 198-217.; Долгов Б. В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №3. С. 147-160.; Ибрагимов А. О. Турция и Россия: возможно ли стратегическое партнерство? // Постсоветские исследования. 2018. №3. С. 297-305.; Иванова И. И. Турция и Ливан в региональных отношениях на современном этапе // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. №2. С. 122-130.; Изотов В. Кипр, соседи и внешние игроки в 2019 - 2020 гг. // Экономика и Политика. 2020. С. 18-25.; Лукинова Е. А. Взаимоотношения Греции и Турции на рубеже XX и XXI веков в современной отечественной историографии // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. №3 (39). С. 76-84.; Маркетос Т. Глобальные и региональные акторы в «Геополитической толкучке» вокруг энергоресурсов Восточного Средиземноморья: США, Россия, Израиль, Турция, Иран // Центральная Азия и Кавказ. 2013. №1. С. 80-88.; Михеева Н. М. Проблема Кипра в отношениях Турции и Евросоюза: история и современное состояние // Universum: общественные науки. 2015. №4 (14). С. 8.; Надеин-Раевский В. А. Идеинная борьба и «Новая турция» // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47). С. 22-31.; Нестерова Т. П. Италия, Греция, державы Антанты и вопрос о Додеканесских островах в дипломатической борьбе 1915-1923 годов // Научный диалог. 2018. №6. С. 154-165.; Нуриев Б. Д., Поспелов С. В. Энергетическая политика турецкой республики: экспансия в восточном средиземноморье // Вестник ГУУ. 2023. №3. С. 198-217.; Парубочая Е. Ф. Турция на пути в евразийскую интеграцию: реальность или политическая риторика // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №4. С. 97-103.; Сафарян Л. А. Османская империя 2.0. Восточные грезы или геополитический проект? // Свободная мысль. 2021. №3 (1687). С. 115-132.; Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «Мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. №2. С. 145-166.; Соколовский С. В. Брекзит и гражданская идентичность в республике Кипр // Сибирские исторические исследования. 2020. №3. С. 218-229.; Старкин С. В., Лебедева Е. В. Кипрская проблема в контексте реализации стратегии ЕС по урегулированию этноконфессиональных конфликтов // Общество: философия, история, культура. 2013. №4. С. 33-36.; Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н. Турецкая политическая доктрина «неоосманизма»: между символическим и реальным содержанием // СНВ. 2021. №4. С. 230-234.; Улунян Ар. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945-1960 гг. Rossiiskie vesti, 2001. 283 с.; Цыркуль Э. Внешнеполитический курс Турции в XXI в // Россия и мусульманский мир. 2015. №10 (280). С. 76-87.; Шлыков П. В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. С. 53-65.; Шувалова Н. Б. Внешняя политика Турции после окончания "холодной войны" // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2003. №4. С. 111-124.

расположены в самом центре этого региона, обладают значительными природными ресурсами и имеют давнюю историю и культуру. Однако между этими странами существуют исторические и культурные противоречия, которые периодически приводят к обострению отношений. Второе направление исследований посвящено изучению внешней политики Греции и Турции. В рамках этого направления рассматриваются такие вопросы, как основные направления внешней политики этих стран; их участие в международных организациях и региональных объединениях и отношения с крупными державами. Исследователи М.М. Агазаде, П.М. Павлова и Г.А. Николова отмечают, что внешняя политика Греции и Турции направлена на обеспечение их национальных интересов в Средиземноморском регионе. Эти страны активно участвуют в деятельности международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ и НАТО. Кроме того, они поддерживают отношения с крупными державами, такими как США, Россия и Китай. Третье направление исследований посвящено изучению военно-политической деятельности Греции и Турции. В рамках этого направления рассматриваются такие вопросы, как состояние вооруженных сил этих стран; их участие в военных конфликтах и отношения с НАТО и другими военными блоками. Исследователи Э. Цыркуль и Л.А. Сафарян отмечают, что Греция и Турция являются крупными военными державами в Средиземноморском регионе. Они располагают значительными вооруженными силами, которые регулярно участвуют в учениях и маневрах. Кроме того, эти страны являются членами НАТО, что определяет их военно-политический курс.

В зарубежной научной литературе также существует ряд исследований, посвященных геостратегическим приоритетам Греции и Турции. Среди зарубежных специалистов которые посвящали этот вопрос можно выделить следующих: Y. Avar, H. Axt, D. Binder, J. Cingoli, B. Deniz, C. Dodd, A. Heraclides, E. Kalkan, S. Karbuz, B. R. Kuniholm и A. Rappas⁸. В частности, следует отметить

⁸ Avar Y., Lin Y. C. Aegean Disputes Between Turkey and Greece: Turkish and Greek Claims and Motivations in the Framework of Legal and Political Perspectives // International Journal of Politics and Security. 2019. №1. P. 57-70.; Axt H. Troubled Water in the Eastern Mediterranean. Turkey Challenges Greece

работы следующих арабских авторов: W.M. Ahmed, A.A. Al-Kafarna, I.N. Nameedy, A. Hamid, J. Jabbour, M.M. Mohamed Qutb и Y.H. Omar⁹. В рамках этих исследований рассматриваются такие вопросы, как: соперничество Греции и Турции за влияние в регионе; их роль в обеспечении безопасности Средиземноморья и перспективы их сотрудничества. Эти работы позволяют получить представление о различных подходах к изучению темы исследования, а также о ключевых аспектах геостратегической конкуренции между двумя странами.

Однако, в указанных работах геостратегические приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе рассматриваются не всегда в параметрах единого исследования или сравнения. В связи с этим, в рамках диссертационного исследования планируется провести комплексное исследование следующих аспектов: анализ геополитического положения этих стран; характеристика внешней политики Греции и Турции; оценка военно-политической деятельности этих стран; выявление основных противоречий и точек соприкосновения в отношениях Греции и Турции и определение перспектив

and Cyprus Regarding Energy Resources // *Comparative Southeast European Studies*. 2021. №69 (1). P. 133-152.; Binder D. Greece, Turkey, and NATO // *Mediterranean Quarterly*. 2012. №23 (2). P. 95-106.; Cingoli J. The New Energy Resources in the Centre-East Mediterranean: Potential Current and Future Geo-Strategic Consequences // *IAI Working Papers*. 2016. №16 (32). P. 1-12.; Deniz B. Turkey and Greece: The Aegean disputes: a Unique Case in International Law. Routledge, 2004. 992 p.; Dodd C. The history and politics of the Cyprus conflict. Palgrave Macmillan London, 2010. 317 p.; Heraclides A., Çakmak G. Greece and Turkey in Conflict and Cooperation From Europeanization to De-Europeanization. Routledge, 2019. 328 p.; Kalkan E. The longstanding dispute between Turkey and Greece: the Aegean issue // *Uluslararası İktisadi ve İdari İncelemeler Dergisi*. 2020. №28. P. 167-174.; Karbuz S. Geostrategic Importance of East Mediterranean Gas Resources. In: Dorsman A., Ediger V., Karan M. (eds) *Energy Economy, Finance and Geostrategy*. Springer, Cham. 2018.; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton University Press, 1980. 536 p.; Rappas A. Cyprus in the 1930s: British Colonial Rule and the Roots of the Cyprus Conflict // *Diplomacy & Statecraft*. 2014. №26 (1). P. 188-189.

⁹ Ahmed W. M. European Union and the Cyprus Question: The problem of Europe Cyprus Relations // *Regional Studies Journal (RSJ)*. 2008. №5 (9). P. 201-216. (In Arabic); Ahmed W. M. النزاع التركي - اليوناني على بحر ايجة في ضوء القانون الدولي للبحار // *Regional Studies Journal (RSJ)*. 2007. №4 (7). P. 223-255.; Al-Kafarna A. A. الخيارات الاستراتيجية لتركيا إقليميا ودوليا // *Humanities and social sciences studies*. 2018. №4. P. 221-237.; Hameedy I. N. Water Problems between Turkey, Bulgaria and Greece 1954-2015. Mareej River as a Model // *Journal of Tikrit University for Humanities*. 2020. №27 (4). P. 195-219. (In Arabic); Hamid A. القضية القبرصية والصراع التركي – اليوناني في ظل الموقف الدولي ١٩٦٠-١٩٩٤ (دراسة تاريخية) // *Journal of Babylon Center for Humanities Studies*. 2016. №6 (1). P. 81-103.; Jabbour J. تركيا: دبلوماسية القوة الناهضة // *Arab Center for Research and Policy Studies*, 2019. 383 p.; Mohamed Qutb M. M. The Turkish-Greek dispute over the continental shelf in the Aegean Sea (1963-1982 AD) // *Journal of Middle East research*. 2022. №10 (81). P. 111-186. (In Arabic); Omar Y. H. تركيا: التاريخ السياسي (1923-2018). *Arab Center for Research and Policy Studies*, 2021. 992 p.

сотрудничества этих стран в области обеспечения безопасности в Средиземноморье.

Объектом исследования являются политические составляющие безопасности в Средиземноморском регионе, а **предметом исследования** – геостратегические приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе.

Целью исследования является определение геостратегических приоритетов Турции и Греции в Средиземноморском регионе с учетом геополитических переменных, конфликтности между государствами, спецификой угроз в регионе.

Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи**:

1) определить смысловое наполнение концепта «Средиземноморский регион» сквозь призму геополитико-географических концепций;

2) определить политический статус и стратегическое значение Средиземноморского региона в рамках современной мировой политики;

3) определить основные параметры безопасности в Средиземноморском регионе и политические препятствия для формирования всеобъемлющего комплекса безопасности в регионе;

4) изучить внешнюю политику и политику безопасности Греции в Средиземноморье и вычленить ее геостратегические приоритеты;

5) выявить идеологические основания политики Турции в Средиземноморском регионе, и определить ее интересы и стратегии в регионе;

6) выявить сущность и стороны турецко-греческого конфликта в контексте стратегических целей и позиционирования обеих стран в регионе;

7) на основе сравнительного анализа стратегий Турции и Греции на Кипре выявить их влияние на отношения между двумя странами.

Теоретико-методологическая база исследования. Исследование проведено в рамках междисциплинарного подхода, который позволяет рассматривать геостратегические приоритеты Греции и Турции с учетом различных факторов, таких как геополитическое положение, экономические интересы, культурная идентичность и т.д. Этот подход подразумевает синтез знаний из различных

дисциплин, включая политологию, международные отношения, экономику и культурные исследования, что позволяет более глубоко анализировать сложные взаимодействия в регионе. Кроме того, исследование основывается на геополитическом подходе, который подчеркивает роль географии в формировании национальных интересов и стратегий. Геополитика рассматривается как ключевой фактор, определяющий политическое поведение и стратегическое принятие решений как Грецией, так и Турцией в контексте современных угроз, таких как терроризм и миграция. Этот подход включает в себя анализ геополитических теорий, которые объясняют, как географические факторы влияют на региональную стабильность и глобальную динамику сил.

В качестве общенаучных методов использовались методы: дедукции, индукции, синтеза и анализа. Также, в ходе исследования применялись следующие методы:

- *Системный анализ*, позволяющий рассматривать геостратегические приоритеты Греции и Турции как совокупность взаимосвязанных элементов.

- *Сравнительный анализ*, позволяющий выявить общие и отличительные черты геостратегических приоритетов Греции и Турции.

- *Исторический анализ*, позволяющий выявить исторические предпосылки формирования геостратегических приоритетов Греции и Турции.

- *Метод контент-анализа (content analysis)* был применен для исследования политических и экономических сообщений, статистических данных, публикуемых в различных СМИ и официальных документах.

- *Метод кейс-стади (case-study)* использован для глубинного анализа конкретных политических ситуаций и событий, таких как конфликты в Восточном Средиземноморье и развитие энергетических проектов.

Исследование опирается на теоретическую базу, включающую методологические рамки геостратегических, международно-политических, геополитических и внешнеполитических концепций и подходов. Исследование использует геостратегический подход, рассматривая государства как

геополитические субъекты, движимые интересами безопасности и национальными целями.

Оно также учитывает методологическое утверждение диффузии политики и экономики в современном мире (У. Бэк), концепцию геоэкономического пространства, признавая государства субъектами, ставящими цели экономического развития как политического приоритета.

Кроме того, исследование использует методологические наработки, строящиеся вокруг понятия геокультурной идентичности, признавая государства культурными субъектами, стремящимися сохранить и продвигать свое национальное наследие и национальную идентичность. Греция и Турция, как ключевые игроки в Средиземноморье, демонстрируют различные идеологическое целеполагание и геостратегические приоритеты: сложный ландшафт безопасности региона, отмеченный терроризмом, миграционными потоками, проблемами энергетической безопасности и геополитическими соперничествами. Соответственно проводится геополитический анализ, состоящие в ответе на вопрос: как государства воспринимают и реагируют на отмеченные угрозы, опираясь на теории международной и региональной безопасности.

Наконец, теории анализа внешней политики предоставляют инструмент для понимания того, как Греция и Турция формулируют свои внешнеполитические цели и стратегии, которые неразрывно связаны с их геостратегическими приоритетами в Средиземноморском регионе.

Эмпирическая база исследования представлена следующими группами источников:

- материалы средств массовой информации, которые освещают актуальные события и политические дискуссии, связанные с исследуемой темой. Эти данные использованы для анализа текущих тенденций и позиций в отношении безопасности и внешней политики обеих стран;

- официальные документы, включая заявления правительств, стратегические документы и другие авторитетные материалы Греции, Турции и Кипра¹⁰. Эти источники использованы для изучения того, как официально формулируются национальные интересы и стратегические цели данных государств;

- статистические данные, собранные с официальных сайтов, таких как Всемирное интегрированное торговое решение (WITS)¹¹. Эти данные применялись для количественного анализа экономических показателей, моделей торговли, а также для исследования экспорта и импорта нефти и газа в Греции и Турции;

- официальные документы по энергетическим проектам в регионе¹².

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) на основе теоретического анализа концепта Большого Средиземноморья, обоснован геостратегический характер как теоретический и практически доминирующий в значении данного концепта, что позволило предложить связанный концепт геостратегического пространства Большого Средиземноморья. В параметрах мировой политики вычленены составляющие безопасности как таковой и региональной безопасности Средиземноморья, определяющие и определяемые современными вызовами и угрозами, с которыми сталкиваются Греция и Турция, а именно: обеспечение территориального и морского суверенитета; контроль за ресурсами и их транзитом; будущее глобальных альянсов; широкие политические (и даже цивилизационные) повестки дня; развитие коллективной безопасности и культурная однородность и близость.

2) автор доказывает, что геостратегические приоритеты Турции в развивающемся ландшафте региональной безопасности Средиземноморья,

¹⁰ Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gr/en/index.html>; Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/default.en.mfa>; Republic of Cyprus Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.cy/>

¹¹ World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>; YCHARTS. URL: <https://ycharts.com/indicators>; TRADING ECONOMICS. URL: <https://tradingeconomics.com/indicators>

¹² EuroAfrica Interconnector. URL: <https://www.euroafrica-interconnector.com/at-glance/>; EuroAsia interconnector. URL: <https://euroasia-interconnector.com/at-glance/>; EASTMED. URL: <https://www.eastmed.gr/>

заклучены прежде всего в расширении контроля и влияния в сухопутных и морских районах Средиземноморья, особенно в Сирии, Ливии и на Кипре, поддержании сбалансированной политики с северным и южным берегами, используя противоречия для достижения своих интересов. Также важным является укрепление энергетической безопасности через создание условий для превращения Турции в транзитную страну для энергоресурсов между Россией, Ближним Востоком и Центральной Азией. Одновременно Турция стремится к реализации доктрины «Голубой родины», чтобы контролировать пересечения между Черным, Восточным Средиземным и Красным морями. Важным направлением остается перестройка отношений с Ближним Востоком для смягчения последствий политики Турции во время Арабской весны и получения экономических выгод. В то время как приоритеты Греции включают укрепление достоверной федеральной региональной структуры для противодействия экспансионистской политике Турции, а также обеспечение контроля и надзора за морскими путями между Восточным Средиземноморьем, Северной Африкой и Европой, чтобы позиционировать себя как важную точку входа в Европу. Помимо этого, Греция стремится укрепить энергетическую безопасность через развитие инфраструктуры, логистики и сотрудничество со странами-производителями энергии. Важной задачей является также развитие военного сотрудничества с Израилем, Кипром и Египтом для формирования антитурецкой оси безопасности Север-Юг.

3) обоснована стратегическая важность Восточного Средиземноморья и Эгейского моря как геополитического центра притяжения в Большом Средиземноморском регионе, учитывая, что доминирование над ними конкретной державы означает доминирование над регионом в целом.

4) выявлены геополитические, исторические, экономические и политические доминанты и цели исследуемых государств и иных политических акторов в Греции и Турции, которые определяют их целеполагание и приоритеты в контексте региональной безопасности. В исследовании определены четыре основные области, на которых эти страны концентрируют свои стратегии, а

именно: торговые транзитные маршруты, энергетика, национальная безопасность и политико-экономические отношения с региональными блоками.

5) представленная в исследовании геополитическая динамика взаимоотношений между Грецией и Турцией показала влияние новой стратегической ориентации обеих стран на спорные вопросы, которая привела к ужесточению мнений и противоречивых взглядов на эти вопросы, что привело к эскалации в последние годы.

6) наряду с углубленным исследованием политики, взаимосвязи политики и экономики и приоритетов безопасности Греции и Турции, автор определяет современные угрозы безопасности и вызовы, с которыми сталкивается Средиземноморский регион, включая терроризм, нарушение энергетических потоков, усиление влияния негосударственных субъектов, фрагментацию государств, размывание территориальной целостности, конкуренцию различных внешних акторов за влияние и доминирование в регионе, в котором отсутствуют региональное сотрудничество и консенсус по ключевым вопросам безопасности и характеризующийся политической и экономической фрагментацией, разнообразием политических режимов, различным уровнем развития стран и разрушением постулатов Вестфальской системы международных отношений. Кроме того, существуют региональные конфликты, такие как конфликты в Сирии, Ливии, Йемене, палестино-израильский и ливано-израильский конфликты, в дополнение к миграционным потокам, вызванным этими конфликтами. Регион также сталкивается с вызовами, связанными с глобальной торговлей и открытиями в области энергетики, благодаря своему статусу перспективного элемента в глобальных цепочках поставок товаров, услуг, энергетических ресурсов и сырья, которые отвечают экономическим потребностям и интересам стран.

7) предложены потенциальные сценарии конфликтного развития событий, включая войну, между Грецией и Турцией, принимая во внимание их членство в НАТО и геополитические последствия спорных стратегических территорий и географического характера приграничных районов. Можно предсказать, что

сухопутной или длительной войны между странами не произойдёт. В случае военного сценария Турция, вероятнее всего, предпримет быструю и решительную морскую операцию с целью захвата восточных островов Эгейского моря. Также возможно, что стороны достигнут дипломатического решения и соглашения.

8) в исследовании впервые в российской литературе представлены новые материалы из арабских, греческих и турецких источников, которые позволяют понять меняющиеся приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сходства геостратегических приоритетов Греции и Турции в Средиземноморском регионе проявляются в нескольких ключевых аспектах. Оба государства стремятся к доминированию в этом регионе, это стремление подпитывается геополитическим положением, богатой историей и культурным наследием, а также экономическими амбициями. Контроль над важнейшими ресурсами, такими как морские торговые пути, богатые месторождения углеводородов, и стратегически важные морские зоны, является важной целью для обеих стран, что обуславливает их активную морскую деятельность и милитаризацию. Наряду с этим, как Греция, так и Турция активно используют дипломатические инструменты для продвижения своих интересов, а также не брезгают демонстрацией военной силы.

2. Различия геостратегических приоритетов Греции и Турции в Средиземноморском регионе проявляются в ряде аспектов. Греция позиционирует себя как лояльный член ЕС и НАТО, что обеспечивает ей поддержку и защиту со их стороны. Ее внешняя политика преимущественно ориентирована на Европу, что выражается в тесных связях с ЕС, стремлении к интеграции и координации действий. Греция также стремится сохранить статус-кво в регионе, отвергая любые попытки изменения границ или пересмотра существующих балансов сил. Турция, напротив, стремится к более независимой внешней политике, которая не всегда согласуется с курсом ЕС и НАТО. В последние годы Турция уделяет больше внимания Ближнему Востоку, что связано с растущими экономическими и

геополитическими интересами в этом регионе. Приоритетом Турции является расширение своего влияния в Средиземноморье, что проявляется в активной дипломатии, увеличении военного потенциала и поддержке союзников.

3. Факторы, влияющие на геостратегическую динамику Греции и Турции, можно разделить на несколько ключевых аспектов. Членство в НАТО и ЕС сдерживает обе страны от прямого конфликта, но в тоже время создает дополнительные противоречия и линии разлома. Отношения с США и Россией играют важную роль в геостратегическом балансе сил в регионе, где поддержка одной из этих держав может значительно усилить позиции в противостоянии. Экономические интересы подталкивают к поиску компромиссов и сотрудничеству, но одновременно могут стать источником конфликта при обострении отношений. Внутренняя политическая ситуация в Греции и Турции, а также электоральные циклы могут влиять на курс этих стран в регионе, делая его более или менее конфронтационным. Общественное мнение в обеих странах, историческая память и националистические настроения могут играть как позитивную, так и негативную роль в процессе урегулирования региональных проблем.

4. Очаги напряженности между Грецией и Турцией сконцентрированы в Эгейском море и на Кипре. В Эгейском море споры ведутся о принадлежности островов и морских зон, что приводит к столкновениям и кризисам. Нарушения воздушного пространства Греции турецкими самолетами и нерешенная демаркация морских границ также обостряют обстановку. На Кипре разделение острова на две части, споры об экономических зонах и неразрешенный вопрос о воссоединении остаются ключевыми проблемами региона, усложняемыми противоречивыми позициями сторон и вмешательством внешних сил.

5. Результаты исследования дают основания для следующих прогнозов. Несмотря на напряженность в отношениях, открытая война между Грецией и Турцией представляется маловероятной. Однако, в случае эскалации конфликта и перерастания его в войну, она, скорее всего, будет носить морской характер. Военные действия будут стремительными и решительными. Целью Турции может

стать захват восточно-Эгейских островов для обеспечения контроля над стратегически важными морскими путями. Ввиду глубоких противоречий и отсутствия компромиссной позиции сторон, решение кипрского вопроса в ближайшее время представляется маловероятным, вследствие наложения двух факторов: исторические конфликты и продолжающиеся территориальные споры. Разногласия между общинами киприотов-греков и турок, различия в восприятии безопасности и суверенитета, позволяют предложить авторское видение взаимодействия между общественным мнением и политическими инструментами и целями. Наиболее реалистичным сценарием является соглашение о разграничении исключительных экономических зон вокруг Кипра. Это позволит обеим сторонам начать совместную разработку природных ресурсов и проложить путь к дальнейшему урегулированию конфликта.

6. Геостратегическая конкуренция Греции и Турции, уходящая корнями вглубь истории, требует комплексного и долгосрочного решения. Диалог и сотрудничество в различных сферах, активная поддержка международным сообществом мирного урегулирования на Кипре и создание системы региональной безопасности на основе доверия – вот ключевые элементы для достижения мира и стабильности в Средиземноморье. Только учитывая интересы всех сторон, можно разорвать узел напряженности и построить прочное будущее для региона.

Теоретико-практическая значимость исследования. Исследование вносит вклад в развитие теории геополитики, поскольку автором предложен концепт геостратегического пространства Большого Средиземноморья, который позволяет более полно учитывать специфику этого региона. Это может способствовать более широким дискуссиям в области мировой политики, региональной безопасности и шире, исследованиям в области безопасности. С теоретической точки зрения, исследование предоставляет также теоретико-методологические основания для анализа и сравнения геополитических стратегий Греции и Турции в Средиземноморском регионе, позволяя лучше понять их геостратегическую динамику и потенциальные последствия.

Результаты исследования также могут быть использованы как государственными, так и негосударственными учреждениями, участвующими в разработке политики и стратегическом планировании. Они могут составить аналитическую и концептуальную базу для разработки обоснованных решений и стратегий, касающихся безопасности и стабильности в Средиземноморском регионе.

Более того, исследование может служить основой для дальнейших исследований динамики региональной безопасности в Средиземноморье, а также для анализа аналогичных геостратегических соперничеств или альянсов в других регионах. Результаты этого исследования также могут служить теоретической и методологической основой для разработки академических курсов и лекций по геостратегическим исследованиям, исследованиям в области безопасности, мировой политике и политике Средиземноморья в рамках направления подготовки «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение».

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует паспорту специальности 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования по следующим позициям области исследования: п. 3, п. 5, п. 7, п. 8, п. 12, поскольку в исследовании рассматриваются ключевые аспекты мировой политики, включая региональные подсистемы международных отношений и мировой политики. Внимание уделяется трансформации мирового порядка, анализу систем глобальной и региональной безопасности, а также вопросам международных кризисов и конфликтов. Также подробно рассмотрены внешнеполитические приоритеты и дипломатическая деятельность Греции и Турции.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены на LVII Международной научно-практической конференции «Российская Наука в Современном Мире» (Актуальность.РФ, Москва, 2023 г.) и LX Международной научно-практической конференции «Российская Наука в Современном Мире» (Актуальность.РФ, Москва, 2024 г.).

Положения, выносимые на защиту, опубликованы в рецензируемых изданиях, включённых в перечень ВАК Российской Федерации и перечень РУДН, а также в сборниках статей аспирантов и соискателей. По теме исследования диссертант опубликовал 3 статьи в научных журналах, входящих в перечень ВАК Российской Федерации и перечень РУДН и 2 тезисов в материалах конференций.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры сравнительной политологии РУДН и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка литературы и источников.

Глава I. Средиземноморский регион в современной геополитической архитектуре мировой политики

1.1. Геостратегический концепт Большого Средиземноморья: эволюция содержания

Большое Средиземноморье на протяжении тысячелетий служило мостом между континентами. История имеет множество примеров империй и новых великих держав, которые стремились проецировать свою мощь в регионе и вокруг него, и все они использовали Средиземное море в качестве коммуникационного и транспортного пространства. Средиземноморье облегчало доступ к разным континентам, и те субъекты, у которых были соответствующие средства и политическая воля, использовали регион для демонстрации силы и обеспечения сравнительного преимущества против своих противников.

В большей части зарубежных исследовательских концепций (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Х. Маккиндер, Н. Спикмен) фрагменты средиземноморского прошлого используются в качестве предпосылки для пространственной артикуляции международных отношений в рамках построения единой средиземноморской цивилизации. В результате это привело к образованию нарратива «Большое Средиземноморье».

Понятие «Большое Средиземноморье» впервые было предложено французским историком Ф. Броделем, который в своих трудах рассуждал о расширительном понимании данного геоэкономического пространства, формирующего особый макрорегион – «мир-экономику» Большого Средиземноморья. Ученый писал, что невозможно понимать Большое Средиземноморье только в географическом направлении исследований или в любом другом ограниченном пространственно-динамическом понимании¹³. С его точки зрения, отправной точкой определения Большого Средиземноморья является Средиземноморский бассейн. В то же время в роли основного и

¹³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3: События. Политика. Люди. М., 2018.

универсального пространства, объединяющего все области Большого Средиземноморья в единый экономический мир, является море, которое обеспечивает торговлю и водные коммуникации внутри региона, а также становится точкой соединения нескольких цивилизаций на пространстве одного макрорегиона¹⁴.

В трудах Ф. Броделя Большое Средиземноморье имеет отличительную особенность: как единое пространство оно вмещает различные цивилизации, которые обладают свободой морского сообщения. Согласно теории адмирала А. Мэхэна, морская мощь («Sea Power») является ключом к глобальному господству; по сравнению с силой суши наличие морской мощи делает Большое Средиземноморье более ценным макрорегионом на геополитической карте мира¹⁵.

В целях дальнейшего развития концепции Большого Средиземноморья Ф. Броделя можно использовать теорию пространственно-временной реальности, сформулированную американским социологом И. Валлерстайном, сопоставляющего каждый временной промежуток с конкретным пространством для социальных действий¹⁶. Из данной теории вытекают следующие исторические предикаты, относящиеся ко времени, через которые раскрывается единый эвристический потенциал времени и пространства, а именно: «эпизодическое геополитическое время-пространство; циклично-идеологическое время-пространство; структурное время-пространство; трансформационное время-пространство; вечное время-пространство»¹⁷.

В случае применения обозначенных временных предикатов к Большому Средиземноморью как макрорегиону «эпизодическое геополитическое время-пространство» демонстрирует существующую и сегодня диспропорцию сил

¹⁴ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.

¹⁵ Sumida J. Alfred Thayer Mahan, Geopolitician // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22. Iss. 3. P. 39–62.

¹⁶ Wallerstein I. World-Systems Analysis // *World System History* / ed. G. Modelski, in *Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS)*, Developed under the Auspices of the UNESCO, Eolss Publishers. Oxford, UK. URL: <http://www.eolss.net>

¹⁷ Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2002.

региона, ее перманентную динамику. «Циклично-идеологическое время-пространство» демонстрирует, что Большое Средиземноморье на протяжении столетий конструируется в качестве единого политико-географически целого пространства. «Структурное время-пространство» демонстрирует наличие неизменной и долговременной структурной целостности Большого Средиземноморья на протяжении нескольких столетий. «Трансформационное время-пространство» позволяет судить об эпизодических, но влияющих на определение формации региона событиях, которые на протяжении нескольких исторических циклов способны менять его структуру и географию. «Вечное время-пространство» указывает на географическую определенность Большого Средиземноморья в качестве неизменного элемента планетарного пространства.

Ф. Бродель отмечал, что сущность Средиземноморья следует рассматривать в более широком смысле, не игнорируя при этом человеческий фактор, который открывает возможность очертить его границы в несколько рядов. В своих интерпретациях Ф. Бродель ведет речь не о единой границе в качестве объекта исследования, которая окружает регион Средиземноморья, а о множестве социокультурных границ, изобилующих политико-экономическим и культурным воздействием на средиземноморскую глубинную пространственность¹⁸.

В данном исторически сложившемся контексте проявляется, по всей видимости, принципиальный тезис Ф. Броделя: «Мир Большого Средиземноморья с различными границами, густонаселенный и разнообразный, представляет собой нечто единое, в том числе и благодаря объединению различных исторических пластов»¹⁹.

В конце XIX – начале XX в. был введен ряд геополитических моделей для объяснения влияния или детерминации географических аспектов на международную политику. Вестфальская модель международных отношений сделала государство самой важной единицей социальной организации в мировой

¹⁸ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002.

¹⁹ Ibid.

политике, что способствовало усовершенствованию системы взаимоотношений между автономными политическими единицами²⁰.

Сквозь призму данной модели мироустройства Большое Средиземноморье можно рассматривать в качестве региона большого значения, в котором все происходящие ферментированные политические события могут иметь глобальное влияние, что отчетливо проявляется на примере конфликтов на Ближнем Востоке, затрагивающих весь мировой порядок.

Важность Большого Средиземноморья прослеживается и в теории мироустройства, предложенной английским географом и геополитиком Х. Маккиндером (в дальнейшем его теорию развивал американский геополитик профессор Н. Спикмен), которая определяет Восточную Европу от Балтийского моря через Черное море как стратегическое дополнение к Евразийскому континенту. Средиземноморье в этой интерпретации представлено «внутренним или крайним полумесяцем – Римлендом»²¹. Контроль над этой геополитической территорией, по мнению Х. Маккиндера, определяет доминирующую силу Евразии, тем самым открывая возможности к управлению всем миром²².

В 1919 г. исследователь начал использовать геополитический термин «Хартленд» («сердцевина», место расположения важнейшего, богатого, перенасыщенного природными ресурсами и наиболее привлекательного ядра – центр Евразийского континента), расширив свою геополитическую карту, включив в нее Восточную Европу от Балтики до Черного моря в качестве стратегического приложения к Внутренней Евразии. Это стало основой его цитаты: «Кто правит Восточной Европой, тот управляет Хартлендом; кто правит Хартлендом, тот управляет Мировым Островом (Европа и Азия); кто правит Мировым островом, тот правит миром»²³.

²⁰ Osiander A. Relations and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. Iss. 1.

²¹ Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942.

²² Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction / ed. by St. Mladineo. Washington: NDU Press, 1942.

²³ Mackinder H. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. Iss. 4. P. 421–444.

Х. Маккиндер сосредоточился на теории определения Средиземноморья как «географического центра» или «сердца» на Евразийском континенте. Центральная область любой средиземноморской сухопутной державы – это так называемый «географический центр истории», то есть центральная область Евразийского континента²⁴. Большое Средиземноморье, соответственно, является составляющей «Хартленда» как желаемый объект для захвата и влияния.

Н. Спикмен, в отличие от упомянутых геополитиков, сосредоточился на так называемых «маргинальных зонах». Он считал, что зона, расположенная на двух концах средиземноморского пространства (то есть на границе суши и моря), зажатая между морской и наземной мощью, является ключом к мировому контролю в силу ее разнообразного населения, насыщенности ресурсами и активного использования внутренних морских путей²⁵. «Маргинальная зона», в частности, включала в себя прибрежные районы Европы, Аравийский полуостров, пустынный пояс Ближнего Востока и Азиатский регион.

В ходе геополитических исследований Х. Маккиндер и Н. Спикмен опирались на теорию морской и сухопутной мощи адмирала А. Мэхэна и рассматривали Средиземноморскую «маргинальную зону» как «спорную зону», в которой кроется важность морской и наземной мощи. Исследования Н. Спикмена стали основой теории американского геополитика С. Коэна о том, что геостратегические и богатые ресурсами области Большого Средиземноморья («маргинальные зоны» у Н. Спикмена) представляют собой «разрушительные пояса непрерывных геополитических споров»²⁶. В одном из своих исследований о географии международных отношений С. Коэн называл Средиземноморскую маргинальную зону стратегически ориентированной, но весьма проблемной

²⁴ Ibid.

²⁵ Holmila A. Re-thinking Nicholas J. Spykman: from Historical Sociology to Balance of Power // The International History Review. 2020. Vol. 42. Iss. 5. P. 951–966.

²⁶ Cohen S. Geopolitics: The Geography of International Relations. Maryland: Rowman & Littlefield, 2015.

территорией, поскольку она глубоко разделена внутренними противоречиями, но вместе с тем вовлечена в конкуренцию между крупными державами²⁷.

Если Х. Маккиндер выделял Грецию как ключевое звено Большого Средиземноморья (он настаивал на том, что Средиземноморский регион не может быть очерчен без учета важной роли Греции), то американский политолог З. Бжезинский рассматривал уже Турцию в роли одного из акторов, важность которого определяется не только его мощностью и мотивацией, но и уязвимым местоположением в регионе²⁸. Две страны – Греция и Турция, безусловно, являются весомой частью Большого Средиземноморья и считаются чрезвычайно важными для определения регионального порядка.

Постепенно в обновленный геополитический контекст Большого Средиземноморья проникают новые идеологические цели, в числе которых хорошо известный тезис американского политолога С. Хантингтона о столкновении цивилизаций²⁹, через который можно снова подчеркнуть огромное значение Большого Средиземноморья как соединения различных культур, где напряженная политическая среда неизбежно порождает конфронтацию и беспорядки. Комплексная разработка С. Хантингтоном линий разломов между цивилизациями, охарактеризованных как зоны, где внутригосударственная междоусобица или межгосударственная война может перерасти в глобальную³⁰, дает возможность рассматривать Большое Средиземноморье в качестве «колыбели» цивилизаций и одновременно одного из самых нестабильных регионов мира. Уместно в данной связи привести точку зрения директора средиземноморской программы Калифорнийского университета в Санта-Барбаре

²⁷ Cohen S. *Geography and Politics in a World Divided*. Oxford: Oxford University Press, 1973.

²⁸ Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. N.Y.: Basic Books, 1997.

²⁹ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. London: Simon & Schuster, 2011.

³⁰ Bicchi F. *The Mediterranean, between Unity and Fault Line* // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4. Iss. 2. P. 329–339.

К. Фогу о том, что поток метафор вокруг темы Средиземноморья практически бесконечен³¹.

Наряду с изложенными теоретическими наработками заслуживает внимания и современная интерпретация Большого Средиземноморья в российском научно-исследовательском дискурсе. И.А. Чихарев предлагает определение Большого Средиземноморья в следующей интерпретации: «...географическое, геополитическое, геоэкономическое и культурное пространство, находящееся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря»³².

Г.А. Косов утверждает, что Большое Средиземноморье следует рассматривать исключительно как «концепт (теорию, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, конфликта и консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических проектов»³³. Из данного определения можно обосновать также цивилизационную динамику Большого Средиземноморья как переплетения культур и цивилизаций: начинаясь с традиционной протоцивилизации (Г.А. Косов называет ее «Протовосток»), где существовали общества с традиционными психологическими и ментальными характеристиками, осуществляется переход к образованию западной цивилизации и новому психологическо-ментальному типу³⁴. Тем самым образуется симбиоз западной, мусульманской и православной цивилизаций, определяющий их взаимное проникновение в Большом Средиземноморье.

Осмысляя изложенные теоретические концепции обоснования Большого Средиземноморья, можно выделить два важных аспекта.

³¹ Fogu C. From Mare Nostrum to Mare Aliorum: Mediterranean Theory and Mediterraneanism in Contemporary Italian Thought // California Italian Studies Journal. 2010. Vol. 1. Iss. 1.

³² Чихарев И.А., Ярмач О.В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 1. С. 99–109.

³³ Косов Г.В., Татарков Д.Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. 2020. № 1. С. 111–129.

³⁴ Ibid.

Во-первых, пространство Большого Средиземноморья невозможно рассматривать исключительно на базе понимания бассейнового (морского) феномена. Большое Средиземноморье обретает свое качественное наполнение именно в роли большого геостратегического пространства, поскольку в его коммуникативные процессы вплетены масштабные континентальные зоны.

Во-вторых, в исторической ретроспективе регион Большого Средиземноморья был образован как своеобразная проекция стратегических позиций, политических и военно-силовых возможностей весомых международных акторов, и эти проекции на протяжении веков наслаивались друг на друга. Реальные действия акторов намечают контуры ключевых геополитических проектов в рамках региона.

Таким образом, специфика Большого Средиземноморья как геополитического проекта международных акторов может проявляться только в случае комплексного рассмотрения истории региона, а не путем сравнительной истории отдельных его стран, так как ретроспектива Большого Средиземноморья – это история развития особого геополитического и социокультурного феномена.

Целесообразно обозначить географию и геостратегический императив Большого Средиземноморья. С точки зрения М. Тлили, Большое Средиземноморье представляет собой точку соприкосновения азиатских, европейских и африканских стран, а Средиземное море можно охарактеризовать как «морские ворота» для стран Восточной Азии, стран ЕАЭС и СНГ³⁵. Ссылка на Тлили? да

Большое Средиземное море приобрело свое главное геостратегическое значение во время Второй мировой войны, когда нацистская Германия, фашистская Италия и Советский Союз увидели в нем инструмент к региональному и дальнейшему мировому господству. Германия считала его частью «Großdeutschland». Как отмечает К. Дженсен, интерес Германии к

³⁵ Tlili M., Imagining a new Mediterranean world. // Project Syndicate. 2011. [Electronic resource] URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imagining-a-new-mediterranean-world?barrier=accesspaylog> (accessed: 27.10.2021)

Средиземноморью задолго до военных действий был обусловлен тем, что ранний немецкий национализм был не антизападным, а скорее антиюжным, и врагами национализма считались представители средиземноморских цивилизаций, которых планировалось «поглотить» в концепт «Великой Германии»³⁶; Италия – «mare nostrum» (концепт «своего моря»)³⁷; а СССР – как инструмент стратегического соперничества с Западом³⁸.

Наиболее распространенным подходом к исследованию Большого Средиземноморья является евроцентричный. Он получил свое развитие в европейских академических кругах с 1970-е годы. Проевропейский подход изучения пространства Большого Средиземноморья способствовал образованию терминологического тандема «Евросредиземноморье», для определения союзнических направлений взаимодействия Европейского союза (ЕС), Ближнего Востока и Северной Африки.

Как отмечает М. Гуаскони, европейские инициативы в отношении Большого Средиземноморья были сосредоточены в первую очередь на стабилизации региона и усилении в нем роли объединенной Европы³⁹. Автор объясняет это тем, что в период 1972–1974 гг. ЕС (на тот момент – ЕЭС) разработал сразу несколько инициатив для взаимодействия с регионом (к примеру, евро-средиземноморское партнерство и начало евро-арабского диалога с Лигой арабских государств). Это позволяет судить о заинтересованности Европы в налаживании взаимовыгодного партнерства со средиземноморскими странами, в стабилизации их конфликтного потенциала и политико-экономической поддержке.

В исследовании В.Д. Нечаева с соавторами отмечается, что такой подход Европы к Большому Средиземноморью был призван закрыть собой вызванные

³⁶ Jansen Ch. The Formation of German Nationalism, 1740–1850 // The Oxford Handbook of Modern German History /ed. by H. Smith. 2011.

³⁷ Agbamu S. Mare Nostrum: Italy and the Mediterranean of Ancient Rome in the Twentieth and Twenty-First Centuries // Fascism. 2019. Vol. 8. Iss. 2. P. 250–274.

³⁸ Малышева Д. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // Международная жизнь. 2015. № 11.

³⁹ Guasconi M.E. Europe and the Mediterranean in the 1970s. The Setting Up of the Euro-Arab Dialogue // Les cahiers Irice. 2013. Vol. 1. Iss. 10. P. 163–175.

биполярностью «разломы» в отношениях Европы с Ближневосточным регионом⁴⁰. В итоге это предусматривало переформатирование пространства под фундамент для деятельности успешных акторов на евроатлантическом поприще – ЕС и США⁴¹.

Однако, как подчеркивает в своем исследовании руководитель Средиземноморской программы итальянского аналитического центра по международным отношениям Д. Хабер, концепция Евросредиземноморья, начиная с 1990-х годов, была движима только европейскими экономическими интересами и интересами безопасности самой Европы, при этом Европейское сообщество совершенно не занималось проблемами конфликтогенности региона⁴².

Узкие геополитические интересы в Большом Средиземноморье со стороны Европы (ориентация на собственные экономические выгоды и невозможность полноценной реализации Евросредиземноморского партнерства на равных условиях) привели к тому, что ЕС вступил в контакт лишь с небольшим числом государственных субъектов региона (в частности, с такими восточными странами, как Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Иордания, Ливан, Сирия), сделав упор на двусторонние методы ведения международного сотрудничества. Это существенно ограничило диапазон европейского влияния, тем самым подорвав изначально заявленные постулаты Евросредиземноморского партнерства.

Американский подход к Большому Средиземноморью на протяжении всего XX столетия строился на получении военно-экономических преимуществ для США. Э. Бьюкенен предлагает следующую интерпретацию опыта США в Большом Средиземноморье: США никогда не рассматривали Средиземноморье как периферийный театр военных действий, но разработали стратегические

⁴⁰ Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. 2019. № 1. С. 67–74.

⁴¹ Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геополитические основания проекта «геостратегический атлас Большого Средиземноморья» // Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы междунар. конф. М., 2019. С. 163–178.

⁴² Huber D., Paciello M.C. A Comprehensive, Integrated, and Bottom-up Approach // Medreset Methodology and Concept Papers. 2016. № 1. P. 2–21.

интересы в регионе на основе взаимодействия политической, военной и экономической мощи⁴³. Успех региональной стратегии позволял наиболее точно описать Большое Средиземноморье XX в. как «Американское озеро»⁴⁴.

Согласно точке зрения А. Эхтешами и А. Мохаммади, в самый разгар «холодной войны» Большое Средиземноморье было центральной зоной конфликта между сверхдержавами, и прибрежным государствам было трудно сохранить свою идентичность между военно-политическим альянсом НАТО, с одной стороны, и странами Организации Варшавского договора – с другой⁴⁵. Авторы отмечают, что часть средиземноморских государств совершила «разворот на Запад» (в основном это европейские страны – Греция, Израиль), в то время как другие остались приверженцами советского блока (в основном – страны Ближнего Востока).

По мнению А. Эхтешами и Ка Фоскари М. Пачелло, Большое Средиземноморье имеет свою собственную уникальную динамику, порождающую значительные межгосударственные конфликты, которые, как показали еще войны 1956 г. (Суэцкий кризис или Вторая арабо-израильская война), 1967 г. (Шестидневная война), и 1973 г. (Война Судного дня), включали в себя существенную региональную внешнюю составляющую⁴⁶. Очевидны также конфликты и секьюритизированная напряженность более «местного» характера: турецкая оккупация Кипра, вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. и растущая напряженность между Грецией и Турцией в XXI в. (борьба за ресурсы в восточном Средиземноморье 2020–2021 гг.) – все это явные примеры, вызывающие раскол между государствами и сообществами пространства Большого Средиземноморья.

⁴³ Buchanan A. *American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

⁴⁴ Salt A. *American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II (Book Review)* by Andrew Buchanan // *Canadian Military History*. 2018. Vol. 27. Iss. 2. P. 34–37.

⁴⁵ Ehteshami A., Mohammadi A. *The Key Powers' Construction of the Mediterranean // Medreset Policy Papers*. 2017. Vol 2. Iss. 1. P. 2–20.

⁴⁶ Ehteshami A., Huber D., Paciello C. *The Mediterranean Reset: Geopolitics in a New Age*. Durham: Global Policy, 2017.

Однако к началу XXI в. изложенные западные подходы к концептуальному проектированию Большого Средиземноморья как зоны своего непосредственного влияния, претерпели ряд неудач: США развязали ряд конфликтов на Ближнем Востоке, а европейский средиземноморский проект столкнулся с барьерами в силу экономического кризиса, волн «Арабской весны», миграционной катастрофы, «Брексит», пандемией COVID-19 и прочего. Это обусловило тот факт, что Большое Средиземноморье, традиционно являющееся территорией активности США и Европы, стало также зоной российской и китайской активности.

Как утверждает И.А. Чихарев, российская активность в Большом Средиземноморье может быть обоснована событиями нескольких последних лет⁴⁷. Сюда относятся такие важные события, как вхождение Крыма в состав Российского государства; активная борьба России с терроризмом на Ближнем Востоке; активное участие России в Гражданской войне в Сирии. Все перечисленные факторы позволяют говорить о России как об одном из важных акторов, которые влияют на внутрирегиональные события в Большом Средиземноморье.

С точки зрения представителей Европейского центра Карнеги, вопреки широко распространенному мнению о том, что амбиции России в Большом Средиземноморье – это вопрос ее стремления приблизиться к статусу великой державы, они являются продуктом постоянных требований российской национальной безопасности. Главной причиной активного возвращения России в Средиземноморский регион была перспектива недопущения военной конфронтации на Европейском театре военных действий и опасения по поводу уязвимости ее южного фланга в натянутых отношениях с НАТО⁴⁸.

⁴⁷ Чихарев И.А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. № 3. С. 441–458.

⁴⁸ Rumer E., Sokolsky R. Russia in the Mediterranean: Here to Stay. // Carnegie Endowment for International Peace. May 21, 2021. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/27/russia-in-mediterranean-here-to-stay-pub-84605> (accessed: 23.10.2021)

Размышляя об интересах не менее важного на современной геополитической карте мира актора – Китая и его присутствии в регионе, отметим, что за последние пять лет Китай воплощает в жизнь свои национальные приоритеты с возрастающей активностью в Большом Средиземноморье. Эту активность целесообразно суммировать по трем основным направлениям: создание форумов отраслевого сотрудничества между Китаем и Южной Европой; инвестиции в транспортную, энергетическую и телекоммуникационную инфраструктуру региона; проведение военных учений в Средиземном море в рамках общего развития китайского морского присутствия⁴⁹.

Итак, большинство теоретиков уделяют особое внимание ряду основных характеристик Большого Средиземноморья, включая его историческую сложность, географическую уязвимость и несбалансированное развитие, которые являются важными факторами возникновения средиземноморского кризиса XXI в. (конфронтация между арабами и европейцами, соперничество между державами, контроль над проливами и Суэцким каналом, перманентные военные конфликты и пр.). Сегодня Большое Средиземноморье – это пространство конфронтации между великими державами, о чем свидетельствует сирийский вопрос, инвестирование военно-стратегической мощи в регион со стороны великих держав, интерес таких «геополитических новичков» в регионе, как азиатские гиганты (Китай) и т.п.

Можно согласиться с точкой зрения Эммануэля П. Вамвакаса о том, что конкуренция за контроль над этим геостратегическим перекрестком возобновилась по трем основным причинам: во-первых, пассивное внимание к региону со стороны США; во-вторых, возросший интерес к коммерческой деятельности (в силу открытия больших запасов природных ресурсов) традиционных и новых внешнерегиональных и внутререгиональных акторов;

⁴⁹ Ekman A. China in the Mediterranean: An Emerging Presence. // Notes de l'Ifri, February 2018. [Electronic resource] URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_mediterranean_2018_v2.pdf (accessed: 26.05.2021)

регулярные внутренние политические волнения и вооруженные конфликты в Большом Средиземноморье⁵⁰.

Таким образом, текущая ситуация в Большом Средиземноморье представляет собой нестабильный симбиоз геостратегических ставок высокого уровня. Старые споры (например, между Грецией, Кипром и Турцией) изменились из-за нового соперничества за доступ к ресурсам и их транзиту, а переделка политической карты Ближнего Востока и воздержание западных игроков от активного участия в политике региона открыли новые возможности для амбиций таких акторов, как Россия и Китай. Соответственно, новая «большая игра» в Большом Средиземноморье в значительной степени касается желаний поддержки гегемонии в регионе со стороны тех или иных игроков.

Можно утверждать, что в действиях внерегиональных заинтересованных акторов возникают четыре различных, но взаимосвязанных приоритета в регионе: обеспечение территориального и морского суверенитета; контроль за ресурсами и их транзитом; будущее глобальных альянсов; широкие политические (и даже цивилизационные) повестки дня.

Множественность рассмотренных проблем и представлений способствует интерпретации статуса Средиземноморья в качестве обособленного пространства, как маршрута перехода между Востоком и Западом, характеризующегося серьезной экономической, социальной и политической фрагментацией, которая подпитывает кризисы, региональную дестабилизацию и транснациональные угрозы.

Все изложенное делает Большое Средиземноморье оригинальным пространством для посредничества и взаимодействия, а также возможной моделью устойчивого развития по принципу развития политического и военного пограничного пространства. Если представлять Средиземноморье как открытое для диалога периферийное пространство, то оно может способствовать развитию инновационных альтернативных обществ, нового совместного развития

⁵⁰ Vamvakas P. Global Stability and the Geopolitical Vortex of the Eastern Mediterranean // Eastern Mediterranean Geopolitical Review. 2015. Vol. 1. Iss. 1. P. 44–60.

сбалансированного сотрудничества. Тем не менее этот баланс остается хрупким: он основан на асимметриях, которые должны развиваться, и на динамике интеграции, которая, хотя и является позитивной в глобальном масштабе, может создавать напряженность между сторонами победителей и проигравших. В этом отношении Большое Средиземноморье – одна из главных проблем эпохи, когда мировое пространство может быть преобразовано скорее его периферией, чем центрами, но в условиях возникновения сомнений в надежности и стабильности региона это, как следствие, ведет к решению о поддержании уже существующих в макрорегионе сторон и систем.

Рассмотренные классические и неоклассические геополитические модели и теории, безусловно, небезупречны: ряд известных оппонентов критикуют их за то, что они чрезмерно упрощают мировоззрение, не учитывая особенности как исторического, так и географического пространства. Однако они по-прежнему представляют собой существенный инструмент для формулирования внешней политики региональных и мировых держав. Следовательно, Средиземноморье остается одним из самых важных геостратегических пространств на земном шаре независимо от какой-либо модели мира или вида анализа.

1.2. Стратегическое значение Средиземноморского региона: ракурс мировой политики

Настоящий параграф призван показать, как трансформируются глобальные процессы в Средиземноморском регионе, стратегически расположенном на пересечении трех континентов, где события на одном берегу часто формируют повестку дня и события на другом. В особенности это актуально в свете того, что за последние годы в этом регионе усилилась геополитическая напряженность, наряду с нестабильностью, вызванной конфликтами, сбоями в политическом управлении и экономическими раздорами.

Итак, Средиземноморский регион можно обозначить в качестве пересечения трех континентов – Европы, Азии и Африки, что обуславливает характеристику этого региона в качестве центра соперничества великих держав мира еще с древних времен. Именно эта уникальная особенность расположения всегда делала Средиземноморье одной из важнейших геополитических и геостратегических точек на карте мира.

За последние десятилетия Средиземноморье превратилось в одну из главных геополитических зон, где разворачиваются новые экономические, военные и идеологические сражения. В то время как достаточно хрупкая архитектура региональной безопасности регулируется состоянием отношений по Т. Гоббсу, когда «на уровне международных отношений сохраняется состояние войны всех против всех, и это состояние перманентно»⁵¹, возникло множество факторов нестабильности и беспорядков. В результате чего регион оказался в ситуации постоянной геополитической напряженности.

В период «холодной войны» Средиземноморский регион был одним из наиболее важных стратегических пунктов для двух сверхдержав – США и Советского Союза. Соединенные Штаты подкрепляли свое присутствие через поддержку отношений с Турцией и Грецией, которые получили полноту власти в

⁵¹ Жарков В. Реализм в теории международных отношений. // Постнаука. 06.11.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/35053> (дата обращения: 15.05.2021)

регионе в роли союзников по НАТО. Такая политика рассматривалась как «сопротивление США советскому экспансионизму» с 1947 г. на базе греко-турецкого пакета помощи в качестве части доктрины Трумэна⁵².

С другой стороны заинтересованность советской стороны в регионе проявлялась в тесных связях Советского Союза с такими странами, как Сирия и Египет (создание военно-морских баз в сирийском порту г. Тартус, и г. Сиди Баррани в Египте), при помощи осуществлялось наблюдение за военно-морской деятельностью НАТО в регионе⁵³. Советский Союз также развернул свой обширный набор инструментов присутствия в Средиземноморье: дипломатическое присутствие, политическое проникновение, экономическая помощь, продажа вооружений, помощь со стороны советских военных советников, в целях расширить свою сеть внешних отношений по всему Средиземноморью⁵⁴.

Никогда официально не декларируя американской средиземноморской политики, США все же непрерывно преследовали собственные интересы в регионе. В большей степени это интересы военного характера, заключающиеся в недопущении установления гегемонии какого-либо одного государства в Средиземноморье. Опять-таки, эта политика стала следствием эпохи «холодной войны», когда США стремились обеспечить поддержку «правового фланга» НАТО и линий коммуникаций со своими союзниками по Альянсу в регионе, в том время как СССР обеспечивал поддержку «южного фланга» от угроз и влияния со

⁵² Merrill D. The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity // Presidential Studies Quarterly. – 2006. – Vol. 36. – Iss. 1, pp. 27-37.

⁵³ Bagheri A. What is happening in the Mediterranean region? // Daily Sabah. September 11, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/what-is-happening-in-the-mediterranean-region> (accessed: 17.05.2021)

⁵⁴ Rumer E. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None // Carnegie Endowment for International Peace. October 31, 2019. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (accessed: 17.05.2021)

стороны Евро Атлантики, контролируя тем самым стабильность транспортных путей, проходящих по Средиземному морю⁵⁵.

Однако с распадом СССР и окончанием «холодной войны» Средиземноморский регион отошел на второй план в геополитических приоритетах Запада. Значение Средиземноморья в американских интересах существенно уменьшилось по мере завершения американо-советского конфликта и по мере того, как Вашингтон переключил свое внимание на борьбу с терроризмом на Востоке после террористических атак 11 сентября 2001 г.

В особенности, так называемый «поворот» администрации Б. Обамы в сторону Азии также дал понять прибрежным средиземноморским державам то, что Соединенные Штаты не заинтересованы в ведении активной внешней политики в этом направлении. Противоречивые сигналы администрации Д. Трампа об интересах и приверженности США, включая попытки вывода американских войск из Сирии, также усилили точку зрения о том, что Соединенные Штаты «покидают регион»⁵⁶.

В настоящих условиях, с точки зрения некоторых американских экспертов, назрела необходимость пересмотра американской внешней политики в регионе Средиземноморья, что подкрепляется двумя ключевыми факторами. Во-первых, как отмечает Э. Эдельман: Турция, когда-то являвшаяся прозападным оплотом на юго-восточном фланге НАТО, стала скорее соперником американских интересов⁵⁷. В частности, неоднозначная позиция Турции в отношении Кипра, Египта, Греции и Израиля, на современном этапе также ставит под угрозу и усилия США по содействию региональному энергетическому развитию, которое снизило бы зависимость Европы от российского природного газа.

⁵⁵ Тимакова О.А. Средиземноморское направление политики НАТО на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Тимакова Ольга Александровна; науч. рук. Иванов О.П. - Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 20.

⁵⁶ Edelman E. Trump's Capitulation to Erdogan Destroys U.S. Credibility // Foreign Policy. October 8, 2019. [Electronic resource] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/10/08/trumps-capitulation-erdogan-turkey-syria-kurds-destroys-us-credibility/> (accessed: 17.05.2021)

⁵⁷ Tahiroglu M., Edelman E. Erdogan's Rising Islamist Militarism. // The Washington Examiner. March 6, 2018. [Electronic resource] URL: <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/erdogans-rising-islamist-militarism> (accessed: 18.05.2021)

Во-вторых необходимость корректировки американской стратегии в Средиземноморье обусловлена и возрастающим количеством государственных и негосударственных акторов, стремительно заполняющих «геополитический вакуум» в регионе⁵⁸. В частности, гражданская война в Сирии дала возможность расширить свое присутствие в регионе таким игрокам, как Россия и Иран. С этой точки зрения, конкуренция интересов может проявляться в российских военных базах на сирийском побережье Средиземного моря. Также что касается иранского присутствия в регионе, можно говорить о том, что обширная сеть доверенных лиц Ирана через «Хезболлу» и другие шиитские организации способна оказывать политико-военное влияние на Сирию и Ливан, предоставляя Ирану возможность проложить «сухопутный коридор» к Средиземному морю⁵⁹.

В частности, именно преобразования в арабском мире в последние годы также поспособствовали ослаблению позиций традиционных региональных акторов и созданию очагов нестабильности и фрагментированных территорий в регионе (например, Сирии, Ирака, Йемена, Ливии), которые активно эксплуатируются негосударственными субъектами (ополчения, джихадистские движения и пр.). Присутствие хрупких, нестабильных, дисфункциональных государств в регионе подчеркивает распад идеи колониального порядка после мировых войн⁶⁰. И это условие может иметь серьезные дестабилизирующие последствия в региональных рамках, если не для всей международной системы.

Свидетельства, вызванные этими кризисами, указывают на преобладание центробежных сил над устаревшей идеей унитарных государств и традиционных границ. В частности, основные движущие силы конфликтов в регионе основаны на территории (суша или море) по давним спорам, к примеру, в таких спорах как

⁵⁸ Edelman E., Erdemir A. American Interests in the Eastern Mediterranean // Foundation for Defense of Democracies. December 15, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.fdd.org/analysis/2020/12/15/defending-forward-american-interests-in-the-eastern-mediterranean/#easy-footnote-bottom-4-112921> (accessed: 18.05.2021)

⁵⁹ Adesnik D., Taleblu D., McMaster H. Burning Bridge: The Iranian Land Corridor to the Mediterranean // Foundation for Defense of Democracies. June 18, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.fdd.org/analysis/2019/06/18/burning-bridge/> (accessed: 18.05.2021)

⁶⁰ Aydıntaşbaş A., Barnes-Dacey J., Bianco C., Lovatt H., Megerisi T. Overview: Fear and loathing in the eastern Mediterranean // European Council on Foreign Relations. May 2020. [Electronic resource] URL: https://ecfr.eu/special/eastern_med (accessed: 19.05.2021)

между Грецией, Кипром и Турцией, которые в дальнейшем были преобразованы новыми геополитическими соперниками как конфликты за доступ к энергетическим ресурсам в Восточном Средиземноморье⁶¹.

Отсутствие т.н. единого внешнего гаранта, который как в прошлом обеспечивал бы «нестабильную стабильность» в регионе, можно рассматривать как важный источник нестабильности: растущее снижение интереса и присутствия США, а спустя двадцать пять лет после подписания Барселонской декларации и начала политики Евросредиземноморского партнерства, средиземноморская политика ЕС также не увенчалась успехом⁶².

В этом контексте, стоит выделить и европейские стратегические интересы в регионе. Необходимо отметить позицию Председателя Совета министров Италии в 1960-х гг. А. Моро, ставшую фундаментальной фразой о том, что вопросы европейской безопасности тесно связаны с возможностью Европы обеспечить устойчивую политику в Средиземноморском регионе, учитывая, что ни перед одним государством не стоит вопрос того, к какому региону себя относить – Европе или Средиземноморью, учитывая, что «вся Европа находится в Средиземноморье»⁶³.

Следует отметить уместность вышеизложенного похода, учитывая, что сильная взаимосвязь между европейскими государствами обуславливает влияние новых вызовов не только на имеющие выход к Средиземному морю государства, но и на другие государства Европы. К примеру, в рамках миграционного кризиса, при котором беженцы, попадая в Грецию, Италию, Испанию, Португалию, направлялись транзитом в более стабильные с экономической точки зрения и привлекательные с «социальной точки зрения» (пособия) государства ЕС (Францию, Германию). Это возлагало необходимость противодействие

⁶¹ Ibid.

⁶² Agostini F., Melcangi A., Caffio F., Cassardi P. Challenges for cooperation in the Mediterranean after the global pandemic. // Shared Awareness and Deconfliction in the Mediterranean SHADE MED. November 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.operationirini.eu/wp-content/uploads/2020/11/Booklet-of-Shade-Med-2020..pdf> (accessed: 20.05.2021)

⁶³ The Italian strategy in the Mediterranean. Stabilising the crises and building a positive agenda for the region. // Farnesina: Rome MED – Mediterranean Dialogues, 2017. [Electronic resource] URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-eng.pdf> (accessed: 23.05.2021)

миграционной проблеме и иным, производным от нее проблемам (транзит, размещение, контроль за внешними границами ЕС), не только на приграничные государства, но и все государства ЕС, а также на государства Ближнего Востока и Северной Африки.

Другим аспектом, обуславливающим стратегическое значение Средиземноморского региона для ЕС, выступает упомянутая ранее роль региона как потенциальной площадки для развития политико-экономических, энергетических, транзитных связей между европейским регионом и Африкой, Азией. Характерными направлениями в данном случае выступают такие глобальные проекты как китайская инициатива «Один пояс – один путь»⁶⁴, и иные, производные от данной инициативы направления («Зеленый Шелковый путь», «Энергетический Шелковый путь», «Экономический пояс Шелкового пути», «Медицинский Шелковый путь» – в контексте пандемии коронавируса, и т.п.). Также перспективными в данном случае направлениями являются проекты увеличения пропускной способности Суэцкого канала (учитывая событие, связанное с блокированием данного канала судном Ever Given в марте 2021 г. данная практика обладает стратегическими последствиями, поскольку блокирование одним судном данного канала приводит к потерям свыше \$9 млрд. ежедневно и может нанести урон экономическим интересам не только государствам Средиземноморья, но и государствам в других регионах мира)⁶⁵.

Особая важность Средиземноморского региона для Европы, в свою очередь, заключается в т.н. «геополитическом парадоксе региона»⁶⁶. Под которым подразумевается сильная стратегическая и историческая взаимозависимость между государствами ЕС и странами Ближнего Востока, Северной Африки, а

⁶⁴ См.: 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》 («Видение и меры по содействию строительству экономического пояса Шелкового пути и морского шелкового пути 21-го века») // [Электронный ресурс] URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (дата обращения: 17.05.2021)

⁶⁵ СМИ: блокировка Суэцкого канала обходится в 9,6 миллиарда долларов в день // РИА Новости. 25.03.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210325/uscherb-1602888125.html> (дата обращения: 22.05.2021)

⁶⁶ Bicchi F. The Mediterranean, between unity and fault line // Global Affairs. – 2018. – Vol. 4. – Iss. 2, pp. 329-339.

также необходимость минимизировать риски и угрозы, исходящие из данного региона, для стабильного осуществления политического, экономического, стратегического, энергетического, социально-культурного взаимодействия.

Тем не менее, любые попытки сформулировать европейский проект региональной стабильности были ослаблены внутренним расхождением в политических приоритетах ЕС и восприятием рисков и вызовов в рамках расширенных границ ЕС. Это условие провоцирует разногласия в политике ЕС, выполнение односторонних инициатив (например, односторонняя деятельность Италии в содействии странам Средиземноморья) или открытому внутриевропейскому соперничеству за вектор средиземноморской политики.

Соответственно, можно наблюдать рост политического раскола и конфликтов идентичности между двумя берегами бассейна, который стал восприниматься в качестве «баррикады»⁶⁷. Очевидно, что это вызвало рост популистских и антимигрантских движений в Европе и кардинальных отход от евро-средиземноморских программ, активно реализуемых в прошлом. Более того, некоторые исследователи склонны полагать, что именно апатия США и стратегический тупик ЕС привели к геополитической реконфигурации и перебалансировке сил в Средиземноморском регионе, что открыло новые возможности для амбициозных планов региональных и международных игроков⁶⁸. В частности, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Турция, а также Китай и Россия предприняли активные шаги для продвижения своих интересов регионе Средиземноморья.

⁶⁷ Agostini F., Melcangi A., Caffio F., Cassardi P. Challenges for cooperation in the Mediterranean after the global pandemic. // Shared Awareness and Deconfliction in the Mediterranean SHADE MED. November 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.operationirini.eu/wp-content/uploads/2020/11/Booklet-of-Shade-Med-2020..pdf> (accessed: 20.05.2021)

⁶⁸ См.: Riegel Y., Tardy D. Tensions and Cooperation in the Mediterranean. // Strategic Watch - Final Report. September 2020 - February 2021. [Electronic resource] URL: <https://f-origin.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/4512/files/2021/03/Final-Report-Mediterranean-RIEGEL-TARDY.pdf> (accessed: 23.05.2021); Clarke C., Courtney W., Martin B., McClintock B. Russia Is Eyeing the Mediterranean. The U.S. and NATO Must Be Prepared // The Rand Blog. June 30, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.rand.org/blog/2020/06/russia-is-eyeing-the-mediterranean-the-us-and-nato.html>(accessed: 23.05.2021)

Так, Большое Средиземноморье, традиционно являющееся театром активности США и Европы, стало свидетелем роста российского и китайского влияния.

Рассматривая российские интересы, стоит отметить, что Россия стремится к большему доступу и свободе передвижения в Средиземноморском регионе путем усиления, прежде всего, своего военного присутствия. После того, как в 2015 г. российская авиация осуществляла операции в Сирии в целях предотвращения свержения режима Б. Асада, в 2017 г. главой Минобороны С. Шойгу было официально объявлено о формировании «постоянной группировки войск» в порту Тартус и близлежащей авиабазе Хмеймим в сирийской провинции Латакия⁶⁹. Если раньше у России был лишь военно-морской логистический комплекс в Тартусе, то по новому соглашению 2017 г. Россия сроком на 49 лет финансирует расширение военной базы на сумму в 500 млн. долл⁷⁰. Такое положение способно обеспечить России большую способность для длительных и более удаленных операций в Средиземном море.

Также Россия обеспечивает и свое присутствие в Египте. Успех в Сирии принес еще больше выгод России в ее стремлении к расширению влияния в Средиземноморье. Когда американо-египетские отношения охладели после событий государственного переворота в стране в 2013 г. против бывшего президента М. Морси, новый лидер Египта А. Ас-Сиси обрел прочного партнера в лице Президента России, чья поддержка сирийского лидера Б. Асада стала сигналом для региональных держав о том, что в отличие от Вашингтона, Москва поддерживает своих партнеров. Улучшение отношений с Египтом также открыло путь для возобновления средиземноморского диалога – так, с 2017 г. Каир и

⁶⁹ Затари А. Забыли забрать: что Россия оставляет в Сирии. // Газета.ру. 26.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/12/26/11548646.shtml> (дата обращения: 24.05.2021)

⁷⁰ Foy H. Russia to invest \$500m in Syrian port of Tartus // Financiat Times. December 17, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.ft.com/content/f52bdde6-20cc-11ea-b8a1-584213ee7b2b> (accessed: 23.05.2021)

Москва договорились об использовании египетских баз для российской авиации⁷¹ регулярном проведении совместных авиа-учений по противовоздушной обороне⁷².

Также можно говорить и о том, что энергетическая политика России также остается важнейшим компонентом присутствия страны на мировой арене, в частности – в Средиземноморье. Но эта политика должна будет продолжать развиваться в ответ на быстро меняющуюся обстановку в газовом секторе и политические события (процесс стабилизации и восстановления в Ливии, отношения с Турцией).

По мнению представителей Европейского центра Карнеги (*признан в РФ организацией, выполняющей функции инагента*), интересы России в Большом Средиземноморье продиктованы не только желанием стать великой державой, как принято считать. Скорее, они проистекают из необходимости обеспечения национальной безопасности. Основной мотивацией для возобновления участия России в Средиземноморье является стремление избежать потенциального военного конфликта в Европе и устранить опасения по поводу ее южного фланга в свете напряженных отношений с НАТО⁷³.

На основании вышеизложенного, следует говорить о том, что приоритеты России в Средиземноморском регионе вращаются вокруг четырех основных целей: усиление своего присутствия в энергетическом секторе; размещение постоянных вооруженных сил в Сирии и борьба с экстремизмом; партнерство с Турцией для достижения более широких стратегических целей; повышение эффективности российского военного присутствия в регионе за счет сочетания

⁷¹ McGregor A. How Does Russia Fit into Egypt's Strategic Plan? // The Jamestown Foundation. February 14, 2018. [Electronic resource] URL: <https://jamestown.org/program/russia-fit-egypts-strategic-plan/> (accessed: 23.05.2021)

⁷² См.: Vandiver J. Russia launches air defense drills in Egypt in sign of growing influence in region. // Stars and Stripes. October 30, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.stripes.com/news/russia-launches-air-defense-drills-in-egypt-in-sign-of-growing-influence-in-region-1.605202> (accessed: 23.05.2021); Adamczyk E. Russia, Egypt join in air defense exercise Arrow of Friendship. // UPI. October 30, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.upi.com/Defense-News/2019/10/30/Russia-Egypt-join-in-air-defense-exercise-Arrow-of-Friendship/5101572456838/> (accessed: 23.05.2021)

⁷³ Rumer E., Sokolsky R. Russia in the Mediterranean: Here to Stay. // Carnegie Endowment for International Peace. May 21, 2021. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/27/russia-in-mediterranean-here-to-stay-pub-84605> (accessed: 23.05.2021)

военно-политического сотрудничества и военного базирования в союзнических государствах региона. Россия рассматривает Восточное Средиземноморье как зону конкуренции с Западом и стремится контролировать безопасность этого субрегиона, а также добычу и транспортировку своих энергоресурсов в Европу, расширяя политические контакты со всеми средиземноморскими странами, и, несмотря на некоторые противоречивые интересы, подбирая компромиссы в сотрудничестве.

Обсуждая интересы важного игрока на современном геополитическом ландшафте - Китая, крайне важно признать его растущее присутствие в Средиземноморском регионе. В течение последних пяти лет Китай активно реализовывал свои национальные приоритеты в этой области. Эту деятельность можно разделить на три основные области: создание форумов для отраслевого сотрудничества между Китаем и Южной Европой, инвестирование в транспортную, энергетическую и телекоммуникационную инфраструктуру региона и проведение военных учений в Средиземном море в рамках их общей стратегии по расширению своего присутствия на море⁷⁴.

Основные инвестиции Китая в Большом Средиземноморье сосредоточены в транспортной и энергетической инфраструктуре, а также в технологическом секторе. В то время как многие инвестиции (к примеру, солнечная энергия, электростанции и контейнерные терминалы) являются нейтральными или удовлетворяют внутренние потребности стран региона, иные направления вызывают большее беспокойство со стороны в основном западных акторов. Например, активы, расположенные в основных точках доступа к региону и вдоль ключевых торговых путей.

В частности, после завершения строительства проекта порта Эль-Хамдания в Алжире (50% китайских инвестиций), он станет вторым по величине портом в Северной Африке и соединится с морскими маршрутами Европы и Юго-

⁷⁴ Ekman A. China in the Mediterranean: An Emerging Presence. // Notes de l'Ifri, February 2018. [Electronic resource] URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_mediterranean_2018_v2.pdf (accessed: 26.05.2021)

Восточной Азии, занимая немаловажное место в китайской стратегии «Один пояс и один путь». Экономическое влияние Китая также проявляется и в кредитовании строительства шоссе Бар-Большаре в Черногории⁷⁵; в Албании Китаю принадлежит 100 % инвестиций в строительство аэропорта Тираны⁷⁶ и 95 % инвестиций в нефтяные месторождения страны⁷⁷.

Кроме того, Китай также продолжает двусторонние переговоры с Турцией по порту Измир, так как Стамбул имеет стратегическое значение для инициативы «Пояса и Пути». Также и китайский союз с Египтом представляет собой очень важный пункт для торговли Китая из-за значения Суэцкого канала для межконтинентальной морской торговли из Азии в Европу. Более того, Китай также имеет право управлять портом Ашдод в Израиле в течение следующих 49 лет⁷⁸.

В целом же можно говорить о том, что используя имеющийся опыт с проблемами и спорами в акватории Южно-Китайского моря, в случае со Средиземноморским регионом, Китай предпочитает оставаться в политике региона нейтральным игроком. С другой стороны, поскольку Китай не потеряет свои зоны влияния, он предпочитает быть в союзе с интересующими его правительствами стран региона и улучшать с ними экономические отношения. Исходя из этого, можно рассматривать сохранение союза Китая со странами региона также как стратегическое партнерство для национальных интересов Китая в силу важности некоторых логистических точек (например, Суэцкого канала) в торговле по инициативе «Пояса и Пути».

⁷⁵ Semanić H. Controversial Chinese motorway the largest Montenegrin project since independence. // European Western Balkans. April 16, 2019. [Electronic resource] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/04/16/controversial-chinese-motorway-largest-montenegrin-project-since-independence/> (accessed: 26.05.2021)

⁷⁶ Rapoza K. Albania Becomes Latest China Magnet. // Forbes, June 13, 2016. [Electronic resource] URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/06/13/albania-becomes-latest-china-magnet/?sh=471175772490> (accessed: 27.05.2021)

⁷⁷ Mejdini F. Chinese Buy Rights to Oil Fields in Albania. // BalkanInsight. March 21, 2016. [Electronic resource] URL: <https://balkaninsight.com/2016/03/21/chinese-company-to-take-over-oil-fields-of-albania-03-21-2016/> (accessed: 29.05.2021)

⁷⁸ Aydin A., Kahraman A.-I. China and the East Mediterranean Sea disputes. // TRTWorld. July 4, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.trtworld.com/opinion/china-and-the-east-mediterranean-sea-disputes-27998> (accessed: 30.05.2021)

По сути, для Китая способ защитить свои интересы в Средиземноморье заключаются в том, чтобы не только воздерживаться от активного вмешательства во внутреннюю политику других стран, но и предотвращать любые конфликты в их отношениях.

На основании вышеизложенного, можно говорить о том, что при рассмотрении реализации геополитических интересов в Средиземноморье таких весомых акторов, как Россия и Китай, мы приходим к следующему выводу. В то время как влияние России многогранно, китайское влияние в Средиземноморье в основном находится в экономической сфере. Мотивы двух стран также различаются: инвестиции Китая сосредоточены на приобретении стратегических экономических активов, таких как порты и коммуникационные пространства, которые создают потенциал для развития экономических отношений на долгосрочную перспективу. И хотя есть несколько примеров того, как Россия использует свое влияние для получения стратегического доступа к региону (например, порт Тартус в Сирии), ее усилия по региональному влиянию больше сосредоточены на поиске новых рынков для экспорта российских энергоносителей и военно-политических приоритетах.

Итак, текущая ситуация в Средиземноморье характеризуется исключительно нестабильным симбиозом геостратегических ставок высокого уровня. Старые конфликты, такие как споры между Грецией, Кипром и Турцией, изменились из-за новых противостояний за доступ к энергетическим ресурсам и их транспортировке. Перестройка политической карты Ближнего Востока и отсутствие участия Западных игроков в региональной политике открыли новые возможности для амбиций многих держав.

Следовательно, новая «большая игра» в Средиземноморье связана с желанием различных игроков сохранить гегемонию в регионе. Внерегionalные заинтересованные акторы имеют четыре различных, но взаимосвязанных приоритета: обеспечение территориальной и морской суверенитета, контроль над ресурсами и их транспортировкой, будущее глобальных альянсов и широкие политические и даже цивилизационные цели.

В отношении первого аспекта стоит отметить, что основные региональные споры касаются двух взаимосвязанных областей – прежде всего, это Эгейское море, как точка конфликта между Грецией и Турцией. В то время как обе страны в настоящее время осуществляют свой суверенитет только на расстоянии 6 морских миль, Греция оставляет за собой право применять положения Конвенции ООН по морскому праву (документ определяет территориальные до 12 морских)⁷⁹, которые лишат Турцию свободного доступа к открытому морю и будут рассматриваться Анкарой как повод для войны. Кроме того, проблемным вопросом остается и суверенитет над несколькими небольшими островами (в частности острова Имиа и Кардак)⁸⁰. Также и согласно условиям нескольких конвенций прошлого века, греческие острова в Восточном Эгейском море подчиняются сложному режиму демилитаризации (с четкими положениями для трех разных территорий). В этом случае Афины и Анкара регулярно оспаривают применимость и выполнение некоторых из их положений.

Еще одной проблемой является то, что Израиль и Ливан, которые находятся в перманентном состоянии войны, несмотря на попытки переговоров, все еще не установили своих сухопутных границ и не договорились о демаркации своей исключительной экономической зоны⁸¹.

Второй обозначенный выше аспект нестабильности в Средиземноморье касается контроля за ресурсами и транзита ресурсов. Безусловно, территориальные споры в Средиземноморье уже успели стать историческим

⁷⁹ United Nations Convention on the Law of the Sea on 10 December 1982. // Official site UN. [Electronic resource] URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (accessed: 30.05.2021)

⁸⁰ Papastavridis E. The Greek-Turkish Maritime Disputes: An International Law Perspective. // ELIAMEP. Policy paper № 36. July 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.eliamep.gr/en/publication/%CE%BF%CE%B9-%CE%B5%CE%BB%CE%BB%CE%B7%CE%BD%CE%BF%CF%84%CE%BF%CF%85%CF%81%CE%BA%CE%B9%CE%BA%CE%AD%CF%82-%CE%B4%CE%B9%CE%B1%CF%86%CE%BF%CF%81%CE%AD%CF%82-%CF%83%CF%84%CE%BF-%CE%B8%CE%B1%CE%BB%CE%AC/> (accessed: 30.05.2021)

⁸¹ Stocker J. Putting out to Sea: what the history of Lebanese-Israeli negotiations can tell us about current negotiations over a Maritime boundary. // War on the Rocks. November 12, 2020. [Electronic resource] URL: <https://warontherocks.com/2020/11/putting-out-to-sea-what-the-history-of-lebanese-israeli-negotiations-can-tell-us-about-current-negotiations-over-a-maritime-boundary/> (accessed: 02.06.2021)

феноменов и насчитывают не одно десятилетие, но ресурсная составляющая придала им повышенную актуальность в XXI в. Это особенно характерно для государств Леванта и Северной Африки (особенно для Египта, Ливана и Израиля, как основных поставщиков ресурсов с прибрежных территорий). Также и Ливия продолжает оставаться небольшим производителем газа, но значительным экспортером нефти – всех тех ресурсов, которые являются ключевой ставкой в текущей гражданской войне в стране.

В тоже время и Турция сильно зависит от импорта топлива из-за рубежа и стремится к повышению энергетической безопасности, в том числе за счет сокращения доли российского газа в своем импорте. В Восточном Средиземноморье Турция сосредотачивает свой интерес на добыче ископаемых в водах вокруг Кипра.

Параллельно с этим Турция давно стремилась позиционировать себя как энергетический центр региона, и это остается важным компонентом ее стратегии в Средиземноморье. Турция рассматривает возможный проект «EastMed» (грандиозную инициативу по соединению энергетической сети Израиля, Кипра, Крита и материковой Греции) как угрозу своим стратегическим интересам. В особенности это актуально с учетом того, что с точки зрения позиции официальной Анкары газопровод «East Med» должен будет пересекать непосредственно турецкие воды, поэтому любой прогресс в реализации этого проекта может оказаться невозможным без признания требований Турции в отношении ее территориальных прав и прав на ресурсы на Кипре⁸².

Соответственно, можно говорить о том, что Турция «играет мускулами в Восточном Средиземноморье»⁸³, занимаясь упомянутой разведкой и добычей ресурсов вокруг Кипра – в основном в спорных водах, а также в рамках соглашения, подписанного Анкарой с Триполи о демаркации новых морских

⁸² Egypt at Heart of East Med Export Plans. // Energy Intelligence. September 30, 2020. [Electronic resource] URL: https://www.energyintel.com/pages/eig_article.aspx?DocId=1085459 (accessed: 04.06.2021)

⁸³ Pierini M. New Power Struggles in the Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace, July 30, 2020. [Electronic resource] URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/07/30/new-power-struggles-in-mediterranean-pub-82403> (accessed: 04.06.2021)

границ за счет Греции и Кипра в ноябре 2019 г⁸⁴. И столь решительные шаги со стороны Турции являются ничем иным, как ответом на исключение Анкары из газового проекта «EastMed».

Изложенное подтверждает тот факт, что хотя запасы энергетических ресурсов в Средиземноморье, с одной стороны, поспособствовали сотрудничеству между некоторыми акторами региона – к примеру, Израилем и Египтом, с другой стороны, они привели к еще большему конфликту с Турцией и ее соседями. И, несмотря на утверждения о том, что «разработка энергетической кооперации в регионе может быть мирным проектом»⁸⁵, геополитические последствия серии крупных энергоресурсных открытий в Средиземноморье за последнее десятилетие явно влекут за собой неоднозначные последствия.

В частности, вышеизложенное дает основания говорить о том, что на сегодняшний день Средиземноморье представляет собой главное «поле битвы», где разыгрывается не только соперничество между конкурирующими региональными державами внутри различных конфессий средиземноморского мира, но и геополитическое соперничество внерегиональных игроков. Еще больше усугубила геополитическую картину региона пандемия Covid-19, которая отвлекла внимание большего числа правительств заинтересованных в регионе акторов, частично заморозив их действия в Средиземноморском регионе.

С точки зрения Б. Тертрейс, превращение Средиземноморья в горячую геополитическую точку является результатом почти пяти лет кризисов и оппортунистических действий в политическом пространстве, открывшемся через арабские восстания (в Сирии, Ливии, Египте), миграционный кризис и уменьшающуюся роль Запада как «честного брокера» в регионе⁸⁶.

⁸⁴ Butler D., Gumrukcu T. Turkey signs maritime boundaries deal with Libya amid exploration row. // Reuters. November 28, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-libya-idUSKBN1Y213I> (accessed: 05.06.2021)

⁸⁵ Cunningham N. EastMed Gas Aggravates Regional Tensions. // The Fuse. January 15, 2020. [Electronic resource] URL: <https://energyfuse.org/eastmed-gas-aggravates-regional-tensions/> (accessed: 06.06.2021)

⁸⁶ Tertrais B. Whose Sea? Untangling the Eastern Mediterranean Great Game. // Institut Montaigne. October 8, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/whose-sea-untangling-eastern-mediterranean-great-game> (accessed: 08.06.2021)

Таким образом, подводя итоги, уместно рассуждать о том, что стратегическая важность Средиземноморского региона заключается в двух тенденциях:

во-первых, позиционирование данного региона как потенциального источника региональных и глобальных вызовов и угроз, что обуславливает деятельность региональных и внерегиональных акторов, направленных на стабилизацию ситуации в регионе;

во-вторых, идентификация данного региона как перспективного элемента в глобальных цепочках поставок⁸⁷ товаров, услуг, энергетических ресурсов, сырья, обеспечивающих экономические нужды и интересы государств при учете транзитного потенциала данного региона.

Средиземноморский регион вновь становится центром геополитических интересов и многие из акторов становятся все более вовлеченными и стремятся получить дальнейшее влияние в регионе. Сирийский и ливийский вооруженные конфликты дестабилизируют регион и превращаются в стратегии, в которых региональные и глобальные державы пытаются добиться желаемого результата. Соединенные Штаты, как ранее главная и доминирующая держава в регионе, с хорошо сплоченной сетью альянсов, входят в число тех акторов, которые увеличили свое присутствие на Ближнем Востоке и уменьшили его в Средиземном море. Вероятная причина этой закономерности кроется в усилении мощи России в Средиземноморском регионе. Россия становится более квалифицированным игроком-дипломатом в некоторых конфликтных ситуациях в регионе, способным глубже утвердиться в Средиземноморье. Китай также не избежал конкуренции за лидерство в регионе и, несмотря на отсутствие достаточного военно-морского опыта и мощи для присутствия в Средиземноморье, использует для этого инвестиционные возможности. Высокая степень вовлеченности Турции в конфликты и споры в регионе, претензии

⁸⁷ Глобальные цепочки поставок - это совокупность процессов и операций, которые связывают производителей, поставщиков и потребителей в разных странах мира. Они включают в себя все этапы производства, от закупки сырья до доставки готовой продукции к конечному потребителю. Глобальные цепочки поставок являются ключевым элементом мировой экономики и позволяют компаниям получать доступ к новым рынкам, увеличивать эффективность производства и снижать затраты.

Ангары на энергетические ресурсы, обнаруженные в водах Кипра и антизападная риторика заставляют Европу терпящую поражение в средиземноморской политике, в кооперации со средиземноморскими союзниками, настороженно относиться к Турции (в частности, эта политика и необходимость создать кооперацию для противодействия политике Турции привели к появлению так называемого клуба «EastMed», созданного Израилем, Египтом, Грецией и Кипром).

Итак, на сегодняшний день образ Средиземноморья можно рассматривать в качестве разделенного на ряд взаимосвязанных геополитических и внутренних кризисов, которые вовлекают международные и региональные державы, а также местных, национальных и субнациональных игроков в новые столкновения.

Тем не менее, кризис в Средиземноморье крайне многогранен и обширен, и невозможно ожидать, что в ближайшее время его можно разрешить тем или иным способом. Это может привести лишь к игре с нулевой суммой, тогда как напряженность может возрастать между одними акторами и снижаться среди других. Все эти дестабилизирующие факторы продолжают подпитывать друг друга в виде спиралевидного эффекта, в результате чего противоречивые позиции различных участников конфликтов в регионе становятся более агрессивными. И из-за крайне ограниченного видения многих дестабилизирующих процессов в поведении ряда участников не только региональной, но и глобальной политики, Средиземноморский регион рискует перейти к, так называемой «геополитической нерелевантности», по отношению к реальным факторам региональной нестабильности.

1.3 Безопасность Средиземноморья: основные параметры

Говоря о системе безопасности Средиземноморья, прежде всего, необходимо отметить ее многофакторность и большое количество взаимосвязанных элементов. В районе Средиземноморья, состоящего из двадцати двух национальных государств, безопасность государств тесно взаимосвязана. По словам К. Бюегера и Т. Эдмундса битва за безопасность в Средиземноморье «часто носит типичный характер сотрудничества»⁸⁸. Это утверждение становится очевидным, если принимать во внимание те факторы безопасности, которые угрожают национальной безопасности, экономическому развитию и безопасности человека, особенно с 2010-х гг. Угрозы безопасности региона многочисленны и гибридные, начиная от мировой торговли, открытий в области энергетики, вторичных эффектов гражданских войн в Ливии и Сирии, нелегальной иммиграции, торговли людьми, экотерроризма, транснациональной организованной преступности, возвращения к соперничеству сверхдержав и дублирующих требований суверенитета, что выражается в постоянных спорах региональных акторов о делимитации морских границ. Теоретические ожидания и материальные стимулы, проистекающие из этих многочисленных компонентов безопасности, формирующих Средиземное море, исторически предсказывают возникновение регионального сотрудничества и развитие аппарата сотрудничества в области безопасности, в котором задействовано большинство, если не все национальные государства региона. Однако до сих пор Средиземноморье в этом отношении терпело неудачу. Как справедливо отмечает Р. Ячучи: нигде изменения в концептуальном и практическом понимании «рассеянного склероза» не были более очевидными, чем в районе Средиземноморья в отношении постулатов обеспечения безопасности⁸⁹.

⁸⁸ Bueger Ch., Edmunds T. Beyond seablindness: a new agenda for maritime security studies. // *International Affairs*. – 2017. – Vol. 93. – Iss. 6, pp. 1293-1311.

⁸⁹ Yahchouchi R. Maritime Security in the Mediterranean Sea. deciphering the Security Puzzle. // Konrad-Adenauer-Stiftung, 2021. [Electronic resource] URL:

Говоря о базовых характеристиках безопасности, важно упомянуть о том, что после официального завершения периода «холодной войны» европейская часть мира ощутила себя освобожденной от гипотетических военных угроз, хотя военный потенциал Советского Союза и существование на европейских территориях «социалистического лагеря» в расчет всеми принимался. С того момента источники безопасности были охарактеризованы территориями, граничащими с Евро-Атлантикой. В данной связи особой важностью обладает тот фактор, что Европа неразрывно взаимосвязаны с Южным Средиземноморьем общей структурой географического и экономического пространств⁹⁰.

В данной связи в период 1990-х гг. в западном сообществе (непосредственно на фланге НАТО) стали появляться соображения о формировании своеобразного щита безопасности в Средиземноморье. В части НАТО, такого рода дискуссии перетекли в глобальную идею образования южной стратегии НАТО, так как берега Юго-Восточного Средиземноморья в этот период стали представлять собой катализатор угроз не столько региональной, столько и международной напряженности, а итоги конфликтов на территории Ближнего Востока стали негативно отражаться на политической стабильности таких акторов, как США, Китай и Россия.

Так, отталкиваясь от теории комплексов региональной безопасности О. Вейвера и Б. Бузана⁹¹, видится возможным говорить о том, что среда безопасности Средиземноморья сочетает в себе ряд черт. Прежде всего, это касается политической и экономической фрагментации, разноформатности политических режимов и уровня странового развития, что, безусловно, негативно сказывается на отношениях внутри региона.

<https://www.kas.de/documents/282499/282548/Maritime+Security+Med+Sea+Final+Design+Ant+Agency.pdf/29ea922c-7999-3e1a-c970-dc056219b40b?version=1.0&t=1631865566647> (accessed: 14.09.2021)

⁹⁰ Lesser I. Mediterranean Security. New Perspectives and Implications for U.S. Policy. // RAND Corporation Report, 1992. [Electronic resource] URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2008/R4178.pdf> (accessed: 11.09.2021)

⁹¹ Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp.195.

Во-вторых, как показывает практический опыт региона, активная фаза тех или иных региональных конфликтов продолжается небольшой промежуток времени и сразу перетекает от вопросов внешней политики к вопросам о внутренней политике. В связи с этим, к примеру, безопасность непосредственно самого Средиземноморья и Ближневосточного региона в большинстве своем зависима не от обстановки на международном поприще, а от позиций безопасности на внутреннем уровне, которая не столь распространена и обсуждается гораздо меньше, чем проблематика международной безопасности.

Безусловно, имеют место быть и такие риски, как угроза распространения ОМУ, либо фактор международного терроризма, но такие риски приобретают формат международных, именно по той причине, что региональная кооперация не дала возможности какой-либо стабилизации ситуации на внутригосударственном уровне, не предоставила возможности решить социально-экономические или этнические проблемные моменты. В данной связи для Средиземноморья становятся наиболее удобными уже не региональные, а международные и комплексные сети и институты сотрудничества.

В-третьих, следует упомянуть фактор угроз, связанный с активным вмешательством в региональную политику внешних сил, не принадлежащих к Средиземноморскому региону и не имеющих географического прилегания к нему, но имеющих свои стратегические интересы. Несмотря на постоянные политико-экономические кризисы, Средиземноморье сохраняет свое глобальное значение⁹². И как показывает проведенный в предыдущем параграфе анализ, внешнее присутствие в регионе обладает перманентным характером не одно десятилетие. В связи с чем, Средиземноморье можно рассматривать в качестве разделенного на ряд взаимосвязанных геополитических и внутренних кризисов, которые вовлекают международные и региональные державы, а также местных, национальных и субнациональных игроков в новые столкновения.

⁹² Тимакова О.А. Средиземноморское направление политики НАТО на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Тимакова Ольга Александровна; науч. рук. Иванов О.П. - Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 23.

В особенности морская политика ключевых заинтересованных государств отражает изменяющуюся природу безопасности Средиземноморья, поскольку на нее влияет сухопутная мощь, а не исключительно военно-морская мощь, как в прошлом, когда безопасность на море в основном заключалась в хорошем порядке (на море) и угрозах в результате конфликта между государствами⁹³.

Растущий приоритет стран Средиземноморья можно объяснить появлением четырех конкретных и взаимосвязанных динамик: открытия источников энергии и дублирующие требования суверенитета, выраженные спорами по вопросам морских границ, геополитическое соперничество, возвращение конкуренции сверхдержав, нелегальная иммиграция, торговля людьми. В совокупности это привело к более активному участию многочисленных игроков (например, Турции, Греции, Кипра, Франции, Италии, Египта, Ливии и Алжира) и внешних держав, а именно США, России и Китая. Таким образом, в Средиземноморье в настоящее время активнее, чем когда-либо, участвуют новые субъекты, отчасти порождая вмешательство НАТО и ЕС, при этом у каждого актора и объединения есть государства-члены, находящиеся в разладе друг с другом (например, Турция-Греция в НАТО, или Франция и Италия в ЕС) в этой «пористой» сфере безопасности региона.

Итак, как сложилось исторически в рассматриваемом регионе, именно глобальные международные коалиции стремились заниматься вопросами предотвращения тех или иных угроз и кризисов. В этой связи стоит согласиться с точкой зрения М. Кукарцевой, отмечающей что «на протяжении веков Запад стремился контролировать страны Средиземноморья и вмешивался во внутренние дела государств средиземноморского мира»⁹⁴.

Вместе с тем, сами страны Средиземноморского региона в полной мере стремятся к более тесному взаимодействию с влиятельными игроками международной арены в целях укрепления своей стратегической роли в регионе.

⁹³ Tauffer M. The Evolution of Maritime Security in the Mediterranean Sea. // Strategic Studies. – 2015. – Vol. 35. – Iss. 4, pp. 45-60.

⁹⁴ Кукарцева М.А., Тимакова О.А. Средиземноморье и партнерские программы НАТО // Обозреватель. – 2016. – № 7. С. 79.

Столь ярко выраженная зависимость видна в отношении средиземноморских стран арабского мира сквозь призму евроатлантического разворота Средиземноморья. Все это также порождает сложности, которые целесообразно именовать проблемами гео-историко-политического формата.

Также необходимо говорить о такой угрозе, как открытость/закрытость пространства Средиземноморского региона. В особенности это ярко выражается на примере Трансатлантического дискурса. Хотя и Европа, и Америка по точкам зрения безопасности разнятся и расходятся во мнении по поводу институционального оформления безопасности, в большей степени их инициативы схожи. Основная доля противоречий обеспечения единого пространства безопасности Средиземноморья у европейских и американских игроков приходится на экономическую сферу, чем образуется противоборство двух сил – за и против экономической глобализации. В более упрощенной вариации это можно называть традиционным противостоянием американского глобализма и европейского изоляционизма⁹⁵.

Угрозы безопасности Средиземноморья также можно комплексно рассматривать сквозь призму разрушения постулатов Вестфальской системы международных отношений в регионе Средиземноморья, что базируется на таких моментах, как нарушение энергетических потоков и перетекает в глобальную борьбу за ресурсы⁹⁶. Как отмечает Н. Сартори восстания, распространившиеся по всему Средиземноморью в период 2010-2011 гг., вызвали ряд политических, социально-экономических изменений и как следствие – изменений в сфере безопасности, которые влияют и на характер энергетических отношений в регионе⁹⁷.

Сюда также примыкают перманентные очаги терроризма, споры и конфликты по вопросам территориальной целостности государств (к примеру, ливийские

⁹⁵ Тимакова О.А. Средиземноморское направление политики НАТО на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Тимакова Ольга Александровна; науч. рук. Иванов О.П. - Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 27.

⁹⁶ Там же. С. 27-28.

⁹⁷ Sartori N. The Mediterranean Energy Relations after the Arab Spring: Towards a New Regional Paradigm? // Cahiers de la Méditerranée. - 2014. - Vol. 89. – Iss. 2, pp. 145-157.

события 2011 г., «арабская весна», конфликт в Сирии и т.д.); также необходимо выделить и уничтожение политико-социальных сообществ региона (к примеру, геноцид народа езидов 2014 г. в Ираке). Соответственно, изложенные угрозы определяют параметры безопасности Средиземноморья по таким направлениям, как энергетика, терроризм и неконтролируемая миграция.

Так, говоря об энергетической безопасности, отметим что к приоритетам Запада долгое время относилась стабильность в регионе, где хранятся наиболее масштабные запасы энергетических ресурсов мира. Также взаимозависимость акторов в Средиземноморье демонстрируется посредством необходимости развития энергетических путей и обеспечением безопасности поставок и перемещения энергоресурсов. В этой проблематике особое место отводится ресурсам Каспийского моря и непосредственно геополитическим итогам формирования альтернативных транспортных маршрутов. Это обуславливает факт того, что именно контроль над энергетической безопасностью Средиземноморья предоставит его лидеру ключевой управленческий механизм не только в отношении Средиземного моря, но также Черного моря, Ближнего Востока.

Что касается терроризма, то эта угроза в реалиях XXI в. особенно обострилась после событий «арабской весны» 2011 г., в силу порождения непрекращающихся перманентных войн и военных переворотов. В свою очередь, определяющим для Ближнего Востока и Северной Африки факторами, связанными с арабской весной, являются потрясения, выражаемые и в социально-культурной, и в политической сфере. Уместно привести точку зрения П. Колесникова, который отмечает, что феномен «арабской весны», учитывая современные условия, является достаточно неоднозначным по причине возможного проявления и влияния данного фактора на широкий спектр общественных, политических, международных цепочек взаимодействия⁹⁸. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, и

⁹⁸ Колесников П.М. Еще раз о феномене «арабской весны» и эскалации напряженности на Ближнем Востоке. // Аналитический обзор. Институт международных отношений, истории и востоковедения КФУ, 2014. [Электронный ресурс] URL:

обуславливают важность анализа феномена «арабской весны», действующих сил и характерных особенностей, инструментов, применение которых привело к революционным событиям в 2010-2012 гг., в Тунисе, Ливии, Сирии, Йемене, Марокко, Египте и других государствах. «Арабская весна» поставила Средиземноморский регион в центр международной повестки дня. Народные восстания распространились на другие страны и приобрели региональный характер – по сути, непрекращающиеся гражданские войны переросли в систематическую войну (характерным примером видится Сирия, где конфликт, начавшийся на волне гражданской войны, уже давно перерос в конфликт за геополитическое господство и влияние среди региональных и внешних акторов)⁹⁹.

С учетом изложенного, можно говорить о том, что среда безопасности Средиземноморского региона характеризуется в роли непредсказуемой, нестабильной и крайне текучей. Гражданские войны, революции и массовые беспорядки стали катализатором, сопровождающим события во всем Средиземноморском регионе. Изначальный оптимизм в отношении начала событий «арабской весны»¹⁰⁰ быстро заменился реальностью того, что социально-экономические беспорядки в постреволюционных ближневосточных странах стали катализаторами раскола на религиозной почве, распространяют экстремизм, терроризм и насилие.

Также одним из проявлений проблем безопасности в Средиземноморье стал миграционный кризис, который непосредственно затронул и Европу. При этом, подход к проблеме миграции, ориентированный исключительно на безопасность, как показал опыт 2015 г., оказался крайне неэффективен. В данной связи проблема миграции требует расширения европейского и международного сотрудничества и должна охватывать весь миграционный путь – из стран

https://kpfu.ru/portal/docs/F670071093/C__Users_2lkhasan_Desktop_22.12_Fenomen.Arabskaya.vesna.pdf
(дата обращения: 19.09.2021)

⁹⁹ Буткевичус В.А. Изменение международной ситуации вследствие «арабской весны» // Дневник науки. – 2018. – № 2, с. 5-11.

¹⁰⁰ Khouri R. Spring or Revolution? // Agence Global, 17 August 2011. [Electronic resource] URL: <http://agenceglobal.com/index.php?show=article&Tid=2618> (accessed: 11.09.2021)

происхождения в страны назначения, при соблюдении прав заинтересованных стран Средиземноморского региона¹⁰¹.

В особенности на территории Ближнего Востока процветают военизированные группировки, которые за несколько лет прочно укоренились в регионе, оптимизировав собственную силу политико-военного принуждения к особенностям региона. Такие группы формируют собой новую систему политической организации региона, которая коренным образом отличается от изначально функционировавшей долгие годы Вестфальской системы.

Также производной от проблемы терроризма становится угроза нарушения территориальной целостности государств Средиземноморского региона, которая сложилась и закрепилась еще в XX в. В частности эту систему можно отнести к системе Сайкс-Пико, являвшейся усилением образования национальных держав на территориях тех стран, которые испытали на себе опыт двойной колонизации (европейской, османской и др.)¹⁰². Непосредственные границы таких государств базировались на произвольном течении, либо под влиянием случайных факторов (это привело, в частности, к дефициту легитимности государств, что присуще большей части государств арабского мира Средиземноморья). Наряду с визуальной хрупкостью такой системы формирования порядка в регионе, такая установка просуществовала более века, за время которого формировались и образовывались все новые идентичности, возникали политические культуры, велось социально-экономическое инфраструктурное строительство. Как можно судить, постепенный слом устоявшейся системы в XXI в. также ведет к затяжным кризисам, противостояниям в Средиземноморском регионе.

Итак, можно говорить о том, что среда безопасности современного Средиземноморья видится наименее благоприятной, чем когда-либо с начала XXI в., с массой источников угроз и вызовов. Отметим, что по окончании «холодной

¹⁰¹ Security challenges in the Mediterranean. Speech by Mr. François Delattre, Permanent Representative of France to the United Nations. // Security Council, 17 November 2017. [Electronic resource] URL: <https://onu.delegfrance.org/Security-in-the-Mediterranean-multifaceted-challenges> (accessed: 17.09.2021)

¹⁰² Savrun E. From Sykes-Picot to Present. The Centenary Aim of The Zionism on Syria and Iraq. // International Journal of Humanities and Education. - 2017. - Vol 68. - Iss. 1, pp. 64-95.

войны» среди международного сообщества так и не было выработано единого консенсуса к базовым обновленным нормам нового миропорядка. В данной связи и по сей день имеют место быть три системы миропорядка, обозначенные еще Г. Киссинджером¹⁰³. Такие мировые гегемоны, как Россия и КНР в большей степени придерживаются идей Вестфальской системы мироустройства, направляя усилия на ее сохранение и баланс интересов. В то же время Запад стремится к распространению поствестфальских установок, с правом «выступать своего рода высшим судьей в решении вопросов легитимности или не легитимности тех или иных государств и его монополия на принятие решений по вопросам войны и мира»¹⁰⁴.

В этих условиях постоянного противоборства Средиземноморье находится в эпицентре кризиса, который нацелен на то, чтобы сломать изложенные модели миропорядка, сформировать собственные правила и устои. В особенности это отчетливо проявляется на линии Запада в отношении ближневосточных междоусобиц, что существенным образом снижает возможности международного решения проблем безопасности, так как не предоставляет никаких альтернатив кроме единого гегемонистского видения. Итог такого кризиса миропорядка для Средиземноморья, с нашей точки зрения, может в перспективе привести к нескольким моментам: может произойти откат в Вестфальской модели в ее новом образе, либо ситуация усугубится тотальным сломом устоявшихся норм миропорядка, что безусловно повлечет за собой лишь эскалацию напряженности в регионе.

Что же касается европейских устремлений по обеспечению безопасности Средиземноморья, можно констатировать, что регион стремительно отходит от европейского контроля, образуя более четкие борозды геополитического разлома. В частности, как показывает проведенный в предыдущем параграфе анализ геополитической ситуации в Средиземноморье, на данный момент ни у одного

¹⁰³ Суслов Д. «Мировое устройство: Quo Vadis? В поисках глобального Вестфалья». // Валдайские записки. Ноябрь, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22134/> (дата обращения: 20.09.2021)

¹⁰⁴ Там же.

актора нет возможностей и влияния для того, чтобы стать гегемоном и региональной сверхдержавой всего Средиземноморья. В этом контексте видится уместным полностью согласиться с точкой зрения В. Наумкина о том, что «форматирование региональной системы международных отношений обернулось разрушением старых и формированием новых альянсов; роль играют негосударственные акторы, иногда преследующие собственные цели, а иногда выполняющие роль агентов внешних сил; разрушенные гражданскими войнами страны превратились в арены „войн по поручению”»¹⁰⁵. В ключе этого высказывания можно отметить, что и у Средиземноморья укрепляются связи с негосударственными акторами, растут отношенческие узы с сопредельными регионами (например, Аравийский полуостров, Сахель). Такая политика дает возможность рассуждать о том, что политика Средиземноморского региона находится в более глобализированной фазе, но также она и более плюралистичная.

Итак, в крайне хрупком и неопределенном политическом и социально-экономическом контексте в регионе Средиземноморья, представляется возможным анализ гипотетических сценариев развития тенденций развития и поддержания безопасности. Это видится наиболее актуальным стратегическим инструментом для проведения адекватных реформ политики в направлении более устойчивого политического и социально-экономического будущего. Рассмотрим несколько сценариев, которые были выведены из всесторонних политических и социально-экономических размышлений о тенденциях последних лет в регионе.

Наиболее катастрофическим сценарием видится ситуация, в которой Средиземноморье станет своеобразной «разделительной линией» между конфликтующими цивилизациями¹⁰⁶. Эпизодичные конфликты станут

¹⁰⁵ Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности. // Валдайские записки, 14 марта 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/blizhnij-vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti/> (дата обращения: 21.09.2021)

¹⁰⁶ Ayadi R., Sessa C. What scenarios for the EuroMediterranean in 2030 in the wake of the Arab spring? // EMEA Policy Paper. February 2013. [Electronic resource] URL: <https://euromed-economists.org/download/what-scenarios-for-the-euro-mediterranean-in-2030-in-the-wake-of-the-arab-spring/?wpdmdl=2366&refresh=615483b3d9c441632928691> (accessed: 22.09.2021)

обыденностью, будут все более продолжительными и будут распространяться из одной страны в другую, что приведет к более глубокой политической неопределенности и нарастанию экономических и социальных трудностей в регионе. Не урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке продолжит обострять напряженность, что только будет открывать все новые возможности для прихода к власти террористических организаций и радикальных движений. Отсутствие сотрудничающих властей будет приводить к подрыву возможностей внерегиональных геополитических игроков для достижения необходимого сотрудничества в ключевых секторах, таких как программы миграции, исследования, наука, технологии и образование, сельское хозяйство, безопасность и энергетика. В результате чего Средиземноморье имеет шансы стать пограничной зоной широких конфликтов.

Как отмечает Н. Токчи: «сигналы, излучаемые до и после „арабской весны”, по-видимому, указывают на более поляризованное Средиземное море»¹⁰⁷. Спустя десятилетие после начала арабских восстаний страны все еще не оправились от перманентных открытых конфликтов и политической неопределенности. Соответственно, без четкой цели или направления они чередуются между давлением и напряжением, продолжающейся неустойчивостью и надеждами на достижение устойчивости, пытаясь справиться с новыми реалиями и геополитической динамикой, без каких-либо серьезных перспективных изменений в положении дел в регионе.

Однако можно представить и альтернативный сценарий для Средиземноморья, направленный непосредственно на долгосрочный рост и устойчивость, который будет следовать по разным путям средиземноморского сотрудничества, но, безусловно, лишь в том случае, если будет мобилизована необходимая политическая воля. В частности это касается ситуации, при которой будет сформировано более крупное и мощное евро-средиземноморское сообщество,

¹⁰⁷ Tocci N. State (un)Sustainability in the Southern Mediterranean and Scenarios to 2030: The EU's response. // EMEA Policy Paper. February 2013. [Electronic resource] URL: <https://euromed-economists.org/download/state-unsustainability-in-the-southern-mediterranean-and-scenarios-to-2030-the-eus-response/?wpdmdl=2356&refresh=6154b04f9f2e41632940111> (accessed: 22.09.2021)

способное повлиять на глобальный сценарий к 2030 г. с появлением трехполюсного мира, в котором доминируют США, Китай и Евро-Средиземноморье¹⁰⁸. Однако на практике этот сценарий будет отражать евроцентрическое видение будущего Средиземноморья. Возможно, такая картина будет способствовать тому, что все более неоднородный регион, где отдельные, но связанные страны и субрегионы (например, Западное Средиземноморье, Южное Средиземноморье, Восточное Средиземноморье) будут работать сообща для достижения одной и той же цели устойчивого развития во все более взаимосвязанном мире.

Возможно полагать, что при этом сценарии дифференцированной многосторонности, схемы регионального сотрудничества будут применяться более избирательно в отношении участвующих субъектов и предметных областей, полностью признавая, что Западное Средиземноморье, Южное Средиземноморье и Восточное Средиземноморье являются отдельными географическими субрегионами (даже при наличии некоторых совпадений), каждый со своими специфическими устоями, возможностями и проблемами. Однако, учитывая присущую Средиземноморскому региону неоднородность, по всей вероятности, этот сценарий не повлечет за собой урегулирования затяжных конфликтов.

Стоит полагать, что вышеобозначенная картина для обеспечения стабильности и безопасности региона видится возможной и будет развиваться в сторону более стабильной и мирной среды, только в том случае, если страны Средиземноморья заключат своего рода «договор о средиземноморском альянсе», который будет охватывать ряд общих ключевых областей интересов, таких как мир и безопасность, развитие, общие права и межкультурный диалог. Отметим, что такое видение вполне согласуется со стратегией многополярного мира¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Ayadi R., Sessa C. What scenarios for the EuroMediterranean in 2030 in the wake of the Arab spring? // EMEA Policy Paper. February 2013. [Electronic resource] URL: <https://euromed-economists.org/download/what-scenarios-for-the-euro-mediterranean-in-2030-in-the-wake-of-the-arab-spring/?wpdmdl=2366&refresh=615483b3d9c441632928691> (accessed: 22.09.2021)

¹⁰⁹ См.: Global trends to 2030: challenges and choices for Europe. // An Inter-Institutional EU project. April, 2019. [Electronic resource] URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/ESPAS_Report.pdf (accessed: 22.09.2021)

Устранение новых угроз безопасности на море требует сотрудничества. Средиземноморские страны в сотрудничестве с такими акторами, как ЕС, Россия и НАТО расширили сотрудничество в рамках своих наднациональных организаций и начали использовать свою военную и государственную политику, чтобы показать новый интерес к странам Средиземного моря. Однако большинство попыток институционализировать управление безопасностью в Средиземноморье среди внешних игроков остаются тщетными¹¹⁰. Как отмечают А. Рубин и Э. Эхуд, любое региональное сотрудничество является результатом переменных, которые связаны с общими экономическими интересами, соображениями политической власти и общей системой установок и ценностей¹¹¹. Однако как можно судить из вышеизложенного, политические, социально-культурные столкновения стран Средиземноморья, отличающиеся разнообразием и неоднородностью, носят идиосинкразический характер. И с этой точки зрения налаживание регионального сотрудничества существенно затруднено.

Важно отметить, что безопасность региона концептуализируется несколько иначе, нежели просто безопасность государства. Сегодня регионы занимают центральное место в понимании международной политики и поскольку Средиземноморский регион состоит, по сути, из двух наиболее масштабных регионов – европейского и Ближнего Востока и Северной Африки, у каждого из них имеются разные модели и разные комплексы безопасности. Комплекс региональной безопасности является одним из трех типов региональных пространств и относится к уровню, на котором государства связаны друг с другом достаточно тесно, так что их безопасность не представляется возможным рассматривать отдельно друг от друга¹¹².

В случае со Средиземноморьем, необходимо говорить о том, что более широкий Средиземноморский регион можно рассматривать как единый комплекс

¹¹⁰ Attinà F. Mediterranean Security Revisited. // Democracy and Security. – 2013. – Vol. 9. – Iss. 1-2, pp. 120-136.

¹¹¹ Rubin A., Eiran E. Regional Maritime Security in the Eastern Mediterranean: Expectations and Reality. // International Affairs. – 2019. – Vol. 95. – Iss. 5, pp. 979-997.

¹¹² Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. – Vol.59. – Iss. 4, pp. 629-652.

безопасности или «сверхкомплекс», в котором безопасность Европы и средиземноморских государств региона Ближнего Востока и Северной Африки все больше связывается с точкой, в которой они сливаются на сегодняшний день наиболее тесно, чем когда-либо прежде¹¹³.

Очевидно, что глобальная стратегия ЕС в области внешней политики и политики безопасности¹¹⁴ демонстрирует необходимость обеспечения безопасности ЕС и его соседей в Средиземноморском регионе, которые неразрывно связаны с большинством вызовов безопасности Европы, «локализованных в этой области»¹¹⁵. В этих условиях становится очевидной необходимость создания единого сообщества безопасности, как в политическом, так и в практическом аспектах.

Кроме того, отмеченная выше концепция безопасности существенно эволюционировала и теперь включает невоенные измерения (экономические, культурные, политические и экологические), которые дополняют классический военный аспект. На безопасность государств северного бассейна, а именно Италии и Испании, напрямую влияет безопасность южного и восточного бассейнов, о чем свидетельствует распространение ливийского конфликта и последующая нелегальная миграция в Европу. В частности, упомянутый «кризис беженцев» в Средиземноморье – это гуманитарная и социальная проблема, исходящая в основном из стран Южного и Восточного Средиземноморья, и она напрямую связана с отсутствием безопасности в ее классическом понимании – военном смысле и с повышенным восприятием угроз общественной безопасности, которые послужили катализатором роста ультраправых движений и партий (в том числе впоследствии эти настроения перетекали и в Европу).

¹¹³ Lesser I., Brandsma Ch., Basagni L. The Future of NATO's Mediterranean Dialogue. // The German Marshall Fund of the United States Report. June, 2018. [Electronic resource] URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180720_180713-GMF-future-med-dialog.pdf (accessed: 24.09.2021)

¹¹⁴ См.: Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, June 2016. // [Electronic resource] URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 25.09.2021)

¹¹⁵ Germond B., Grove E. Maritime Security in the Mediterranean European and Transatlantic Approaches. // The German Marshall Fund of the United States Mediterranean Paper Series, 2010. [Electronic resource] URL: https://www.iai.it/sites/default/files/mediterranean-paper_03.pdf (accessed: 26.09.2021)

Итак, для того, чтобы оценить, насколько упорядочено Средиземноморье как регион и его парадигма безопасности, целесообразно отметить два концепта. Во-первых, регион может создавать собственный порядок и достигать безопасности двумя основными способами. Первый заключается в особом статус-кво, означающем существующее распределение власти или институционального устройства, вне зависимости от его последствий для мира или конфликта¹¹⁶. Второй способ более нормативен и предусматривает большую предсказуемость действий и относительную стабильность системы отношений.

Применяя эти концепты в целях оценки Средиземноморья, можно утверждать, что сегодня в регионе нет ни ясности, ни повышенной предсказуемости отношений. Эта ситуация противоречит ситуации периода «холодной войны», когда Средиземноморский регион контролировался четким распределением сил (по сути, в Средиземном море однополярно доминировали США). Однако окончание «холодной войны» также положило конец четко определенным альянсам и коалициям, которые привели к упорядочиванию Средиземноморья. Не установив ни наличия статус-кво, ни распределения власти, можно сделать вывод, что более широкий Средиземноморский регион далек от своего упорядочения, а хаос в Средиземноморском регионе является беспрецедентным для XXI в. Фактически, регион представляет собой «беспорядочную многополярность», где фрагментация, радикализация и милитаризация являются объединенными силами на всей Средиземноморской арене¹¹⁷. Согласимся с точкой зрения Д. Кристиани о том, что возвращение многополярности в Средиземноморье можно рассматривать как одно из самых заметных геополитических событий последних лет¹¹⁸.

¹¹⁶ Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. – Vol.59. – Iss. 4, pp. 629-652.

¹¹⁷ Dessi A. Europe and the Eastern Mediterranean: Navigating Complexity, Mitigating Conflict(s) and Fishing for Compromise. // In book: Eastern Mediterranean in Uncharted Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities, ed. M. Tanchum. - Ankara: Konrad Adenauer Stiftung, 2020, pp. 66-76.

¹¹⁸ Cristiani D. Making Sense of the Geopolitical Pluralisation of the Mediterranean. // IDEES, October 6, 2020. [Electronic resource] URL: <https://revistaidees.cat/en/making-sense-of-the-geopolitical-pluralisation-of-the-mediterranean/> (accessed: 27.09.2021)

Таким образом, можно говорить о том, что оценка статус-кво государств Средиземноморья имеет первостепенное значение, особенно с учетом Восточного Средиземноморья как новой сложной геополитической горячей точки, что, следовательно, повышает важность геополитических проблем и угроз в более широком, глобальном Средиземноморском регионе в целом. Многие вызовы безопасности в Средиземноморье выходят за рамки географических соображений, поскольку Средиземное море выступает в качестве основного узла безопасности и является зоной отсутствия безопасности, нестабильности и кризисов по всем фронтам.

Средиземноморские кризисы невозможно разрешить без последовательного, долгосрочного политического подхода, сочетающего безопасность, развитие и солидарность. Новое многомерное понимание безопасности требует нового всеобъемлющего и основанного на сотрудничестве подхода, в котором регионализм является одним из наиболее эффективных способов достижения политического и институционального порядка¹¹⁹.

Говоря абстрактно, безопасность в регионе является результатом таких различных договоренностей, как политика национальной обороны, диадические пакты и противостоящие военные союзы с нескольких сторон, а также меры и механизмы совместного управления вопросами безопасности, согласованные почти всеми странами и областями региона. Принимая эту широкую геополитическую основу, становится возможным оценить более широкую динамику и существующее соперничество; тогда как принятие более узких рамок помешало бы осмыслить плюрализм участников и взаимосвязанные вопросы безопасности в Средиземноморском регионе.

Подводя итоги, отметим, что проблематика безопасности Средиземноморья кроется сразу в нескольких моментах. Во-первых, развитие коллективной безопасности в значительной степени коррелирует с комплексами региональной безопасности, в которых гегемония на глобальном уровне создается силой

¹¹⁹ Graceffa Ch. The Mediterranean basin: a single security complex. // [Electronic resource] URL: <https://www.unict.it/sites/default/files/files/graceffa.pdf> (accessed: 28.09.2021)

глобального уровня или некоторыми коллективными институтами (например, такими как ЕС). Другими словами, в отсутствие гегемонии на глобальном уровне и института коллективной безопасности, перспективы создания фрагментированных структур безопасности в регионе крайне туманны.

Во-вторых, важным условием взаимопонимания, особенно в сфере безопасности, является культурная однородность и близость. Средиземноморский регион отчетливо отличается культурным разнообразием, что затрудняет развитие совместных институтов для совместного решения общих проблем и косвенно способствует появлению эксклюзивных двусторонних и трехсторонних стратегий, которые часто являются конфронтационными. В качестве примера можно привести разрыв в т.н. «культуре безопасности» между европейскими группами и группами Ближнего Востока и Северной Африки, что затрудняет политический диалог и представляет собой глобальную для региона проблему.

В-третьих, еще одна очень важная переменная безопасности региона связана с рамками, используемыми акторами, обладающими достаточными полномочиями для выявления угроз их национальным интересам, которые проистекают из морского театра Средиземноморья. Средиземное море предоставляет различные вопросы взаимозависимости в регионе (а именно – миграцию, делимитацию морских границ и энергетику), однако, когда динамика взаимозависимости заменяется секьюритизацией, они воспринимаются как угрозы и, таким образом, секьюритизируются, что, следовательно, «увеличивает карту конфликтов»¹²⁰ и приводит к усилению милитаризации.

По итогам первой главы можно сформулировать несколько основных выводов. Регион Большого Средиземноморья охвачен рядом взаимосвязанных внутренних геополитических кризисов с участием международных и региональных игроков. Его стратегическая значимость проявляется в двух аспектах: как источник потенциальных угроз регионального и глобального

¹²⁰ Korany B. The East Mediterranean: Decoding The (In)Security Complex. // A Geopolitical Sea: The New Scramble for The Mediterranean. ISPI Dossier. July 17, 2020. [Electronic resource] URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_dossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 28.09.2021)

масштаба, влияющих на действия различных акторов, и как важная часть глобальных цепочек поставок, удовлетворяющих экономические потребности государств. Ситуация безопасности в регионе остается нестабильной с начала XXI века, усложняясь проблемами политической и экономической фрагментации, различиями политических режимов и неравномерным развитием стран, а также ослаблением Вестфальской системы. Угрозы в регионе варьируются от глобальной торговли и энергетических открытий до последствий войн в Ливии и Сирии, а также пограничных конфликтов. Координация безопасности в регионе остается затруднительной из-за борьбы за влияние между державами, культурных различий, усложняющих создание совместных учреждений, и манипулирования угрозами акторами в регионе для усиления своих позиций, что препятствует сотрудничеству.

Глава II. Внешнеполитические приоритеты Греции и Турции в Средиземноморском регионе

2.1. Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в Средиземноморье

Стратегические преобразования в греческой внешней политике

В современном виде греческое государство возникло относительно недавно, а процесс его формирования, начало которому было положено после обретения независимости в 1830 г., в основном шло по образцу западноевропейских стран¹²¹. Этот процесс предусматривал перенесение в Грецию западноевропейских институтов. Тем не менее в политическом мышлении греков отчетливо сохранилось «восприятие Греции как родины свободы и демократии, а наследие тысячелетней Византийской империи занимает в нем значительное место»¹²².

После вступления в западноатлантические структуры внешняя политика Греции была призвана управлять новой ситуацией биполярного характера послевоенной международной системы. У Греции появились новые возможности расширить горизонты своей внешней политики через развитие отношений с акторами, которые не могли быть ранее налажены в силу активной фазы «холодной войны» и вынужденного отождествления Греции с государством, следующим в фарватере политики Запада (в частности, это затрагивало Россию, Китай, Балканы и отчасти средиземноморские страны). Более широкие возможности для внешнеполитического диалога предоставили возможность Греции улучшить свое международное положение и использовать их для решения ключевых проблем греческой внешней политики (вопрос греко-турецких отношений, кипрский вопрос и др.).

Можно констатировать некоторое несоответствие исторического национализма и непринятия ущемления суверенитета со стороны Греции в

¹²¹ Соколова П.С. Основные направления внешней политики Греции. // Экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 84–94.

¹²² Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран. М., 2015. С. 359.

соотношении с очевидной зависимостью страны от стратегических союзников в лице западноевропейских партнеров и США. В частности, в области внешнеполитической деятельности и сферы безопасности отмеченная специфика греческого менталитета была выражена в большей степени во второй половине XX в., что привело к формированию двух базовых векторов внешнеполитического курса Греции – стратегии национальной независимости, основанной на идеях особого пути и национального возрождения, и к стратегии ориентации на Запад, которая подразумевает тесный политико-военный симбиоз с Европой и США¹²³.

Второй вектор стал доминирующим особенно после 1978 г., с момента принятия решения о принятии Греции в ЕЭС. Это предопределило направление развития Греции как традиционной европейской страны. С точки зрения профессора Университета Пантеон К. Филиса, «Запад и его структуры, механизмы воздействия, принципы и ценности глубоко укоренились в сознании греческой политической элиты, которая видит их в качестве прототипа для Греции. <...> Любое изменение доктрины „мы принадлежим Западу“ потребовало бы незамедлительного пересмотра ориентации Греции, и на данный момент серьезных причин для этого нет»¹²⁴.

По сути, с этого периода и по настоящее время в Греции сформировано два классических для среднестатистического европейского государства столпа внешней политики и политики безопасности – европеизм и атлантизм. Первый предусматривает поддержание собственной общеевропейской идентичности в рамках объединенной Европы; второй направлен на ценное партнерство с Соединенными Штатами Америки, с особым упором на экономику и сферу безопасности¹²⁵.

Все это время соотношение двух указанных векторов внешней политики Греции непосредственно зависело от угроз и вызовов безопасности, которые

¹²³ Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского Союза / под ред. Н.К. Арбатовой. М., 2009. С. 105–106.

¹²⁴ Филис Л. Дилемма Греции сквозь призму улучшения российско-турецких отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12. С. 76–80.

¹²⁵ Игумнова Л. Внешняя политика Европейского союза между европеизмом и атлантизмом. URL: <https://dereksiz.org/igumnova-l-o-vneshnyaya-politika-evropejskogo-soyuza-mejdu-evr.html>

оказывали влияние на безопасность страны. Прежде всего это затрагивает общие вопросы безопасности в регионе: угроза распространения ОМУ, региональный терроризм, в силу многолетней войны в Сирии и восстаний «арабской весны» породившие множество террористических группировок, оказывающих деструктивное влияние на региональную безопасность.

Баланс европеизма и атлантизма во внешней политике Греции касается также многолетних конфликтов и разногласий с таким актором, как Турция, в основу которых заложены существенные противоречия по Восточному Средиземноморью: неурегулированность вопроса по Кипру; проблемные вопросы установления границ в воздушном и морском пространствах; споры по территориальным водам Эгейского моря; из недавнего – борьба за энергоресурсы Средиземного моря и другое. В частности, о большей склонности к атлантическому вектору в области решения проблематики греческой средиземноморской политики может свидетельствовать пример 1996 г., когда Греция оказалась на грани войны с турецкой стороной в силу обострения конфликта в Эгейском море. Предотвратить военную эскалацию удалось только при помощи поддержки и вмешательства НАТО и США.

Средиземноморская политика Греции также переплетается с интересами политики в ключе европеизма. В частности, страна уделяет существенное внимание проблемам Средиземноморья, поддерживая развитие евро-средиземноморских процессов. Об этом может свидетельствовать, например, активная поддержка и лоббирование со стороны Греции процесса формирования ЗСТ с участием ЕС и государств Ближнего Востока и Северной Африки¹²⁶. Во многом благодаря особому характеру отношений с ЕС и США, членству в НАТО, Греция к XXI в. сумела обеспечить себе рост политико-экономического влияния в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Это проявляется в том, что греческое правительство стремится внести свой вклад в укрепление стабильности и мира на средиземноморском направлении, противостоять угрозам и вызовам

¹²⁶ De Ville F., Reynaert V. The Euro-Mediterranean Free Trade Area: an Evaluation on the Eve of the (Missed) Deadline // L'Europe en Formation. 2010. № 356. P. 193–206.

расширенного влияния Турции на регион (в фарватере американской и европейской политики), а также принимать активное участие в операциях по обеспечению безопасности в конфликтах на Ближнем Востоке совместно с США, ЕС и Россией. Возможность постановки таких внешнеполитических целей в отношении Средиземноморья со стороны Греции может объясняться обновлением ее оборонной доктрины, где приоритет отдается противостоянию так называемым «асимметричным угрозам» (региональная нестабильность, терроризм, организованная преступность и пр.), однако при этом турецкая угроза тоже официально выносится на первый план в большинстве документов стратегического планирования страны¹²⁷.

Сложившаяся в XXI в. региональная картина Средиземноморья вернула старые дилеммы относительно внешнеполитической стратегии Греции. В частности, это затронуло проблематичные вопросы кооперации и образования альянсов. Как утверждал американский дипломат и бывший посол США в Греции М. Стернс, «фундаментальный стратегический выбор для Греции всегда находился в хрупком балансе между сухопутным союзом Севера и морским союзом Юга»¹²⁸. Обращаясь к историческим аспектам, обозначим, что в 1990-е годы и большую часть 2000-х годов региональная обстановка благоприятствовала склонности Греции к союзу с Севером. Одной из причин этого было то, что Греция имела уникальную системную возможность взять на себя лидерство в Юго-Восточной Европе благодаря значительному политическому, экономическому, военному и институциональному превосходству над Румынией, Албанией, Болгарией и государствами – преемниками бывшей Югославии¹²⁹. Как отмечалось, Греция была готова сыграть ведущую роль в налаживании более тесных связей между балканскими государствами, Восточным Средиземноморьем

¹²⁷ Η Στρατηγική Εθνικής Ασφαλείας της Ελλάδας, θα εκπονηθεί απ' τον Ντόκο (The National Security Strategy of Greece will be prepared by Doko) // Defence Point. URL: <https://www.defence-point.gr/news/i-stratigiki-ethnikis-asfaleias-tis-elladas-tha-ekponithe-ap-ton-ntoko>

¹²⁸ Stearns M. Greek Security Issues // The Greek Paradox: Promise vs. performance / ed. by T. Allison, K. Nicolaidis. Cambridge: The MIT Press, 1997. P. 61–72.

¹²⁹ Fakiolas E. Greece in the New Balkans: A Neo-Realist Approach // European Security. 1997. Vol. 6. Iss. 4. P. 130–156.

и ЕС, а также участвовать в создании основы для многостороннего сотрудничества¹³⁰.

Вторым столпом региональной стратегии Греции с 1990-х годов можно считать европеизацию греко-турецких отношений, которые и сегодня остаются незавершенным процессом, к тому же довольно поверхностным. Свою внешнюю политику в отношении Турции на средиземноморском пространстве Греция старается сфокусировать на некоторых аспектах так называемой «низкой» политики (во избежание нового военного конфликта Греция нередко переходит к политике «изоляции споров» от остальных сфер двусторонних отношений), не затрагивая основные вопросы греко-турецких споров. Наиболее важная причина такой поверхностности может крыться в растущем расколе отношений между ЕС и Турцией, начавшейся с середины 2000-х годов¹³¹.

Еще один не менее важный фактор, влияющий на греческую средиземноморскую политику, заключается в том, что ЕС как крупный наземный альянс, в котором Греция уже закрепила свой национальный проект, сегодня достиг своей наивысшей точки. По мнению профессора Гарвардского университета С. Уолта, весьма маловероятно, что неудачи ЕС в евросредиземноморской политике (экономический кризис, «арабская весна») позволят дальнейшее расширение общеевропейских институтов в регионе и, скорее всего, не дадут возможности значительной консолидации власти в Юго-Восточной Европе или Восточном Средиземноморье в ближайшем будущем¹³².

К тому же провалы евросредиземноморской политики ЕС последних лет (в силу волн «арабской весны», миграционной катастрофы, «Брексит», экономического кризиса от пандемии COVID-19, СВО в Украине и пр.) предполагают, что так называемый морской альянс, ориентированный на Юг,

¹³⁰ Kontonis C. *Balkan Co-operation 1974–2004: Thirty years of Greece's Balkan Regional Policy // Thirty Years of Greek Foreign Policy, 1974–2004* by K. Arvanitopoulos, M. Koppa. Athens: Livanis, 2005. P. 32–46.

¹³¹ Open Society Foundation and the British Council, *Turkey in Europe: Breaking the Vicious Circle // Second Report of the Independent Commission on Turkey* London. 2009. URL: http://www.independentcommissiononturkey.org/pdfs/2009_english.pdf

¹³² Walt S. *It's Greek to Me // Foreign Policy*. 30 April 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/04/30/its-greek-to-me/>

может стать более привлекательной альтернативой для Греции в регионе и реализуем, к примеру, на основе тесного партнерства с Израилем и США в Восточном Средиземноморье. Это повлечет за собой альтернативную региональную концепцию, с упором на Восточное Средиземноморье в объединении стран Южной Европы с другими прибрежными средиземноморскими государствами вместо того, чтобы рассматривать их как часть более широкого Ближнего Востока с его преимущественно ориентированными на безопасность проблемами¹³³. Такой союз вполне объективно перекликается с интересами Греции, которая на протяжении большей части своей современной истории объединялась с военно-морскими державами со значительными интересами в Восточном Средиземноморье.

Хотя ориентированный на Юг морской подход никоим образом не может заменить региональную стратегию Греции как неотъемлемую часть проекта ЕС, он может заменить застойную политику Греции на Балканах и, что более существенно, помочь Греции справиться с такой угрозой, как огромные волны миграции с Юга и Востока¹³⁴. Это особенно важно в силу того, что одним из проявлений проблем безопасности в Средиземноморье стал миграционный кризис. Изначально это коснулось Греции, как и большинства европейских стран в 2015 г., но на данный момент возникла острая угроза повторения миграционного сценария пятилетней давности в связи с большими потоками мигрантов из Афганистана. Греция настаивает на том, что ЕС не в состоянии справиться с повторением сценария миграционного кризиса 2015 г. (на этот раз миграционная угроза обусловлена сменой власти в Афганистане)¹³⁵.

В августе 2021 г. министр по делам миграции Греции Н. Митарачи заявил, что страна находится в состоянии повышенной готовности, поскольку приближается

¹³³ Ibrahim S. Future Visions of the Arab Middle East // Security Dialogue. 1996. Vol. 27. Iss. 4. P. 425–436.

¹³⁴ Agnantopoulos A. The Europeanization of National Foreign Policy: the Case of Greece // Paper at Garnet Conference on the European Union in International Affairs. Brussels, 22–24 April 2010. URL: <https://www.ies.be/files/Agnantopoulos%20Europeanisation.pdf>

¹³⁵ Tagaris K. Greece says EU not ready for New Migrant Crisis as Afghan Conflict Grows // Reuters. August 11, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/greece-says-eu-not-ready-new-migration-crisis-2021-08-11/>

серьезный миграционный кризис из-за захвата Афганистана силами Талибана, что, как ожидалось, приведет к притоку афганских беженцев¹³⁶. Греческое правительство настаивало на том, что страна больше не станет точкой скопления нелегальной миграции, подразумевая европейский миграционный кризис 2010-х годов. В этом контексте Греция делает ставку на европейский вектор своей внешней политики – сотрудничество с ЕС по предотвращению нового миграционного кризиса. При этом перед лицом возможной волны миграции Греция уже не будет ограничиваться ролью наблюдателя, а готовится играть активную роль на европейских форумах для эффективного решения миграционной проблемы.

Все изложенные направления в целом прослеживаются в современной средиземноморской политике Греции. Страна демонстрирует пример переориентации внешнеполитических проектов, которые происходят в «новом» регионе Большого Восточного Средиземноморья – в частности, Афины выступили с двумя основными трехсторонними инициативами в регионе: одна с Израилем и Кипром, вторая с Египтом и Кипром. Эти трехсторонние встречи и саммиты стали полезным форумом, где обсуждаются проблемы и проекты в регионе, налаживается взаимовыгодное сотрудничество. Важно отметить, что в трехстороннем процессе Израиля, Греции и Кипра время от времени участвуют США, что положило начало процессу «саммита 3 + 1»¹³⁷. В частности, на этом фоне отношения Греции с Израилем углубились до уровня многогранного, почти стратегического партнерства (например, в феврале между странами была заключена сделка на 1,68 млрд долларов, посвященная договоренностям о туризме после пандемии)¹³⁸.

¹³⁶ Migration Minister: Greece Will Not Become a Gateway for Illegal Migration. // Schengenvisainfo News. August 24, 2021. URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/migration-minister-greece-will-not-become-a-gateway-for-illegal-migration/>

¹³⁷ Greece, Cyprus, Israel, and US Join to Promote Peace and Stability in Eastern Mediterranean // Greek City Times. March 21, 2019. URL: <https://greekcitytimes.com/2019/03/21/greece-cyprus-israel-and-us-join-to-promote-peace-and-stability-in-eastern-mediterranean/>

¹³⁸ Smith H. Post-Covid Tourism Hopes Buoyed by Deal between Greece, Cyprus and Israel // The Guardian. February 15, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/15/post-covid-tourism-hopes-buoyed-by-deal-between-greece-cyprus-and-israel>

К тому же события в региональной политике Турции, произошедшие с конца 2019 г. (военно-морские учения, территориальные притязания, активная борьба за средиземноморские ресурсы), вынудили Грецию пересмотреть свою политику в сфере обеспечения средиземноморской безопасности. По сути, столкнувшись с опасностью военной эскалации с Турцией в 2020 г., Греция осознала не только свою потребность в новых оборонных направлениях внешней политики, но и ограниченность своих связей с ЕС и НАТО. Хотя ЕС остается основным активом Греции, ему мешают внутренние разногласия во внешней политике. Такие государства, как Испания, Италия, Германия, Венгрия и Мальта, показали, что они весьма неохотно принимают жесткий подход к действиям Турции. С другой стороны, такие страны, как Франция, Австрия и даже Словения отстаивают твердую позицию в сочетании с существенной поддержкой Греции и Кипра в разногласиях с Турцией. Стремясь сохранить свою сплоченность, НАТО оставалось верным своей традиционной равноудаленности между Грецией и Турцией.

Из всех европейских партнеров Греции Франция, без сомнения, является самым важным и наиболее могущественным союзником в отношении Афин. Она продемонстрировала неизменную поддержку Греции во время кризиса 2020 г., что, несомненно, повлияло на его исход. Помимо увеличения числа совместных военных учений, Афины и Париж расширили свое сотрудничество в области поставок оружия¹³⁹. Столь ценная поддержка, связанная с традиционными отношениями между двумя странами, явно связана с политикой Турции в Северной Африке (г. Сахель), которая побудила Францию оказывать поддержку Греции и Египту в Восточном Средиземноморье, выступающих одновременно в качестве региональных форпостов и средствами корректировки баланса сил.

Афинам удалось углубить военные и политические отношения в регионе с США, о чем свидетельствует принятие Конгрессом США в 2019 г. закона о Восточно-Средиземноморском партнерстве в области безопасности и

¹³⁹ France Joins Military Exercises in East Mediterranean // Reuters. August 26, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-greece-france-idUSKBN25M0UF>

энергетики¹⁴⁰ и подписание в том же году Соглашения о взаимном оборонном сотрудничестве с Грецией¹⁴¹. Из этих действий Греции прослеживается, что США все еще остаются для нее самым влиятельным союзником в Большом Восточном Средиземноморье, несмотря на относительное размежевание и внутреннюю сосредоточенность американской средиземноморской политики последних нескольких лет.

После явного отсутствия интереса к арабскому миру Греция энергично возвращается в арабо-мусульманские государства. В частности, в ноябре 2020 г. Греция подписала соглашение о сотрудничестве в области взаимной обороны с Объединенными Арабскими Эмиратами¹⁴². Теоретически это означало бы, что в случае любой агрессии Греция может рассчитывать на поддержку ВВС ОАЭ, и такое партнерство в долгосрочной перспективе может оказаться полезным для ВВС Греции.

Близкая к арабскому миру до 1990 г. (когда Афины официально признали Израиль) Греция укрепила свои связи с Тель-Авивом с 2010 г. в контексте ухудшения турецко-израильских отношений¹⁴³. На военно-оборонном уровне сотрудничество между Грецией и Израилем, начавшееся в 2010-х гг., в настоящее время активизируется и сосредоточено на совместном обучении, обмене разведанными и основах кибербезопасности¹⁴⁴. Израиль предлагает Греции и Кипру обеспечивать безопасность по оси «восток – запад», чтобы дополнить ось

¹⁴⁰ Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019 // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1102/text>

¹⁴¹ Defense Cooperation Agreement between the United States of America and Greece/ October 5, 2019 // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/07/20-213-Greece-Defense-TIMS-62163.pdf>

¹⁴² Greece and the UAE Sign Mutual Defence Pact // NewEurope. November 24, 2020. URL: <https://www.neweurope.eu/article/greece-and-the-uae-sign-mutual-defence-pact/>

¹⁴³ Turkey Out – Greece // As Turkey Rattles its Saber at Israel, the Jewish State Signs a Security Deal with its Neighbor, Greece // Israel National News. September 4, 2011. URL: <https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/147529>

¹⁴⁴ Israel, Greece Sign Status of Forces Agreement // The Jerusalem Post. July 19, 2015. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israel-Greece-sign-status-of-forces-agreement-409492>; Israel, Greece and Cyprus Agree to Boost Defense Cooperation // The Times of Israel. November 13, 2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-greece-and-cyprus-agree-to-boost-defense-cooperation/>

безопасности «север – юг», установленную Египтом, что позволяет полностью охватить все Восточное Средиземноморье.

С Египтом у Греции также сложились более глубокие стратегические отношения с момента прихода к власти в 2013 г. президента А.-Ф. Халил Ас-Сиси, когда активизировалось военное сотрудничество с Египтом и регулярным участием Франции и ОАЭ¹⁴⁵. Египет, несомненно, остается ключевым союзным государством Греции в Восточном Средиземноморье, поскольку его решения определяют развитие событий региональной ситуации (например, ситуация в регионе была бы радикально иной и в любом случае намного более сложной для Греции, если бы к власти в Египте пришли последователи «братьев-мусульман»).

В феврале 2021 г. Греция учредила в Афинах Форум дружбы (Philia), в который вошли Бахрейн, Кипр, Египет, Франция, Греция, Саудовская Аравия и ОАЭ¹⁴⁶. Цель форума заключается в формировании политической площадки, которая подчеркивала бы стремления к обеспечению и поддержке безопасности, суверенитета и международных правовых норм, таких как, например, закрепленных в Конвенции ООН по морскому праву. Такое членство Греции в форуме четко указывает на возникающие инициативы сотрудничества между странами Персидского залива и Восточного Средиземноморья.

Следовательно, в области обеспечения средиземноморской безопасности в своей внешней политике Греция прежде всего стремится к развитию синергизма, в том числе с военными державами Ближнего Востока и Персидского залива, с помощью которого она могла бы противостоять турецким планам в Восточном Средиземноморье. Путем заключения оборонных соглашений Греция стремится модернизировать свои военно-воздушные силы и флот.

¹⁴⁵ Egyptian, Greek Naval Forces Conduct Joint Drills // State Information Service, Arab Republic of Egypt. January 29, 2021. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/154008/Egyptian,-Greek-naval-forces-conduct-joint-drills/?lang=en-us>

¹⁴⁶ Philia Forum a 'bridge' between Europe, Mideast: Greek Official // Arab News. February 19, 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1811096/middle-east>

Стратегия Греции по обеспечению энергетической безопасности

Среди факторов средиземноморской безопасности для Греции на первый план выходит энергетическая безопасность. Обосновывая важность «энергетического компонента» в структуре внешнеполитической стратегии Греции и располагая его в одном ряду (в контексте его стратегической важности) с элементами территориального, экономического, политического взаимодействия Греции в регионе Большого Восточного Средиземноморья, необходимо отметить его роль как одного из ключевых факторов, оказывающих влияние и на средиземноморскую безопасность в целом, и на стратегические позиции Греции в регионе. Главным образом – в контексте заинтересованности греческого государства в обеспечении собственной энергетической безопасности при использовании таких принципов, как долгосрочность, прозрачность, прогнозируемость, последовательность, отказ от эпизодичности и фрагментарности, и в контексте разрабатываемых инициатив, и в контексте поведения – предпринимаемых шагов государства в целом. Энергетическая безопасность идентифицируется в качестве реализуемой государством концепции с последовательным использованием инструментов геополитического, экономического, инвестиционного, дипломатического, мягкосилового характера. В своей совокупности данная концепция направлена на обеспечение достаточного количества энергетических ресурсов, подконтрольных государству, при попутной модернизации инструментария, способствующего грамотному управлению данными ресурсами, что позволяет удовлетворить возникающие и потенциальные национальные, гражданские, общественные потребности в энергетической плоскости¹⁴⁷.

Совокупные перспективы и темпы развития греческого энергетического сектора зависят, по оценкам экспертов, от следующих факторов:

– способности государства поддерживать высокие темпы развития энергетического, транспортного, логистического, транзитного сектора;

¹⁴⁷ World Energy Council: Greece Member Committee: Hellenic National Committee of WEC // Worldenergy, 2019. URL: <https://www.worldenergy.org/impact-communities/members/entry/greece>

– способности государства привлекать инвестиции в энергетический сектор и вспомогательные отрасли (добывающую, обрабатывающую промышленность, транспортный сектор, логистический сектор, развитие транзитного потенциала государства в энергетике, развитие альтернативных источников энергии, зеленую энергетику, экологию, программы защиты окружающей среды и т. п.);

– способности государства обеспечивать высокую адаптивность и гибкость национального энергетического сектора Греции (так называемую «энергетическую гибкость»), что позволит обеспечить высокий уровень и энергетической безопасности государства, и «энергетической устойчивости» Греции, при которой существующие геополитические потрясения, риски, вызовы и угрозы (к примеру, региональные конфликты, замороженные территориальные споры, объективные факторы глобального масштаба типа пандемии коронавируса) не будут оказывать существенного негативного влияния на энергетическую безопасность греческого государства¹⁴⁸.

Греция постоянно находится в существенной зависимости от импорта энергетических носителей, что обуславливает высокую степень «энергетической восприимчивости» к таким процессам, как волатильность, ценовые колебания, кризисные явления на мировых рынках энергетических носителей и, особенно, перманентный рост деструктивных явлений в данной сфере. Необходимо отметить также наличие рисков на «местном уровне», в частности, связанных с обнаружением запасов углеводородов в Восточном Средиземноморье и, как результат, рост конкуренции за право контроля над процессами разработки указанных месторождений¹⁴⁹. Данные факторы прямо затрагивают интересы Греции и влияют на расстановку сил, интересов государств в указанном регионе.

Анализируя практические успехи Греции в обеспечении энергетической безопасности, уместно выделить участие Греции в строительстве газопровода «EastMed», суть и цели которого направлены на обеспечение стабильных

¹⁴⁸ Сумин А.М. Энергетическая безопасность Греции: национальное и европейское измерения // Актуальные проблемы нефти и газа. 2020. С. 64–85.

¹⁴⁹ Prontera A., Ruszel M. Energy Security in the Eastern Mediterranean // Middle East Policy. 2017. Vol. 24. Iss. 3/ P. 145–162.

поставок в Европу природного газа с месторождений, располагаемых в Восточном Средиземноморье. Участие в данном проекте Греции, Кипра и Израиля (в рамках, подписанных между тремя сторонами меморандумов о взаимопонимании) позволило государствам укрепить структуру стратегического взаимодействия в энергетической сфере (совместных разведке, разработке месторождений, добыче энергетических ресурсов, создании новых маршрутов доставки энергетических ресурсов в ЕС и т.п.)¹⁵⁰.

Подписание государствами в 2020 г. Соглашения о строительстве Восточно-Средиземноморского газопровода¹⁵¹ позволило вывести сотрудничество государств на более качественный, прогнозируемый и стабильный уровень, поскольку совместное участие государств в создании энергетической инфраструктуры способствует последовательной диверсификации импорта углеводородов в регионе. Политический аспект данного сотрудничества проявляется в стабилизации баланса сил в регионе между Грецией, Кипром, Израилем и Турцией при сохранении акцента на мирном и созерцательном характере взаимодействия в энергетической сфере.

Участие Греции в данном инфраструктурном проекте является «важным экономическим и политическим сигналом»¹⁵², транслируемым государством к международному сообществу, что связано с привлечением в данный проект крупнейших мировых корпораций в нефтегазовой отрасли («Total», «Eni», «Exxon»). Это обстоятельство указывает на явное наличие как экономико-энергетических, так и политических интересов. Если к экономическому и энергетическому аспекту можно отнести заинтересованность Греции в реализации собственного транзитного, логистического потенциала, включая прямую заинтересованность в обеспечении энергетической безопасности, то к политическим аспектам – стратегическое противостояние (конкуренцию) с

¹⁵⁰ Зеликсон Д.И. Энергетическое противостояние в Восточном Средиземноморье: позиция Греции // Аналитическая записка ИЕ РАН. 2020. № 8. С. 2–7.

¹⁵¹ Greece, Cyprus, Israel Sign EastMed Gas Pipeline Deal To Ease Reliance On Russia // Radio Free Europe. URL: <https://www.rferl.org/a/greece-cyprus-israel-eastmed-gas-pipeline-russia-ukraine/30358166.html>

¹⁵² Piqueres S. Taking the EU out of the EastMed Pipeline Quagmire // European Policy Centre. September 17, 2020. URL: https://www.epc.eu/content/publications/EastMed_pipeline_SLP_PB.pdf

Турцией за влияние в регионе, а также, учитывая привлечение европейских и американских нефтегазовых корпораций, заинтересованность Греции в привлечении внимания со стороны ЕС, США к данному региону в целом и нефтегазовой отрасли в частности.

Тем не менее многовекторный характер данного проекта, даже с учетом очевидных позитивных моментов (укрепление энергетической безопасности Греции, привлечение инвестиций в регион, развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами региона в энергетической сфере, укрепление позиций Греции в рамках конкуренции с Турцией), обладает и потенциальными негативными аспектами, к которым следует отнести рост конкуренции в энергетической сфере на региональном уровне, а также отход Греции от «дипломатических рычагов взаимодействия» и их замещения сотрудничеством с ЕС и США, интересы которых в перспективе могут иметь больший (по сравнению с интересами Греции) приоритет¹⁵³.

Реализация данного инфраструктурного проекта может способствовать качественному развитию отношений между Грецией, Кипром, Израилем, государствами ЕС, а также эффективной модернизации энергетической инфраструктуры в Греции, что позволит в конечном итоге укрепить энергетическую безопасность и энергетическую устойчивость Греции. Заинтересованность Греции в укреплении собственной энергетической независимости достаточно высока, ее отличительной чертой выступает последовательная политика Греции и сохранение ориентации на включении интересов всех взаимодействующих сторон. Энергетическая политика Греции предполагает акцент как на собственных ресурсах, так и на эксплуатации политического контекста в деятельности государства, что прослеживается в привлечении крупнейших региональных центров силы (ЕС, США) в греческие энергетические инициативы.

¹⁵³ Papadimitriou J. EastMed Gas Pipeline Flowing Full of Troubling Questions // Deutsche Welle. January 2, 2020. URL: <https://www.dw.com/en/eastmed-gas-pipeline-flowing-full-of-troubling-questions/a-51871424>

Кроме непосредственных экономических и политических интересов, важным вектором в энергетической политике Греции выступает сознательный отказ от обострения отношений с Турцией, нацеленность на созерцательный диалог с Кипром, Израилем, государствами ЕС и США. Данная политика в конечном итоге предполагает высокую степень волатильности и адаптивности Греции к текущим внутрорегиональным политическим процессам, что соответствует долгосрочной политике и интересам Греции в энергетической сфере (укрепление позиций государства как важного транзитера, энергетически независимого государства, использующего собственный логистический, транзитный потенциал для укрепления позиций).

Следует отметить, что военные действия на Украине, безусловно, повлияют и на политику Греции, и на геополитическую структуру всего региона, так как Восточное Средиземноморье с его потенциальным районом добычи энергии станет местом для политического взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами. В настоящее время ЕС больше, чем когда-либо, сосредоточен на построении энергетического партнерства с южным побережьем Средиземного моря, которое, помимо наличия в нем большого количества ископаемого топлива, богато чистой энергией (ветер и солнце), что поможет зеленому переходу, пропагандируемому ЕС. Все это, в свою очередь, будет способствовать наращиванию стратегического взаимодействия между Европой и Восточным Средиземноморьем. Таким образом, Греция имеет возможность стать стратегическим центром и интерфейсом для европейских и американских интересов.

Хотя у Греции долгая история прочных отношений с Россией и на протяжении всего своего существования в ЕС она сохраняла баланс в отношениях с Россией и своих обязательствах в ЕС, ее позиция в отношении СВО на Украине оказалась более жесткой, чем у самих европейцев. Греция придерживается позиции, что противодействие российской спецоперации согласуется с логикой протеста Турции против незаконности турецкого присутствия на Кипре и турецких угроз контролировать острова Эгейского моря под предлогом достижения

национальной безопасности Турции. При этом Греция считает, что СВО на Украине дает возможность усилить свое международное влияние за счет усиления трех направлений. Во-первых, морской транспорт, так как греческие судовладельцы владеют четвертью мирового флота по перевозке сжиженного газа и имеют большой технический опыт в этой области. Именно поэтому нарушение газопроводов, идущих из России в Европу, повысит морскую активность Греции и ее роль в энергетической безопасности Европы. Во-вторых, православие, поскольку православное религиозное превосходство в Греции зависит от ослабления российской стратегии в ее религиозном измерении. В-третьих, возвращение традиционной власти в качестве инструмента европейской внешней политики укрепляет позиции Греции по отношению к Турции¹⁵⁴.

В любом случае события на Украине продолжаются, и никто не может предсказать их окончания. Многие интеллектуалы и политики выдвигали идею распада ЕС из-за проблем, с которыми он столкнулся (финансовый кризис, беженцы, «Брексит», COVID-19). С учетом экономического кризиса, вызванного войной из-за энергетики, увеличения военных расходов и вооружения Украины, а также украинских беженцев этот прогноз становится более реалистичным. На наш взгляд, стратегические варианты Греции подвергнутся настоящему испытанию, особенно с учетом того, что Турция смогла хорошо управлять своей позицией и отношениями с Западом и Россией¹⁵⁵.

Внешнеполитическая стратегия Греции в ответ на амбиции Турции

Таким образом, можно рассуждать о том, что новая средиземноморская внешнеполитическая стратегия Греции была разработана в ответ на агрессивную внешнюю политику Турции, даже если учитывать, что ее элементы находились в зачаточном состоянии в течение нескольких лет. Чтобы противостоять амбициям Турции в долгосрочной перспективе, Греция должна обеспечить последовательность своей синергии, продвигая заслуживающую доверия

¹⁵⁴ Marghélis A. War in Ukraine: what are the Stakes for Greece? // INSTITUT FMES. 2022.

¹⁵⁵ Douglas W. European Disintegration? The Politics of Crisis in the European Union // Red Globe Press. 2018.

федеративную региональную архитектуру. Это основано на трех основных сферах: экономической, дипломатической и военной.

С экономической точки зрения, помимо проблемы газовых ресурсов, одной из серьезных проблем является обеспечение контроля над соединительными коридорами между Ближним Востоком и Северной Африкой, с одной стороны, и Европой – с другой. При этом возникает определенное соперничество между Италией и Мальтой, которые из-за своих предпочтительных экономических, торговых и политических отношений с Турцией надеются управлять ее присутствием в Восточном Средиземноморье, чтобы зафиксировать свою сеть транс-средиземноморских связей, а также между Грецией и Египтом, поддерживаемых Францией¹⁵⁶. В этом контексте решающее значение имеет китайский фактор. Греческий город Пирей сегодня значитесь судоходным гигантом COSCO (греческая компания по контейнерным морским перевозкам), благодаря чему в 2019 г. он стал главным портом Средиземноморья для контейнерных перевозок¹⁵⁷. В сочетании с включением Греции в китайскую политику сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы в 2019 г.¹⁵⁸ такие усилия могут укреплять региональную стратегию Греции по привлечению морских торговых потоков. Греция не может игнорировать китайский фактор, хотя способность Пекина оказывать давление на Афины не следует переоценивать, потому что американские власти поддерживают несколько важных баз в Греции и пристально следят за любой новой китайской инфраструктурой в Эгейском море.

¹⁵⁶ Tanchum M. Italy and Turkey's Europe-to-Africa Commercial Corridor: Rome and Ankara's Geopolitical Symbiosis Is Creating a New Mediterranean Strategic Paradigm // Austria Institut für Europa und Sicherheitspolitik. October 2020. URL: <https://www.aies.at/download/2020/AIES-Fokus-2020-10.pdf>

¹⁵⁷ Silenko M. Le Pirée a pris la tête en Méditerranée en 2019 // Le Journal de la Marine Marchande. May 26, 2020. URL: <https://www.journalmarinemarchande.eu/actualite/portuaire/le-piree-a-pris-la-tete-en-mediterranee-en-2019>

¹⁵⁸ Xi Jinping Welcomes Greece to Join China-CEEC Cooperation // China Global Television Network. November 5, 2019. URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-11-04/President-Xi-meets-with-Greek-PM-Mitsotakis-LIMofUYGk0/index.html>

В экономическом плане сотрудничество с Египтом, контролирующим Суэцкий канал, а также с Саудовской Аравией, которая граничит с Красным морем, явно важно для региональных позиций Греции.

В дипломатической сфере министр иностранных дел Греции Н. Дендиас взял на себя сложную задачу по созданию от Северной Африки до Ближнего Востока группы государств, благоприятствующих региональной архитектуре, которую Греция стремится продвигать, одновременно осуждая турецкий экспансионизм. Упомянутый Форум дружбы «Philia», который объединил Кипр, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Египет, Бахрейн и Францию, характеризует усилия Греции обеспечить так называемый перекресток между Персидским заливом и Средиземным морем и позиционировать себя как точку входа в Европу таким образом, чтобы более эффективно противодействовать агрессивной стратегии Турции по оккупации восточного средиземноморского пространства. Помимо этого, недавние решения Афин восстановить представительство в Дамаске¹⁵⁹, открыть посольство в Сенегале и выступить за увеличение европейского присутствия, в том числе греческого, в г. Сахель (Африка)¹⁶⁰, демонстрируют, что Греция придерживается политики, при которой обеспечение безопасности Восточного Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока тесно взаимосвязаны.

В военном отношении Греция тратит на оборону больше, чем когда-либо в своей истории, при этом главным бенефициаром являются военно-воздушные силы. Многочисленные инициативы по заключению военных и оборонных соглашений Греции с союзниками реализуются после более чем десяти лет недостаточного инвестирования в военно-оборонную сферу и очевидно, что эти

¹⁵⁹ Ministry of Foreign Affairs Announcement on the Appointment of a Special Envoy for Syria // Ministère grec des Affaires étrangères. May 5, 2020. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/ministry-of-foreign-affairs-announcement-on-the-appointment-of-special-envoy-for-syria.html>

¹⁶⁰ Written Statement of the Minister of Foreign Affairs, Nikos Dendias, Following the Videoconference of the First Ministerial Meeting of the International Coalition for the Sahel // Greek foreign office. June 12, 2020. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/written-statement-of-the-minister-of-foreign-affairs-nikos-dendias-following-the-videoconference-of-the-first-ministerial-meeting-of-the-international-coalition-for-the-sahel-12-june-2020.html>

изменения были ускорены крайне милитаризованным характером региональной политики Турции.

В заключение отметим, что всплеск экспансионистской, с точки зрения Греции, региональной политики Турции в сочетании с политикой бывшего президента США Д. Трампа¹⁶¹ оказали катализирующий эффект: греко-турецкие отношения были вырваны из их традиционной двусторонней структуры (что было разрешено США, старающимися любой ценой сохранить сплоченность НАТО) и внедрены в более широкие региональные рамки, требующие радикально иного подхода, а именно нового дипломатического и военного партнерства. В этой позиции у Греции есть несколько активов. Если Турция сохраняет неоспоримые преимущества, такие как важность своего рынка и важный региональный статус, Греция является членом ЕС. Это членство увеличивает ее дипломатический вес и способность к действиям, привлекательность как актора в регионе, где нет других европейских стран. Вдобавок ко всему, Греция обладает особым вниманием и прочным присутствием в морском мире, что повышает ее глобальный авторитет. Наконец, ее относительно небольшой размер по сравнению с Турцией необязательно является недостатком: он устраняет любые подозрения в скрытой программе местной гегемонии, которая в противном случае могла бы вызвать недоверие среди ее партнеров.

Вместе с тем Греции важно, чтобы она культивировала свою привлекательность в качестве евроатлантического партнера, одновременно продвигая свой региональный план, независимый от турецкого фактора, чтобы ее новая внешнеполитическая стратегия могла пережить возможное и долгосрочное изменение позиции Турции. Это сложная игра, особенно в свете раскола в Европе и неопределенности в отношении новой региональной картины Средиземноморья из-за военных действий на Украине, которая подвергает серьезному испытанию геополитические возможности Греции.

¹⁶¹ Greece Ratifies Major Military Expansion with US // Greek City Times. January 31, 2020. URL: <https://greekcitytimes.com/2020/01/31/greece-ratifies-major-military-expansion-with-us/>

2.2 Внешнеполитические идеологемы и интересы Турции в Средиземноморье

Один из постулатов науки и искусства формирования внешней политики для любой страны в мире заключается в том, что при построении своих отношений и руководстве своим поведением с внешними сторонами она основывается не на состоянии политической роскоши или политическом вакууме, а на наборе структурных и идеологических соображений и данных в различных исторических, политических и экономических измерениях для достижения своих интересов и амбиций, заявленных и необъявленных. Турция считается одной из стран, которые в своей внешней политике с международным и региональным окружением больше всего зависят от процесса смешения и отождествления между идеологическими и историческими соображениями, с одной стороны, и экономическим прагматизмом, с другой стороны, конечно, не игнорируя соображения безопасности.

Османская идеология

Отслеживая ход турецкой политики с момента прихода АКР к власти, мы отмечаем принятие Турцией нескольких геополитических идеологий в рамках региональной и международной роли, которую она стремится достичь. Первой из этих идеологий является османская или исламская идеология, с помощью которой были нацелены исламские страны и арабские, в частности, где АКР работала над улучшением отношений Турции с ее географическим окружением посредством политики устранения проблем путем разрешения споров с соседними странами. Турецкая дипломатия также была активна и улучшила свои отношения на внешнем уровне, первоначально с Сирией, арабскими странами Персидского залива, Иорданией и рядом других стран. Что касается внутреннего уровня, АКР стремилась проводить примирительную политику в важных, сложных и хронических вопросах, таких как проблемы армян и курдов, и работать над тем, чтобы положить конец концепции вмешательства военного истеблишмента в политическую власть, другими словами, держаться подальше от реакций на внутренние и внешние кризисы, которые препятствуют тому, что Турция

стремится играть ключевую роль в своем географическом окружении¹⁶². Отношения на этом этапе строились посредством активной дипломатии и политического маркетинга консервативно-демократической Турции, этот маркетинг осуществлялся на правительственном уровне посредством визитов и подписания договоров, в то время как на народном уровне это делалось путем применения методов мягкой силы¹⁶³.

Во время «арабской весны» Турция значительно вмешалась в детали хаотической сцены в тех странах, поскольку она усердно работала над усилением исламистских и экстремистских группировок в политическом и военном отношении. Нет сомнений в том, что позиция США при Обаме в отношении «Братьев-мусульман» в тот период помогла Турции зайти слишком далеко в поддержке этой группировки. Вопрос, который возник в то время, особенно среди арабских народов, заключался в том, служила ли турецкая политика её идеологиям или идеологии служила турецким интересам? Точнее, была ли османская идеология и возрождение халифата необходимостью для мусульман и арабов возобновить свою глобальную роль, согласно убеждению большого процента этих народов, или она служила геополитическим устремлениям Турции в ее окрестностях и районах стратегической глубины? События, произошедшие с 2015 г. по сей день, переформулировка внешней политики Турции и ее отказ от своих идеологических союзников и торговаться о них и их проблемах, особенно в отношении арабо-израильского конфликта, четко ответили на этот вопрос прогрессом прагматической идеологии в турецкой политике. Другой возникший вопрос заключался в том, является ли неоосманизм альтернативой европеизму? Большинство исследователей отвечают, что мечта о европеизме, которая легла в духовную основу основателя современного турецкого государства Кемалю

¹⁶² köni H., Özdemir G. 11 years of Justice and Development Party government: facts and prospects // BJSS Balkan Journal of Social Sciences. 2014. Т. 3. № 6. pp. 76–96; Hamed N. تجاوز الإقليمية: شبكات المصالح الاقتصادية في منطقة الشرق الأوسط // Al Siyassa Al Dawliya. 2012. Vol. 48, No. 189, pp. 82 - 87.

¹⁶³ Консервативная демократия - термин, который придумала АКР для описания исламской демократии. Консервативная демократия является умеренней и придерживается более светских и демократических ценностей.

Kaddorah E. Conservative Democracy and the Future of Turkish Secularism // Arab Center for Research and Policy Studies. 2015.

Ататюрка, до сих пор является основой ориентации как кемалистской, так и исламской элит на официальном уровне, а османская идеология была реакцией на игнорирование Запада и ответом на меняющийся мировой порядок и перестановку международных сил. Здесь мы приходим к выводу, что турецкая политика в Средиземноморье, в рамках теории стратегической глубины, была реакцией на неприятие Западом вступления Турции в ЕС и эта реакция проявилась в увеличении точек влияния в южном и восточном окружении Средиземноморья, что приносит Турции ряд преимуществ, первое из которых заключается в том, что она повышает свою геостратегическую ценность за счет увеличения своего влияния и роли в регионе и компенсирует недостаток своего геостратегического статуса, который она потеряла после распада Советского Союза, оказывая давление на ЕС, поскольку этот регион чрезвычайно важен для него, особенно с точки зрения безопасности. Благодаря этому влиянию Турция обеспечивает сохранение умеренной позиции ЕС и НАТО по отношению к растущей роли Турции на региональном и глобальном уровнях. Благодаря предыдущему опыту и взаимодействию со своей стратегической глубиной Турция осознала важность политических и экономических выгод, достигнутых за счет маркетинга организованных и изученных идеологий, а с другой стороны, она осознала важность взаимодействия с исламским миром в укреплении своей глобальной и региональной роли, обеспечении своей внутренней стабильности и укреплении своей национальной безопасности. Если мы посмотрим на турецкое общество с мусульманским большинством, проникнутое европейской мыслью и обладающее демократическим опытом, мы поймем, что Турция - почти единственная страна, которая может достичь консенсуса или отождествления в общении между двумя берегами Средиземного моря и влиять на ход событий в этом регионе с помощью своей военной и экономической мощи. Эта роль, которую играет Турция, очень похожа на ту, которую она играет между Западом и Россией (играя на противоречиях и консенсусах), поскольку она находится посередине и укрепляет свою важность для всех сторон, с одной стороны, она пытается предстать светским и демократическим государством с сильной

экономикой, которое может быть исламской моделью для арабских стран, а с другой стороны, она предстает перед Западом как государство с сильнейшим влиянием среди мусульманских средиземноморских стран, которое может сыграть важную роль в европейской безопасности. С начала XXI в. и по сей день происходит размытие местоположения и принадлежности Турции, нет сомнений в том, что в основе такого колебания турецкого позиционирования лежит проблема турецкой идентичности, общепризнано, что кризис идентичности в Турции сопровождал этапы ее развития с момента распада Османского государства до настоящего времени и всегда был предметом споров между исследователями и турецкими политическими силами особенно после возрождения исламских сил и активизации их роли в центрах принятия решений¹⁶⁴. На наш взгляд, в основе проблемы турецкой идентичности лежат два основных фактора, первый из которых объективен, связанный с историей Турции, восточной и мусульманской страны, которая насильственно приняла западный светский подход руками Ататюрка, в дополнение к разнообразию этого общества в национальном плане и нежеланию турецкой составляющей признавать другие стороны, второй фактор связан с западным видением на Турцию, согласно которому она достигает преимущества, оставаясь функциональным государством в качестве стража европейских границ, не будучи полностью включенным в западную систему, но Турция не желает продолжать эту роль. Эти проблемы привели к внутреннему турецкому конфликту между ориентированными на Запад националистическими силами (кемалистскими) и исламскими силами, возглавляемыми АКР, в дополнение к последовавшему конфликту между гражданскими и военными силами. Следовательно, мы можем сказать, что одной из целей режима президента Турции Эрдогана по активизации распространения османской идеологии является укрепление его внутренней власти путем увеличения числа его сторонников в дополнение к консолидации этой идеологии в сознании турецкого народа, учитывая, что ориентации стран и их идеологии могут четко

¹⁶⁴ Umut U. Glorification of the Past as a Political Tool: Ottoman history in contemporary Turkish politics // The Journal of the Middle East and Africa. 2018. 9:4. pp. 339-357. DOI: 10.1080/21520844.2018.1539063

выражать идентичность государства и правящей власти и наоборот. Если мы считаем, что национальная идентичность - это политическая, социальная и философская концепция, касающаяся самосознания общества, будь то в терминах сходства или различия и дифференциации, мы предполагаем, что ориентации государства в его внешней политике, включая политические идеи и цели и представления о его международном и региональном статусе, воплощают это осознание посредством практической реализации этой политики и закрепляют его в коллективном сознании нации в рамках взаимных отношений, так что идентичность становится источником восприятий и стратегий и, в свою очередь, применение этих стратегий и их успех являются фактором укрепления осознания этим обществом своей идентичности.

Идеология «Голубой родины»

Стоит отметить, что после распада Советского Союза Турция не только выдвигала одну идеологию в рамках своей экспансионистской политики, но и идеологии менялись от места к месту, и сила их предложения время от времени менялась в соответствии с интересами Турции. После распада Советского Союза Евразия начала публично фигурировать в турецкой политической и академической среде как геополитическая концепция, учитывая, что евразийская ось географически является турецкой осью и местом исторического присутствия турецких народов. Кроме того, после появления ряда современных стран, населенных тюркоязычными народами в Центральной Азии и на Кавказе (Азербайджан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан), раздались голоса, связанные с общим культурным и этническим прошлым между этими странами и современной Турцией, Турция также пыталась воспользоваться потребностью этих стран в определенной модели управления как современных стран, чтобы навести с ними мосты коммуникации, но в то время потерпела неудачу¹⁶⁵. Тем не менее, турецкая помощь Азербайджану в войне с Арменией указывает на то, что Турция добилась значительного прогресса в этом

¹⁶⁵ Torbakov I. Turkey and Post-Soviet Eurasia: Seeking a Regional Power Status // JSTOR. Insight Turkey. 2005. 7(2), pp. 115–127.

регионе с точки зрения построения отношений, основанных на этнической и экономической основе. Фактически, Турция осознала выгоды, которых она могла бы достичь, продвигая идеологию во внутреннем и внешнем измерении, поэтому она начала искать в истории и географии идеологии, которые охватывают все ее ориентации и геостратегические интересы, исходя из этого, АКР пытается выдвинуть новую идеологию и доктрину под названием «Голубая родина», эта доктрина была разработана адмиралом Джимом Горденезом в 2006 г. таким образом, чтобы она соответствовала геостратегическим и геоэкономическим целям и видениям Турции в восточном Средиземноморье¹⁶⁶. Здесь стоит упомянуть, что турецкому обществу культурно и исторически не хватало морского взгляда и оно сосредоточило свое внимание на суше, поскольку Турция никогда не рассматривала Средиземное море как регион сам по себе или как географическую единицу, а только как продолжение Ближнего Востока и море, отделяющее его от других стран. Кроме того, Турция ранее не рассматривала Средиземноморский регион как зону экономических возможностей и политического сотрудничества, например, Турция в 1992 г. выступила с инициативой экономического сотрудничества в Черном море, которая позже превратилась в региональную организацию¹⁶⁷, в то время как она не предоставляла никаких экономических или культурных инициатив прибрежным государствам на своих южных берегах, даже рыболовство было сосредоточено в черном и Эгейском морях, но это можно объяснить узкими морскими пространствами, полученными Турцией в соответствии с Лозаннским договором, и отсутствием у Турции в то время видения и возможности изменить эти границы. В 2015 г. правительство АКР приняло доктрину «Голубой родины» в качестве руководящего принципа в ответ на внутреннюю ситуацию и чтобы заручиться поддержкой националистов, поскольку Эрдоган считает, что благодаря этой доктрине геополитическая роль Турции как влиятельной силы в международной и

¹⁶⁶ Deriziotis A. The “Blue Homeland” and Erdoğan’s Rhetoric: State Doctrine or Populist Narrative? // *Convergence and Confrontation: The Balkans and the Middle East in the 21st Century*. 2021. pp. 9–32.

¹⁶⁷ Black Sea Economic Cooperation // BSEC. 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bsec-organization.org/bsec-at-glance> (дата обращения: 06.03.2023)

региональной системе может быть восстановлена, исходя из природы и геостратегических и геополитических характеристик Средиземноморья и это достигается посредством процесса тесной взаимосвязи между морскими путями между Средиземным морем, Красным морем, Каспийским морем и Эгейским морем и взаимосвязи этих морей с сухопутными районами геополитически и геоэкономически, чтобы Турция могла контролировать все возможности этих морских и сухопутных районов, таким образом, внешняя политика Турции в регионе становится ключевым действующим лицом во многих региональных и международных событиях¹⁶⁸. Доктрина «Голубой родины» состоит из двух частей, первая - это утверждение контроля Турции над тремя прилегающими к ней морями в дополнение к ее жестким требованиям в отношении энергетики, особенно в восточном Средиземноморье в отношении исключительной экономической зоны Кипра и островов Эгейского моря, конечно, эти амбиции Турции, современной республики, возникают в контексте ее желания и намерений расширяться на географические территории за пределы своих границ, очерченных в соответствии с Лозаннским договором. Вторая часть доктрины направлена на обеспечение круга удаленных жизненно важных морских пространств с целью сохранения поставок Турции из Каспийского, Красного и Аравийского морей, включая Аденский и Персидский заливы, и это устанавливается посредством отличительных отношений со странами, граничащими с этими морями, особенно с Красным морем, которое соединяет Индийский океан и Персидский залив с восточным Средиземноморьем и Турцией. В этом контексте Турция подписала соглашение с Суданом о развитии острова Суакин в 2017 г.¹⁶⁹ и открыла военную базу в столице Сомали Могадишо, расположенной на побережье Индийского океана¹⁷⁰, в дополнение к своему военному присутствию в Катаре¹⁷¹.

¹⁶⁸ Onis D. معضلة الأخلاق والمصالح في السياسة الخارجية التركية // Rouya Turkiyyah. 2012. Volume 1, Issue 3.

¹⁶⁹ السودان يسلم تركيا جزيرة سواكن الواقعة في البحر الأحمر // FRANCE24. 26.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/kDpsHGe7> (дата обращения: 08.03.2023)

¹⁷⁰ Hussein A., Coskun O. Turkey opens military base in Mogadishu to train Somali soldiers // Reuters. 30.09.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-somalia-turkey-military-idUSKCN1C50JH> (дата обращения: 06.03.2023)

Геостратегическое видение Турции в Восточном Средиземноморье определяется важностью этого региона как перекрестка между тремя континентами, Европой, Азией и Африкой, и морского торгового пути между ними, в дополнение к его богатству нефтью и природным газом и его важности как транзитного маршрута для энергоносителей из Каспийского бассейна и Центральной Азии в Европу. Проявления доктрины «Голубой родины» были полностью продемонстрированы в военном отношении в ходе маневра «Голубая родина» в 2019 г., который стал крупнейшим боевым маневром с момента создания турецких ВМС, поскольку он проводился одновременно в Эгейском море, Черном море и Восточном Средиземноморье, и был описан государственными СМИ как «репетиция войны»¹⁷². Дипломатически эта доктрина была продемонстрирована заключением в ноябре 2019 г. соглашения между правительством Турции и правительством национального согласия в Триполи, которое подразумевает, что даже самый большой греческий остров (Крит) не имеет континентального шельфа, не говоря уже о меньшем острове Кастеллоризо у турецко-ливийского побережья¹⁷³. По сути, это турецко-ливийское соглашение считается важным политико-правовым приобретением для действий Турции в Средиземном море, хотя и не считается окончательным решением существующих споров о морских сферах влияния в регионе. Несмотря на незаконность этого соглашения, требование Турции о доле морского пирога, похоже, особенно понятно Германии, поскольку лидеры ЕС не смогли договориться о новых санкциях против Турции. Кроме того, ЕС в настоящее время переживает экзистенциальный кризис из-за СВО на Украине, по многим причинам, наиболее важной из которых является нехватка российских энергоносителей, поэтому внимание обращается на регион Восточного

¹⁷¹ Murdock H. Turkey Opens First Mideast Military Base in Qatar // Voice of America (VOA). 10.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/a/turkey-opens-first-middle-east-military-base-in-qatar/3323653.html> (дата обращения: 06.03.2023)

¹⁷² Ozberk T. Turkish Navy Kicked Off BLUE HOMELAND-2021 Large Scale Exercise // NAVAL NEWS. 28.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2021/02/turkish-navy-kicked-off-blue-homeland-2021-large-scale-exercise/> (дата обращения: 08.03.2023)

¹⁷³ The Libya-Turkey Memorandum of Understanding: Local and Regional Repercussions // Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS). 02.01.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-libya-turkey-memorandum-of-understanding-local-and-regional-repercussions/> (дата обращения: 08.03.2023)

Средиземноморья как регион, богатый нефтью и газом и близкий к Европе, но его проблема в том, что он страдает от политической нестабильности. Поэтому Турция считает, что своими действиями в Восточном Средиземноморье она может сделать энергетическую сферу инструментом своей внешней политики, укрепив свою роль транзитной страны за счет расширения строительства газопроводов, что придает ей дополнительную геополитическую ценность, с другой стороны, экономические выгоды от этого могут способствовать укреплению внутренней власти АКР.

Внутренние кризисы и стратегические выборы для укрепления турецкой экономики

Турция в настоящее время тонет во внутренних условиях и кризисах, как экономических, представленных обвалом турецкой лиры, так и политических, представленных снижением популярности АКР и ее враждебностью к внутренним (оппозиции) и внешним (европейским) силам, даже ухудшающаяся экономическая ситуация превратилась в кошмар для турецкого общества из-за плохого управления экономикой и неспособности контролировать обменный курс лиры, снизить инфляцию и сдержать рост цен, в дополнение к сокращению валютных резервов на около \$1,46 млрд до \$26,67 млрд в декабре 2022 г. на фоне растущего давления на лиру¹⁷⁴. Согласно заявлению Министерства торговли Турции, дефицит торгового баланса (разница между стоимостью экспорта и импорта) в 2022 г. превысил \$110 млрд¹⁷⁵, а уровень безработицы вырос до 10,1% в сентябре 2022 г. в то время как уровень занятости достиг 47,6%¹⁷⁶, также, годовой уровень инфляции вырос до самого высокого уровня за 24 года, достигнув 80,21% в августе 2022 г.¹⁷⁷. Таким образом, Эрдоган считает, что введение источников дохода в турецкий бюджет от ископаемых источников

¹⁷⁴ احتياطي النقد الأجنبي في تركيا يتراجع عن أعلى مستوى في 2022 // Sky News Arabia. 29.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://rb.gy/kbwyp5> (дата обращения: 08.03.2023)

¹⁷⁵ العجز التجاري لتركيا يتجاوز الـ 110 مليار دولار في 2022 // Sky News Arabia. 02.01.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/B3dULKqC> (дата обращения: 08.03.2023)

¹⁷⁶ «الإحصاء» التركية: معدل البطالة يرتفع إلى 10.1% في سبتمبر 2022 // The Emirates Center for Strategic Studies & Research. [Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/d4JBgTby> (дата обращения: 08.03.2023)

¹⁷⁷ تركيا.. التضخم يلامس أعلى مستوى له منذ نحو ربع قرن // Aljazeera. 05.09.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/Vt5NFbpg> (дата обращения: 08.03.2023)

сформирует важную опору турецкой экономики особенно после СВО на Украине, которая легла дополнительным бременем на турецкую экономику из-за высоких цен на энергоносители, но в то же время она может таить в себе много возможностей, если Турции удастся справиться с ее отрядами, ввиду высокой важности Турции для Запада в целом и ЕС в частности как энергетического коридора из Центральной Азии, кроме того, Турция является партнером в энергетической игре в восточном Средиземноморье, и невозможно инвестировать в этот регион, не договорившись с ней. По нашему мнению, нет никаких сомнений в том, что настоятельная необходимость Запада полагаться на газ Восточного Средиземноморья подтолкнет США и ЕС ускорить регулирование темы энергии и ее добычи в этом регионе, что поддерживает эту идею, так это соглашение о демаркации морских границ между Ливаном и Израилем, которое было подписано в октябре 2022 г. при координации и благословении США¹⁷⁸, зная, что трудно было представить заключение такого соглашения из-за деликатности конфликта в регионе между Израилем и «Хезболлой» в Ливане и за ней — Иран и Сирия. Из этого консенсуса ясно, что Запад и США работают над успокоением атмосферы, чтобы обеспечить стабильную обстановку, которая позволит Израилю в первую очередь и Ливану во вторую очередь добывать газ из своих морских районов, в то время как удовлетворение Ирана и Сирии этим объясняется желанием принести нефтяные доходы Ливану, который страдает от экономического коллапса, что скажется на их союзниках там, если ситуация ухудшится еще больше. Из вышеизложенного мы делаем вывод, что предстоящий период может быть золотым периодом для получения Турцией уступок от Запада за счет интересов Греции, и не преувеличим, если скажем, что сохранение сильной турецкой позиции в восточном Средиземноморье входит в приоритеты турецкой внешней политики на данный момент. Хотя многие исследователи считают, что требования безопасности Турции заставляют ее сосредоточиться на

¹⁷⁸ Gebeily M., Lubell M. Israel, Lebanon finalise maritime demarcation deal without mutual recognition // Reuters. 27.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/lebanon-israel-set-approve-maritime-border-deal-2022-10-27/> (дата обращения: 08.03.2023)

северном Ираке и Сирии из-за курдской проблемы и ее влияний на единство страны, мы не видим разделения между политикой Турции в северной Сирии и Ираке и ее политикой в восточном Средиземноморье вплоть до Ливии, также мы можем рассматривать линию от Мосула до Триполи, проходящую через Кипр, как одна область, в которой вызовы безопасности взаимодействуют с политическими, географическими и экономическими амбициями. Для Турции необходимо сохранить гегемонию и контроль в Ливии, чтобы сохранить преемственность и легитимность морского соглашения, подписанного с ней в 2019 г., а также блокировать любые европейские проекты в регионе, которые не учитывают интересы Турции. Что касается турецкого присутствия в Сирии, то оно связано с рисками образования курдского государства, поэтому Турция пытается поддержать своих сторонников-фундаменталистов в надежде сохранить там постоянный контроль, в дополнение к попыткам расселить сирийских беженцев. Кроме того, мы можем видеть взаимосвязь между курдским вопросом, который является первой одержимостью безопасности Турции, ее географического и политического единства и ее национальной безопасности, и проблемой восточного Средиземноморья, поскольку известно, что лидеры проекта «Курдское государство» среди курдских политиков считают, что одной из причин незавершенности этого образования является отсутствие выхода к морю, поэтому пытались в трудные периоды сирийского кризиса открыть коридор к морю, соединяющий северный Ирак и Сирию через Африн с городом Латакия, но им не удалось. Эти попытки объясняют цели военных операций Турции на севере Сирии, направленных на вытеснение курдов, особенно в районе Африна, и демографическую перестройку региона путем насаждения своих сторонников - исламских фундаменталистов в Африне и районах вблизи моря. Здесь стоит отметить еще один момент - город Искендерун, который составляет большой процент турецкой прибрежной территории и населен в основном алавитами, Искендерун был отделен от Сирии в стоворе с Францией в 1939 г., и есть опасения, что это досье будет повторно оживлено, тем более что его жители лояльны сирийскому государству и выступают против политики Турции как

политики поддержки радикальных исламистов. В этом контексте можно вспомнить несколько намеков со стороны сирийского государства вновь открыть это дело, зная, что оно часто поднимается на популярном уровне в Сирии¹⁷⁹. В результате можно сказать, что турецкая стратегия морского контроля в восточном Средиземноморье зависит от контроля и расширения влияния на участки суши в районах, соответствующих морским пространствам, и поэтому она следует интегрированной и взаимосвязанной политике в отношении этого региона, представленной политикой, целями, военными операциями, продвижением идеологии «Голубой родины», установлением контроля над стратегическими пунктами на севере Сирии и Ливии и усилением своей роли на Северном Кипре, в дополнение к повышению своего военного потенциала, особенно военно-морского флота.

Политика Турции в Большом Средиземноморье и африканское партнерство

Прогресс региона Восточного Средиземноморья в турецких приоритетах на текущем и будущем этапе никоим образом не означает снижения интереса к региону Большого Средиземноморья, скорее, мы можем сказать, что регион Восточного Средиземноморья представляет собой центр из-за сочетания в нем геополитических, экономических интересов и интересов безопасности, его близости к Турции и его прямого влияния на национальную безопасность Турции, кроме того, стратегия Турции в отношении региона Большого Средиземноморья в значительной степени определяется регионом Восточного Средиземноморья и наоборот. Что касается стратегий Турции в отношении региона Большого Средиземноморья, помимо ее роли на Балканах, основанной на проникновении и расширении влияния, мы можем разделить Средиземноморский регион на два крыла: северное (ЕС) и Юго-Восточное (арабские страны и Израиль). По нашей оценке, хотя у Турции есть отдельное видение и различный подход к работе с

¹⁷⁹ Syrian Parliament Demands Return of Iskenderun to “its Rightful Owners” // KEGHART. 10.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://keghart.org/nscwm-syrian-parliament-iskenderun/> (дата обращения: 08.03.2023)

каждым крылом, она проводит с ними сбалансированную политику в рамках целостного средиземноморского видения по следующим причинам, стратегия Турции на юге влияет на ее стратегию на севере, или часто стратегия на юге состоит в том, чтобы построить стратегию на севере, и то же самое относится к экономическим и торговым интересам, учитывая, что северное и юго-восточное крыло Средиземноморья образуют две разные среды, южное представляет собой регион сырья и поставщика сырья для промышленности и большой рынок для турецкой продукции, в то время как северное европейское крыло является рынком сельскохозяйственной продукции и поставщиком современных отраслей промышленности и технологий в дополнение к туризму.

Таблица 1 и график 1 показывают торговый баланс Турции (экспорт и импорт) как с арабскими странами, так и с ЕС за период 2002-2021 гг. Ознакомившись с этими данными, мы можем объяснить коммерческие мотивы Турции в проведении комплексной политики в отношении Средиземноморского региона, где торговый баланс показывает превосходство турецких обменов с ЕС над обменами с арабскими странами, но отмечается, что экспорт превышает импорт с арабскими странами, в то время как с ЕС импорт превышает экспорт, а это означает, что торговые операции с арабскими странами приносят больше прибыли турецкой экономике. Здесь следует отметить, что большая часть турецкого импорта из ЕС связана с технологиями и промышленным оборудованием, и это заставляет нас полагать, что Турция будет продолжать проводить сбалансированную политику в отношении двух крыльев, учитывая, что они имеют сбалансированное значение.

Таблица 1. Торговый баланс Турции (экспорт и импорт) с арабскими странами и ЕС за период 2002-2021 гг. Цифры выражены в миллиардах долларов США. Данные были получены из World Integrated Trade Solution (WITS)¹⁸⁰.

Год	Торговый поток	Арабские Страны	Страны ЕС
2002	Экспорт	2.97	16.79
	Импорт	3.05	22.69
2003	Экспорт	4.61	23.31
	Импорт	3.64	30.80
2004	Экспорт	6.90	30.55
	Импорт	5.14	42.70
2005	Экспорт	9.02	34.76
	Импорт	6.40	46.68
2006	Экспорт	10.17	39.72
	Импорт	6.93	52.16
2007	Экспорт	13.27	50.17
	Импорт	6.41	60.08
2008	Экспорт	22.92	53.23
	Импорт	5.74	64.59
2009	Экспорт	19.40	40.01
	Импорт	3.89	49.89
2010	Экспорт	20.97	44.50
	Импорт	5.96	63.49
2011	Экспорт	22.78	52.32
	Импорт	8.22	78.25
2012	Экспорт	32.67	47.97
	Импорт	9.84	73.30

¹⁸⁰ World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>

Год	Торговый поток	Арабские Страны	Страны ЕС
2013	Экспорт	33.99	54.62
	Импорт	12.34	82.72
2014	Экспорт	33.85	59.16
	Импорт	10.74	78.83
2015	Экспорт	30.25	54.51
	Импорт	8.31	72.22
2016	Экспорт	29.21	58.39
	Импорт	10.50	71.64
2017	Экспорт	27.54	47.66
	Импорт	13.92	68.52
2018	Экспорт	24.09	54.70
	Импорт	12.54	64.18
2019	Экспорт	25.77	53.57
	Импорт	13.20	56.94
2020	Экспорт	22.37	49.30
	Импорт	20.86	62.98
2021	Экспорт	29.19	64.86
	Импорт	14.47	71.30

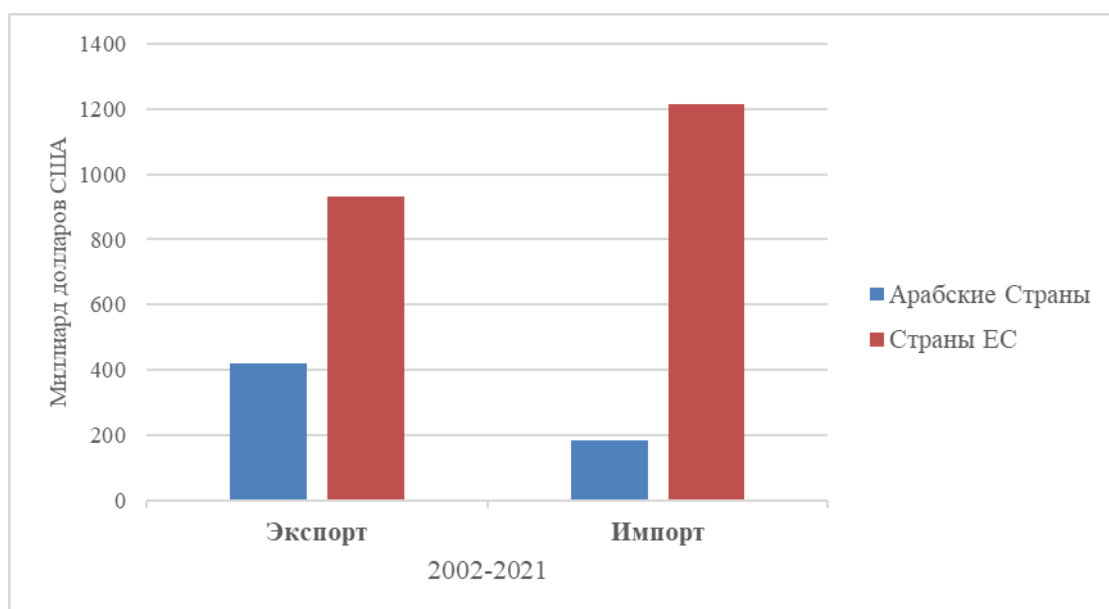

График 1. Торговый баланс Турции (экспорт и импорт) с арабскими странами и ЕС за период 2002–2021 гг. Источник: составлен автором на основании данных таблицы 1.

Растущая роль Турции не ограничивалась границами Средиземноморского региона, но распространилась и на Африку, где за два десятилетия Турция развила широкую сеть экономических и военных отношений с Африкой до такой степени, что это вызывало беспокойство других держав, таких как Франция, и в декабре 2021 г. в Стамбуле состоялся третий турецкий саммит под названием «Расширенное партнерство во имя общего развития и процветания», целью которого было увенчать два десятилетия дипломатической деятельности Турции со странами Африканского континента. Увеличение торгового баланса Турции с африканскими странами с \$5 млрд в 2005 г. до \$30 млрд в 2021 г. и увеличение числа турецких посольств там с 12 до 44 за два десятилетия четко подтверждают заинтересованность Турции в реализации стратегического видения на этом континенте. Кроме того, активизация религиозного пути и пути наследия путем строительства мечетей в исламских странах, таких как Мали и Судан, благотворительные и гуманитарные работы под руководством турецкого управления по делам религий и неправительственных организаций, таких как Турецкий Красный Полумесяц, факты приводят нас к выводу, что Турция смотрит на этот регион с долгосрочным стратегическим видением, посредством которого

она стремится продвигать исламскую идеологию наряду с экономическими и торговыми целями, а также стремится встретиться с активными силами на этом континенте, такими как ЕС, Франция и Португалия, в частности, а также Китай и страны Персидского залива¹⁸¹. Поскольку наше исследование ограничено Средиземноморским регионом, мы считаем, что интерес к Африканскому континенту усиливает важность Средиземного моря в турецкой политике как единственного транзитного коридора на этот континент и заставляет Турцию устанавливать и укреплять свою роль в этом регионе, особенно в Ливии и на африканских побережьях с видом на Красное море.

Суммируя, можно сделать вывод, что Турция придерживалась двух интегрированных идеологий в отношении Средиземноморского региона, первая - это османская идеология или так называемая доктрина «стратегической глубины», которая является руководящим принципом внешней политики АКР, и через нее строились линии связи с арабо-мусульманскими странами на государственном и народном уровнях, по дипломатическим, медийным и экономическим инструментам, но эта идеология дала трещину из-за отрядов «Арабской весны» и турецкого подхода к ней. Вторая - доктрина «Голубой родины», на которой сосредоточено внимание, но с некоторым продолжением доктрины «стратегической глубины» с целью формирования более милитаризованной и напористой внешней политики. Что отличает доктрину «Голубой родины», так это то, что с ней согласны многие турецкие политики и турецкая армия и что для нее характерно использование жесткой силы вместо мягкой, на которой была основана доктрина «стратегической глубины», а также она более четко определяет стратегическое видение Турции в отношении Средиземноморья и отражает желание Турции достичь своей стратегической независимости от Запада. Важный вопрос здесь заключается в том, находится ли османская идеология на завершающей стадии и является ли доктрина «Голубой родины» альтернативой

¹⁸¹ Türkiye-Africa relations // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-africa-relations.en.mfa> (дата обращения: 08.03.2023); Mirza A. Turkey's African outreach // Punjab Today TV. 28.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.punjabtodaytv.com/english/african/> (дата обращения: 08.03.2023)

ей? Мохаммед аш-Шаркави, профессор по разрешению международных конфликтов и бывший член Комитета экспертов ООН, говорит, что смерть определенной идеологии и прекращение ее функционирования происходят в двух случаях, первый - это победа этой идеологии и возникновение позже большого противоречия между общими принципами этой идеологии и практической практикой элит, которые ее продвигают, что приводит к тому, что носители этой идеологии отходят от нее из-за их слабой убежденности в ней и ее общих целях, второй - это прохождение долгого времени после существования идеологии без достижения какой-либо победы, поэтому она медленно умирает, и в обоих случаях рухнувшая идеология уступает место рождению новой идеологии. Проецируя на турецкий случай, мы обнаруживаем, что после «арабской весны» возникло большое противоречие между османской идеологией и практической практикой политики АКР, но без достижения полной победы в поставленных ею целях, с другой стороны, мы не можем сказать, что с момента появления этой идеологии прошло много времени, тем более что ее носители все еще находятся у власти (АКР) и сами принимают идеологию «Голубой родины». По нашему мнению, обе доктрины являются экспансионистскими и дополняют друг друга, а также предоставляют Турции больше пространства для проведения прагматичной политики, совместимой с изменениями мирового порядка и региона и позволяют ей чередовать жесткую и мягкую силу.

Интересы Турции в Средиземном море

Что касается интересов Турции в Средиземноморском регионе, то их так много, что мы можем сказать, что этот регион составляет основное поле турецкой внешней политики и в нем проявляются интересы Турции политически, экономически и социально, особенно в том, что касается безопасности торговых коридоров и энергетической безопасности, учитывая, что Турция в настоящее время делает большую ставку на этот файл в надежде, что он превратит ее из страны-потребителя энергии в страну-производителя и транзитный центр. На уровне национальной безопасности Турция осознает, что движется в регионе, очень похожем на нее, и, естественно, вносит свой вклад в проблемы и

противоречия этого региона, и она должна реагировать на любое событие точным образом, и либо добьётся от него своих интересов, либо подвергается вероотступничеству, вызванному им и ее неправильной политикой по отношению к нему, например, сирийский кризис. С другой стороны, регион сужен региональными и глобальными державами с расходящимися интересами, и правда, Турция может иметь преимущества, которые отличают ее от других, но в то же время она может быть больше других затронута проблемами этого региона по нескольким соображениям. Во-первых, общие этнические и религиозные детерминанты между турецким народом и народами региона, которые легли в основу мостов общения между ними, считаются преимуществом, с одной стороны, но, с другой стороны, из-за остроты этнических и религиозных разногласий, от которых страдает регион, они могут стать мостами для передачи этой заразы турецкому обществу. Во-вторых, политика открытых дверей, которая часто де-факто связана с усилением взаимодействия и коммуникации со странами региона или с организациями, поддерживаемыми Турцией, приводит к тому, что элементы из этих стран проникают в Турцию, и это создает опасность, связанную с их мотивами и целями, в дополнение к тому, что они представляют угрозу турецкой идентичности, например, от чего Турция больше всего страдает на данный момент, так это от кризиса сирийских беженцев, хотя причиной их въезда в Турцию является не политика открытых дверей, а агрессивная политика, проводимая Турцией в Сирии, и ее попытки сменить режим с помощью вооруженных террористических организаций. В-третьих, сухопутный и морской контакт со странами Ближнего Востока, являющийся важным фактором торгово-экономического взаимодействия, представляет угрозу безопасности Турции в связи с нестабильностью в регионе. В-четвертых, проводимая Турцией политика по укреплению отношений со странами Средиземноморья как на официальном, так и на неофициальном уровне, стала камнем преткновения на пути турецкой политики, так как ей часто приходится разрывать свои отношения с неофициальными сторонами, чтобы укреплять их с официальными сторонами и наоборот.

Можно сказать, что Турция с момента прихода АКР, стремится к стратегической независимости, как и многие региональные и международные страны, которые верят в конец однополярного мира и в то, что центры силы перемещаются с Запада на Восток. Поэтому Турция хочет быть независимым игроком, но она прекрасно осознает неспособность сразу изменить и использовать структуру нового мирового порядка в свою пользу и что на нее сильно влияют изменения в международной и региональной структуре, поскольку долгое время она была одной из важнейших линий соприкосновения режима холодной войны. Соответственно, эта новая внешняя политика столкнется с конкретными ограничениями и препятствиями, вытекающими из природы диалектики и динамики международной и региональной системы. Отсюда можно сказать, что внешняя политика Турции зависит от факторов силы и слабости одновременно, поскольку регион, в котором расположена Турция, в силу своих исторических, политических, экономических и культурных характеристик представляет собой подходящее и гибкое поле, которое облегчает турецкие интервенционные операции и получение максимально возможных политических и экономических выгод, напротив, эти характеристики одновременно налагают ограничения на внешнюю политику Турции и могут представлять угрозу ее национальной безопасности.

Подводя итог, можно сказать, что Средиземноморский регион представляет собой жизненно важную область и стратегическую глубину для Турции, которая с начала XXI в. проводит организованную политику в отношении этого региона, основанную на сочетании идеологических соображений и экономических интересов, в дополнение к проведению реалистичной политики в последние годы по соображениям, связанным с национальной безопасностью. Турция обладает сильными сторонами, которые проистекают из ее структуры и геостратегического положения в дополнение к ее экономическому и военному потенциалу, что помогло ей сформировать прагматичную политику, обеспечивающую ее интересы в свете региональных и международных изменений, но в то же время эти сильные

стороны могут превратиться в слабые в зависимости от турецкой политики и региональных и международных переменных.

Средиземноморский регион в турецкой политике можно разделить на две части. Первая — это районы вблизи Черного моря, Эгейского моря, восточного Средиземноморья, в дополнение к периферии стран на Восточном и Южном побережье (Ливия, Египет, Сирия, Израиль), а также Греция и Кипр. Этот регион представляет собой центр геостратегической тяжести Турции из-за пространственной близости и интенсивности прямых и косвенных интересов в нем, а также соображений национальной безопасности Турции, на которые этот регион оказывает большое влияние из-за пространственной близости, экономической и политической важности региона и его социальной и структурной схожести с Турцией, в дополнение к нестабильности в регионе, интенсивности международного присутствия и расхождению интересов всех сторон. Этот регион также содержит три файла по вопросам безопасности, которые затрагивают Турцию до глубины души, а именно курдский вопрос, конфликт в Эгейском море и спор о зонах морского контроля в восточном Средиземноморье. Фактически, инновационная доктрина «Голубой родины» является четким выражением интересов Турции в этом регионе, а подход жесткой силы — принятый в ней вариант путем контроля и распространения влияния на участки суши в районах, соответствующих морским пространствам на севере Сирии и Ливии и на Северном Кипре, в дополнение к усилению эскалации в Эгейском море и Восточном Средиземноморье в соответствии с политикой «Дипломатия канонерок»¹⁸². Вторая часть — это регион Большого Средиземноморья, который также разделен на северную европейскую и южную исламскую части. Турция имеет экономические, политические интересы и, в меньшей степени, интересы безопасности в этом регионе и проводит по отношению к нему сбалансированную политику север-юг, чему способствует ее

¹⁸² Дипломатия канонерок относится к практике использования демонстрации военной мощи для поддержки дипломатических усилий. Это предполагает использование подразумеваемой военной силы для достижения целей национальной политики.

расположение и структура, которые делают ее единственной страной, способной достичь консенсуса между двумя берегами Средиземного моря, и, действительно, она инвестирует в это, играя на противоречиях и компромиссах между Севером и Югом, чтобы достичь своих экономических и политических интересов, следуя подходу дипломатии и мягкой силы.

2.3. Столкновение интересов Турции и Греции в Средиземноморском регионе: эволюция конфликта и возможные формы взаимоотношений

Турецко-греческий конфликт исторически можно разделить на три этапа, первый простирается от битвы при Манцикерде между греческими византийцами и турецкими сельджуками в 1071 г. до вступления Мехмеда Эль-Фатиха в Константинополь в 1453 г., этот этап характеризовался враждебностью и цивилизационными, этническими и религиозными конфликтами. Второй этап - это османский контроль над Грецией, Эгейским морем и островом Кипр, этот этап длился около 400 лет, в течение которых отношения двух народов характеризовались отношениями большинства и меньшинства. Третий этап - это революция греков против османов и обретение независимости в 1821 г. В начале XX в. конфликты возобновились с распадом Османского султаната и началом турецкой войны за независимость (1919-1923 гг.) между турками и союзными странами Италией, Францией, Грецией и Великобританией а Турции удалось добиться своей независимости. После войны в 1923 г. был подписан Лозаннский договор, этот договор определил границы между турецким и греческим государствами, урегулировал их отношения с этническими меньшинствами в каждом из них и установил спокойствие примерно на полвека¹⁸³. Соответственно, греко-турецкие отношения можно рассматривать как основанные на принципе силы и враждебности, а этнические, цивилизационные и религиозные различия часто доминировали в ходе событий между двумя странами. Фактически, история конфликтов между Грецией и Турцией отражает ненависть и недоверие между ними, поскольку историки сходятся во мнении, что вражда является наиболее естественной ситуацией в их отношениях на протяжении всей истории¹⁸⁴. В новейшей истории конфликты в территориальном море и национальном воздушном пространстве возобновились и чуть не поставили две страны на грань

¹⁸³ Heraclides, A., & Alioğlu Çakmak, G. (Eds.). (2019). *Greece and Turkey in Conflict and Cooperation: From Europeanization to De-Europeanization* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203732151>

¹⁸⁴ Shaker B., Amarat F. The Turkish-Greek Conflict in the Eastern Mediterranean and the Role of Regional Parties // *Tikrit Journal for Political Science*. 2021. 24. P. 370-395.

войны в 1976, 1987 и 1996 гг. Эти конфликты долгое время были источником раздражения для НАТО, поскольку они ослабляют его южный фланг, а с 1990-х гг. это стало проблемой и для ЕС¹⁸⁵.

В течение нескольких десятилетий спор между двумя странами носил геополитический характер, но после открытия источников энергии в восточном Средиземноморье и Эгейском море, помимо геополитического, спор принял экономический оборот. Использование запасов углеводородов Эгейского моря и восточного Средиземноморья имеет решающее значение для стратегической независимости Турции, поскольку она по-прежнему тратит большую часть своего бюджета на импорт энергоресурсов. В то время, когда Турция стремится стать транзитным центром для энергоносителей, Греция стремится к той же роли и считает, что имеет право инвестировать в свои территориальные воды и исключительные экономические зоны, определенные международными соглашениями. Эти турецко-греческие экономические амбиции в дополнение к возможностям, предоставляемым регионом, порождают три дополнительные серьезные проблемы в конфликте между двумя сторонами: территориальное море, исключительные экономические зоны и континентальный шельф.

Территориальное море (или территориальные воды) состоит из морского пояса, прилегающего к побережью или внутренним водам государства и составляющего часть территории государственной, и государство имеет полный контроль над ним. Эта концепция была согласована с XVIII в., когда территориальное море было ограничено тремя морскими милями, но позже Конвенция Монтего-Бей (или Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву) 1982 г. разрешила расширить его до 12 морских миль. Здесь стоит отметить, что Турция не подписывала это соглашение. Что касается континентального шельфа, то он определяет морские районы каждой страны в соответствии с геологическими данными. Турция считает, что ее континентальный

¹⁸⁵ Kokkinidis T. Greece – Turkey Conflicts in Modern History // GreekReporter. 13.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://greekreporter.com/2022/10/13/greece-turkey-conflict/> (дата обращения: 20.03.2023)

шельф простирается до середины Эгейского моря, исходя из ее естественного права на Анатолийское плато, и, таким образом, турецкий континентальный шельф простирается к западу от многих греческих островов. С другой стороны, Греция отвергает это, ссылаясь на статью 121 Конвенции Монтего-Бей, которая предоставляет ее островам континентальный шельф, и считает, что границы ее континентального шельфа простираются к востоку от греческих островов на полпути между этими островами и Анатолийским плато. Говоря об исключительных экономических зонах, можно сказать, что это современная концепция, которая позволяет прибрежным государствам эксплуатировать экономические ресурсы, расположенные в морском пространстве максимум на расстоянии 200 морских миль от побережья, согласно Конвенции Монтего-Бей¹⁸⁶. Хотя исключительные экономические зоны в настоящее время прочно утвердились в качестве концепции в международном праве, мы обнаруживаем, что все еще существует много препятствий для их точного определения в соответствии с Конвенцией Монтего-Бей. Это связано с географическим характером некоторых стран, включая Турцию и Грецию, где две страны имеют смежные и противоположные побережья. Конвенция не дает точных решений на этот случай, но по практике решения подобных вопросов регионы делятся между странами по принципу равноудаленности. Однако это правило не дает приемлемых решений из-за близости многих греческих островов к турецкой побережье. Здесь стоит отметить, что Турция и другие прибрежные страны региона, такие как Израиль, Ливия и Сирия, не ратифицировали Конвенцией Монтего-Бей и предпочли определить свои морские границы путем заключения двусторонних договоров с некоторыми соседними странами. Например, Турция заключила договор о демаркации морской границы с Ливийским правительством национального согласия в 2019 г., а Кипр подписал аналогичные соглашения с несколькими странами, граничащими с восточным Средиземноморьем, такими

¹⁸⁶ Ortolland, D. The Greco-Turkish dispute over the Aegean Sea: a possible solution? // *Défense nationale et sécurité collective*. 2009. <https://www.diploweb.com/The-Greco-Turkish-dispute-over-the.html>

как Египет в 2003 г., Ливан в 2007 г. и Израиль в 2010 г.¹⁸⁷. В любом случае переговоры между Турцией и Грецией так и не привели к соглашению о демаркации морских границ между ними, кроме того, Международный Суд считает себя некомпетентным разрешать любой спор, представленный одной стороной, учитывая, что одна из двух стран подняли спор, а другая отклонила его. На наш взгляд, разрешение этого конфликта через правовые институты невозможно, но возможно, что эти институты будут играть роль участника и спонсора в случае движения двух стран к мирному решению.

На самом деле турецко-греческий конфликт возникает не только из правовых вопросов, а в основе конфликта лежат вопросы безопасности, геостратегии и экономики, другими словами, этот конфликт на первый взгляд кажется спором о морских пространствах и некоторых островах, но на самом деле он образует иерархию, очевидной главой которой являются морские и воздушные пространства и экономические зоны, но в ее основании скрываются конфликты, связанные с установлением гегемонии над Восточным Средиземноморьем и Эгейским морем в рамках видения каждой страной своей региональной роли. Эгейское море имеет геостратегическое значение для обеих стран, поскольку оно является частью Средиземного моря и полузамкнутой морской акваторией между ними, граничащим на севере и западе с Балканским полуостровом, на востоке с Анатолийским плато и на юге с островом Крит. Это море образует базовый коридор, соединяющий Средиземное море с Черным морем через Босфор и Дарданеллы, и, таким образом, приобретает такое же значение, как и эти два пролива, что, в свою очередь, дает Греции преимущество, аналогичное Турции, с точки зрения контроля перевозок из Средиземного моря в Черное и наоборот. В глобальном масштабе Эгейское море считается одним из важнейших морских центров, поскольку оно расположено посередине трех континентов и облегчает сообщение между ними и оказывает большое влияние на черноморские страны

¹⁸⁷ Loengarov, A. Between Maritime Law and Politics in the East Mediterranean // The Washington Institute for Near East Policy. 2022. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/between-maritime-law-and-politics-east-mediterranean>

как единственный морской порт для связи с внешним миром, а также является центром каналы геополитического и геоэкономического взаимодействия между балканскими странами и Ближним Востоком¹⁸⁸. Что отличает это море, так это острова в нем, число которых исчисляется сотнями. Геополитическое значение этих островов определяется их расположением и распределением, что делает контроль над ними контролем над Эгейским морем в целом. В настоящее время Греция контролирует большую часть этих островов, а территориальные воды между ней и Турцией распределяются по принципу шестимильности, где Греция занимает 35%, Турция 8,8%, а остальные 56,2% являются международными водами. Греция требует расширить свои территориальные воды до 12 миль в соответствии с Конвенцией Монтего-Бей, и это изменит пропорции контроля следующим образом: Греция 63%, международные воды 26% и Турция 10%¹⁸⁹. Если мы посмотрим на этот вариант, то увидим, что процент приобретения увеличится не только для Греции, но и для Турции, и то, что в настоящее время оспаривается - это международные воды. В любом случае, Турция отвергает эту меру и считает ее поводом для войны между ней и Грецией по двум основным причинам: первая заключается в том, что реализация этой меры заставит движение судов между турецкими портами требовать разрешения Греции, а вторая причина заключается в том, что большая часть турецкого торгового движения с внешним миром будет проходить через греческие воды, и это считается стратегической блокадой Турции, если она осуществится. Некоторые считают, что претензии Греции на расширение территориального моря до 12 миль являются не чем иным, как поднятием потолка требований для любых возможных переговоров с Турцией, поскольку представляют собой карту, от которой можно отказаться и в

¹⁸⁸ CYPRUS AND AEGEAN. GEOPOLITICAL OUTLOOK OF TURKEY: "TURKEY'S STRATEGIC DEPTH". Excerpts from Turkish Prime Minister Ahmet Davutoglu's book // [Электронный ресурс] URL: <https://piotita.gr/2016/01/24/%CE%BA%CF%85%CF%80%CF%81%CE%BF%CF%83-%CE%BA%CE%B1%CE%B9-%CE%B1%CE%B9%CE%B3%CE%B1%CE%B9%CE%BF-%CE%B3%CE%B5%CF%89%CF%80%CE%BF%CE%BB%CE%B9%CF%84%CE%B9%CE%BA%CE%B7-%CE%BF%CF%80%CF%84%CE%B9%CE%BA%CE%B7/> (дата обращения: 22.03.2023)

¹⁸⁹ Papadakis K. The Greece-Turkey dispute in the Aegean and the ICJ sea border delimitation case of UkraineRomania: similarities and differences in a comparative perspective // *European Quarterly of Political Attitudes and*

Mentalities. 2018. 7(3). 36-46. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-58357-2>

то же время использовать в качестве реакции на турецкие ревизионистские претензии. Фактически, греческие претензии можно рассматривать как сокрытие амбиций на почти полное господство в Эгейском море. С другой стороны, есть несколько фактов, которые заставляют нас думать, что Турция не только претендует на акваторию вокруг Восточно-Эгейских островов, но и распространяет свои требования на снятие греческого суверенитета с них. Среди этих фактов мы упомянем требования Турции пересмотреть «серые зоны»¹⁹⁰ и требования, связанные с континентальным шельфом и исключительными экономическими зонами, в дополнение к непризнанию Турцией исключительной экономической зоны на острове Кастелоризо и к тому, что показывают карты «голубой родины», которые включают около 50% Эгейского моря, включая воды вокруг восточно-Эгейских островов, Додеканеса, восточного Крита и части Киклады¹⁹¹. Мы отмечаем здесь, что Турция стремится лишить греческий суверенитет этих островов по объективной причине, которая заключается в том, что невозможно установить контроль над этими районами, не контролируя эти острова.

С момента подписания Лозаннского договора и до последнего периода восточно-Эгейские острова не были предметом серьезных споров, и тема их принадлежности четко не затрагивалась. Это предложение начало появляться одновременно с развитием турецкой политики в отношении Средиземноморья в результате растущего избытка турецкой мощи и принятия османской идеологии в качестве ориентира во внешней политике вместо западной ориентации, и, как мы объясняли ранее, эта идеология появилась как реакция на неприятие Запада о вступлении Турции в ЕС и желание иметь сильные стороны в регионе, с помощью которых Турция смогла бы влиять на ЕС. В этом контексте Турция считает, что ее доминирование над Эгейским морем, которое имеет большое геостратегическое значение для ЕС как точка соприкосновения с Ближним Востоком, Восточным

¹⁹⁰ Серые зоны - группа островов, которые прямо не упоминаются в международных договорах.

¹⁹¹ The "Mavi Vatan" (Blue Homeland) as Turkey's official doctrine // Hellenic Republic - Ministry of Foreign Affairs. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/images/docs/maps/en/map8.pdf> (дата обращения: 25.02.2023)

Средиземноморьем и Черным морем, может повысить ее геостратегическую ценность и предоставить ей большие преимущества для влияния на политику ЕС, поэтому она стремится контролировать эти острова в качестве предпосылки для господства над Эгейским морем. Из контекста этой стратегии мы можем понять настойчивость президента Турции Эрдогана на открытии Стамбульского канала в качестве транзитного канала, параллельного проливам Босфор и Дарданеллы и не подпадающего под действие международных соглашений, хотя некоторые турецкие силы выступают против этого проекта. С другой стороны, хотя многие аналитики ограничивают принятие Эрдоганом доктрины «Голубой родины» внутренними мотивами укрепления своей власти посредством союза с националистами, мы считаем, что принятие этой доктрины согласуется с геополитическими изменениями в регионе, которые мы обсуждали ранее в этом исследовании, и пришли к выводу, что одной из тенденций, определяющих важность региона на данный момент, является рассмотрение его как перспективного элемента в глобальных цепочках поставок товаров, услуг, энергоресурсов и сырья, отвечающих экономическим потребностям и интересам стран. Таким образом, контроль Турции над тремя прилегающими морями позволит ей соединить их с Каспийским морем, Красным морем и Персидским заливом, что позволит Турции играть важную роль в обеспечении транзитного перемещения товаров и услуг между тремя континентами. Фактически, Греция проводит политику, параллельную турецкой политике в Средиземноморском регионе, и одним из ее важнейших приоритетов является энергетика и обеспечение морских торговых переходов, и она также является острием политики ЕС в регионе, поэтому она считает, что ее дальнейшее владение этими островами в дополнение к расширению своих территориальных вод до 12 миль гарантирует ей почти полный контроль над Эгейским морем. Из вышеизложенного можно сказать, что обострение спора в Эгейском море и постановка вопроса о принадлежности восточно-Эгейских островов между Грецией и Турцией на данном этапе в первую очередь обусловлена растущим значением Средиземного моря в глобальных стратегиях как транзитной зоны для «глобальных цепочек

поставок» и развитием турецкого и греческого видения региона, с целью максимально использовать преимущества, предоставляемые географическим положением двух стран и распределением этих островов, которое дает государству, которому принадлежат, возможность доминировать в Эгейском море. С другой стороны, восточно-Эгейские острова являются чрезвычайно важными военно-геостратегическими объектами для обеих стран в контексте конфликта и взаимных угроз между ними. С одной стороны, Турция считает, что контроль Греции над этими островами вблизи материковой части Турции дает Греции сильную точку для нападения на турецкую территорию в случае конфронтации, и, с другой стороны, Греция считает, что ее дальнейший контроль над этими островами необходим для предотвращения любого турецкого нападения на греческую территорию. Кроме того, Турция считает, что размещение греческих военных на этих островах влияет на баланс безопасности двух стран, в то время как Греция считает, что демилитаризация этих островов представляет угрозу для национальной безопасности Греции, учитывая различия в военных возможностях двух стран, которые склоняются в пользу Турции¹⁹². Греческие политические элиты и силы согласны с тем, что существует реальная опасность со стороны Турции, которая подкрепляется турецкой военной интервенцией на Кипре в 1974 г. и структурой распределения турецких вооруженных сил (например, присутствие 4-й турецкой армии в Измире, близ греко-турецкая граница), в дополнение к постоянным турецким угрозам войны, если Греция расширит свои территориальные воды до 12 морских миль. Фактически, сухопутные границы двух стран не допускают быстрого и решительного военного вторжения ни одной из них в случае нападения на вторую страну, если Турция захочет напасть на Грецию, она столкнется с проблемой, заключающейся в том, что столица Афины и греческие населенные пункты находятся далеко от границы и поэтому трудно отрезать линии снабжения и коммуникации от греческих сил, расположенных на

¹⁹² Gale A. Greece Vs Turkey: The Military Balance in the Aegean // GreekReporter. 26.11.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://greekreporter.com/2022/11/26/greece-turkey-military-balance-aegean/#:~:text=Turkey%20has%20a%20much%20larger,of%20220%2C500%20personnel%20versus%20200%2C000>. (дата обращения: 25.02.2023)

границе с Турцией, что, в свою очередь, препятствует быстрой и решительной победе, а что касается Греции, то, хотя Стамбул является геополитическим ядром Турции и находится недалеко от фракийских сухопутных границ, концентрация турецких войск в этом регионе, помимо плотности населения и застройки в нем, препятствует быстрому и решительному нападению на него¹⁹³. Конечно, здесь мы предполагаем, что любое сражение между двумя странами требует быстрого разрешения по главной причине того, что НАТО и ЕС быстро вмешаются, чтобы остановить любую войну, которая возникнет между двумя странами, кроме того, любая сухопутная война на греко-турецких сухопутных границах приведет к нарушению пролива Босфор и Дарданеллы и, таким образом, перекрыть поставки между Черным морем и Средиземным, а этого не приемлют причерноморские страны, особенно Россия, а также западные страны, включая Америку, из-за присутствия ее военно-морских частей в Черном море, что позволяет нам сказать, что затяжная война между Турцией и Грецией на данный момент невысказана. Исходя из вышесказанного, Эгейское море остается уязвимым районом, который может стать полем для любой будущей конфронтации, поскольку его восточные острова дают Греции преимущество для нападения на материковую часть Турции, а с другой стороны, контроль Турции над этими островами дает ей оборонительное и наступательное преимущество против Греции. Однако военное противостояние в Эгейском море требует оперативности для того, чтобы это море не превратилось в зону военных действий, нарушающих транзитное движение в нем. Здесь следует отметить, что согласно международным соглашениям, особенно Лозаннскому договору, восточно-Эгейские острова должны оставаться безоружными, поэтому Турция обвиняет Грецию в нарушении соглашений и вооружении этих островов и использует это как предлог для пересмотра вопроса о суверенитете над этими островами, что подтверждается заявлением президента

¹⁹³ Dokos T., Tocci N., Palm A., Kasapoğlu C. Greek-Turkish Relations and the Cyprus dispute: impact on Turkey-EU scenarios // FEUTURE Online Paper No. 27. 2018.

Турции: «Ваша оккупация наших островов нам не нужна»¹⁹⁴, в дополнение к неоднократным заявлениям других официальных лиц. Здесь следует отметить, что в случае войны Греция не сможет быстро и легко перебрасывать воинские части на острова, как это имеет место на ее материке, поэтому считает наличие на островах некоторых вооруженных частей может помочь отразить любое внезапное турецкое нападение, и действительно, Турция не скрывает своих планов и намерений нанести внезапный удар, поскольку турецкий президент всегда заявляет, что «мы можем прийти в любой день врасплох»¹⁹⁵, имея в виду, что любая предстоящая война будет внезапной и быстрой. Если мы примем во внимание близость этих островов к материковой части Турции, в дополнение к большому военному потенциалу Турции, мы обнаружим, что вооружение этих островов Грецией, вероятно, не будет иметь большого значения для предотвращения их оккупации турецкой армией, и лучшим решением является присутствие международных сил или сил НАТО на этих островах, чтобы обеспечить ненападение ни одной из сторон.

В любом случае, характер географических границ двух стран и геостратегическое значение пограничной зоны между ними как зоны соприкосновения двух морей, которая не может быть закрыта, а также членство двух стран в НАТО и присутствие Греции в ЕС - все это факты заставляют нас полагать, что длительная война между Грецией и Турцией невозможна и что любая конфронтация между ними будет быстрой и решительной и исключительно на море.

¹⁹⁴ "بعد تهديده اليونان بدفع "ثمن باهظ".. الاتحاد الأوروبي قلق من تصريحات أردوغان ويصفها "بالعدائية" // Aljazeera. 05.09.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.net/news/2022/9/5/%D8%A8%D8%B9%D8%AF-%D8%AA%D9%87%D8%AF%D9%8A%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%88%D9%86%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%AF%D9%81%D8%B9-%D8%AB%D9%85%D9%86-%D8%A8%D8%A7%D9%87%D8%B8> (дата обращения: 21.02.2023)

¹⁹⁵ Ibid.

Энергетическая безопасность и газовая война между двумя странами

В настоящее время энергетика занимает видное место в международных отношениях как основной двигатель экономики. Международное энергетическое агентство определяет энергетическую безопасность как бесперебойная доступность источников энергии по доступной цене¹⁹⁶. Из этого определения ясно, что с точки зрения стран-потребителей, но для стран-производителей энергетическая безопасность заключается в обеспечении стабильной среды для инвестиций и добычи энергии, в дополнение к обеспечению безопасности линий транспортировки энергии и поиску разнообразных рынков для обеспечения продолжения процесса продаж. Страны-производители работают над повышением цен на энергию за счет сокращения производства, что обеспечивает финансовые выгоды и избыточную мощь, которая позволяет этим странам расти, расширяться и реализовывать свои стратегии, что создает влиятельную связь между энергетической безопасностью и национальной безопасностью государства. Действительно, энергетическая безопасность стала одним из важнейших компонентов национальной безопасности, будь то для стран-производителей или стран-потребителей, а защита производственных площадок и линий транспортировки энергии стала равнозначной защите государственных земель, можно даже сказать, что растущая потребность в энергии для удовлетворения потребностей глобального роста превратила международный конфликт из конкуренции за землю в конфликт и конкуренцию за энергию, или, другими словами, что глобальные конфликты стали концентрироваться в областях, которые способствуют производству или транспортировке энергии. Следует отметить, что с начала 1980-х гг. энергетическая безопасность стала милитаризованной и возникла угроза применения жесткой силы для стабилизации газо- и нефтедобывающих регионов. Примером этого может служить принцип президента США Джимми Картера в 1980 г. в его ответе на советское вторжение в Афганистан, когда он заявил, что США будут использовать любые необходимые

¹⁹⁶ IEA (International Energy Agency). "Energy Security" IEA Energy Technology Systems Analysis Programme. Paris. 2014. <http://www.iea.org/topics/energysecurity/>

средства, включая военную силу, для защиты своих жизненно важных интересов в регионе Персидского залива. В этом контексте множество стратегических исследований и прогнозных отчетов подтвердили, что международный конфликт будет сосредоточен на энергетике, например, исследователь Ричард Ульман, профессор международных отношений Принстонского университета, подтвердил, что растущий спрос на энергию приведет к большему количеству конфликтов в будущем, и эти конфликты будут в форме острых военных противостояний а не продолжительных войн и будут происходить между соседними странами¹⁹⁷. Мы согласны с этой точкой зрения, поскольку угроза энергетической безопасности любой страны парализует ее и ограничивает возможности ее внешней политики, поскольку она представляет угрозу ее национальной безопасности. Это касается не только стран-потребителей, поскольку страны-экспортеры также не могут мириться с какой-либо агрессией в отношении мест их производства энергии или путей транспортировки, поскольку это представляет собой посягательство на их национальный доход и экономику. Следует отметить, что такие противостояния не будут длительными, потому что инвестиции в энергию и крайняя потребность в ней требуют, чтобы войны, которые ведутся за нее, были короткими. Исходя из вышесказанного, можно сказать, что энергетическая безопасность стала на первое место среди приоритетов стран и их стратегий, а иногда и опережает традиционные соображения и приоритеты, такие как защита границ и утверждение национального суверенитета, и если энергетическая безопасность сочетается с военными императивами и геополитическими соображениями, конфликт становится более сложным и с большей вероятностью может взорваться и перейти к военным решениям.

В 2010 г. Геологическая служба США опубликовала исследование, в котором говорится, что восточное Средиземноморье обладает огромными запасами нефти и природного газа, которые оцениваются в 122 трлн кубических футов природного

¹⁹⁷ Ullman R. Redefining Security // International Security. 1983. Vol. 8, № 1. pp. 129-153. https://is.muni.cz/el/1423/jaro2017/BSS177/um/Ullman_Redefining_Security.pdf

газа и 1,7 млрд баррелей запасов нефти, распределенных по окраинам региона (Турция, Кипр, Израиль, Египет, Сирия, Греция и Ливан) следующим образом¹⁹⁸:

а. Месторождение «Gaza Marine»: открыто британской компанией British Gas в 2000 г., и объем запасов природного газа на нем оценивается в 1,2 трлн кубических футов. Оно расположено в территориальных водах сектора Газа и находится в 35 км от побережья.

б. Месторождение «Tamar»: открыто в 2009 г., оно расположено в 90 км от побережья недалеко от Хайфы, его запасы оцениваются в 10 трлн кубических футов природного газа.

в. Месторождение «Tapin»: оно расположено к западу от Хайфы, примерно в 120 км от побережья и содержит запасы природного газа, оцениваемые в 1,2 трлн кубических футов.

г. Месторождение «Leviathan»: оно находится в 130 км от побережья, недалеко от порта Хайфы, и было открыто в 2010 г. По оценкам, оно содержит запасы природного газа, оцениваемые примерно в 18 трлн кубических футов.

д. Месторождение «Aphrodite»: расположено к юго-востоку от острова Кипр на кипрском Блоке 12 и было открыто американской компанией Noble Energy в 2011 г. Объем запасов природного газа в нем оценивается в 127,4 млрд кубометров.

е. Месторождение «Calypso»: открыто итальянской компанией ENI и французской Total на кипрском Блоке 6. Запасы природного газа в нем оцениваются в 6-8 трлн кубических футов.

¹⁹⁸ Abu Al-Rous E. هل تحركات تركيا الخارجية "أيديولوجية" أم "جيوسياسية"? // Arabi21. 04.12.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://arabi21.com/story/1319546/%D9%87%D9%84-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%D9%83%D8%A7%D8%AA-%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A7-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B1%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%A3%D9%8A%D8%AF%D9%8A%D9%88%D9%84%D9%88%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%A3%D9%85-%D8%AC%D9%8A%D9%88%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D9%8A%D8%A9> (дата обращения: 21.03.2023)

ж. Месторождение «Zohr»: оно находится в 150 км от побережья Египта и имеет запасы природного газа в 30 трлн кубических футов, а также является крупнейшим месторождением природного газа в Египте и Средиземноморье.

з. Месторождение «Atoll»: расположено в морской концессии в Северной Дамьетте, и предполагаемый объем запасов составляет 1,5 трлн кубических футов природного газа.

Ввиду этого большого богатства и огромной финансовой отдачи, которую оно может принести странам Восточного Средиземноморья, в дополнение к потребностям, вызванным его инвестициями (добыча, производство и транспортировка) в плане сотрудничества и координации между странами, граничащими с Восточным Средиземноморьем из-за распределения этих месторождений и их перекрытия, многие ожидали, что эти открытия окажут положительное влияние на решение проблем региона и достижение стабильности, особенно между Турцией и Грецией. Однако до настоящего момента конфликт между двумя странами все еще принимает восходящий оборот из-за неспособности найти удовлетворительный для обеих сторон консенсус по делимитации границ и исключительных экономических зон. Фактически, эти открытия усилили стремление двух стран доминировать в регионе поскольку географическое положение Турции и Греции имеет решающее значение для каждой страны, которая может извлечь выгоду из этих запасов, будь то страны-производители или страны-импортеры (ЕС), учитывая, что оно представляет собой обязательный коридор для транспортировки нефти и газа между восточным Средиземноморьем и Европой, а это, в свою очередь, вводит спорные районы между Грецией и Турцией в Эгейском море и восточном Средиземноморье в более крупные и сложные геостратегические расчеты. Говоря о турецкой и греческой стратегиях в сфере энергетики, можно сказать, что обе страны являются потребителями энергии и страдают от нехватки ресурсов. Для Турции энергетическое досье представляет собой сложный вопрос, поскольку она является развивающейся региональной страной с региональными и глобальными амбициями, в которой промышленность составляет значительную долю

национального продукта в дополнение к большому населению. Импорт сырой нефти Турцией увеличился с 2,043 млн тонн в декабре 2020 г. до 3,75 млн тонн в декабре 2022 г. Аналогичным образом импорт природного газа увеличился с 76260 тераджоулей в июне 2020 г. до 256 824 тераджоулей в январе 2022 г.¹⁹⁹. Это увеличение способствовало спаду турецкой экономики и дефициту бюджета. С другой стороны, часть турецкого импорта поступает из Ирана и России, и эти страны находятся в постоянной конкуренции с Турцией за влияние в нескольких регионах, несмотря на это, Турции долгое время удавалось поддерживать сбалансированные отношения с ними. На наш взгляд, потребность Турции в энергии, с одной стороны, и потребность России и Ирана в получении выгоды от турецкого энергетического рынка, были одной из причин установления этих сбалансированных отношений и одновременно фактором их успеха. В результате, эта энергетическая реальность заставила Турцию поставить энергетику на первое место среди своих приоритетов, и мы можем обобщить ее стратегии в этой области по четырем пунктам: 1- диверсификация источников импорта энергии, 2- опора на альтернативные источники энергии, 3- разведка газа в восточном Средиземноморье и Черном море, 4- работа по превращению Турции в центр транзита энергоносителей.

По сути, геостратегическое положение Турции дает прекрасную возможность превратить ее в транзитный центр энергоносителей, так как она считается обязательной площадкой для пересечения газопроводов, идущих из Каспийского моря и Средней Азии, в дополнение к идущих из Арабской Азии, Ирана и Северной Африки. Турция объявляет о нескольких целях в контексте доктрины «Голубая родина», включая усиление своего влияния в восточном Средиземноморье с целью предотвращения любых инвестиций в энергию, в которых она не имеет львиной доли, сохранение сильного присутствия в Ливии,

¹⁹⁹ Turkey Natural Gas Imports // TRADING ECONOMICS. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/natural-gas-imports> (дата обращения: 23.03.2023); Sagatay G. Türkiye's oil imports down 6.81% in December 2022 // Anadolu Agency. 27.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/finance/turkiyes-oil-imports-down-681-in-december-2022/37597> (дата обращения: 23.03.2023); Turkey Crude Oil Imports (I:TCOI) // YCHARTS. [Электронный ресурс] URL: https://ycharts.com/indicators/turkey_crude_oil_imports (дата обращения: 23.03.2023)

которая является важным источником энергии для Европы, в дополнение к доминированию над торговыми коридорами в Красном, Восточном Средиземноморье и Эгейском море. Если Турция сможет достичь этих целей, европейская энергетическая безопасность будет в ее руках. Из турецкой политики видно, что Турция стремится играть роль, аналогичную той, которую играет Россия в энергетическом досье с Европой, или можно сказать, что Турция стала партнером России в контроле над европейским газовым краном, а на наш взгляд, одной из важнейших целей, объединяющих две страны, является покорение Европы.

Что касается Греции, то она страдает до сих пор от больших расходов из-за импорта энергоресурсов, помимо дефицита поставок, вызванного СВО на Украине из-за санкций, введенных ЕС в отношении России. Министерство иностранных дел Греции признает важность вопросов международной энергетической политики в XXI в. и считает разработку энергетической политики первоочередной задачей для Греции, поэтому в настоящее время основное внимание уделяется инфраструктуре газопроводов и нефтепроводов, терминалов сжиженного природного газа (СПГ) и электросетей, и действительно, в последние годы Греция вложила значительные средства в инфраструктуру природного газа и СПГ. У Греции есть один СПГ-терминал Ревитусса, с объемом хранения 225000 кубометров и мощностью регазификации 1400 кубометров в час. Этот терминал считается одним из важных энергетических активов Греции, и он сыграл важную роль в поставках газа в Грецию и балканские страны после СВО на Украине²⁰⁰. В мае 2022 г. состоялась официальная церемония начала строительства плавучего терминала СПГ «FSRU» в Александруполисе в присутствии премьер-министра Греции Кириакоса Мицотакиса и премьер-министра Болгарии Кирилла Петкова²⁰¹. Строительство и эксплуатация этой станции повысит стратегическую роль Греции

²⁰⁰ Koutantou A. Greece's sole LNG terminal ramps up imports to replace Russian gas // REUTERS. 23.09.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/business/energy/greeces-sole-lng-terminal-ramps-up-imports-replace-russian-gas-2022-09-23/> (дата обращения: 24.03.2023)

²⁰¹ В Греции прошла церемония закладки плавучей станции для хранения СПГ из США // ИА Красная Весна. 03.05.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f813f662> (дата обращения: 24.03.2023)

как энергетического центра в Юго-Восточной Европе, что укрепит энергетическую безопасность в регионе, особенно в сложных условиях. Кроме того, этот проект повысит стратегическое значение Александруполиса и будет стимулировать местную экономику и возможности трудоустройства. Есть также несколько других важных проектов в области энергетики, в том числе:

- Проект «EuroAfrica Interconnector» представляет собой электрическую магистраль мощностью 2000 мегаватт, соединяющую электросети между Египтом, Кипром и Грецией посредством подводного кабеля протяженностью 1396 км, планируется завершить в декабре 2023 г.²⁰².
- Проект «EuroAsia Interconnector», который обеспечит электрическое соединение между Израилем, Кипром и Грецией, будет иметь пропускную способность 2000 мегаватт и в настоящее время находится в стадии реализации и, как ожидается, будет введен в эксплуатацию в декабре 2025 г.²⁰³.
- Проект «EastMed» – это трубопроводный проект по транспортировке природного газа из бассейна Леванта в Грецию через Кипр, а затем по трубопроводам Poseidon и IGB в Италию и другие европейские страны. Первоначально этот проект был поддержан США, но в январе 2022 г. они отозвали эту поддержку. Однако из-за украинского кризиса EastMed вновь стал проектом, который обсуждается между заинтересованными странами²⁰⁴.

В целом, энергетическая безопасность занимает первое место в стратегиях Греции и Турции, поскольку две страны страдают от постоянной и растущей потребности в энергии и вытекающих из этого расходов, которые нагружают экономику двух стран, в дополнение к опасениям перебоев в поставках. Две страны действуют с аналогичной стратегией с точки зрения диверсификации

²⁰² EuroAfrica at a glance // EuroAfrica Interconnector. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euroafrica-interconnector.com/at-glance/> (дата обращения: 24.03.2023)

²⁰³ EuroAsia at a glance // EuroAsia interconnector. [Электронный ресурс] URL: <https://euroasia-interconnector.com/at-glance/> (дата обращения: 24.03.2023)

²⁰⁴ Michalopoulos S. Ukraine war revives EastMed gas pipe talks but EU insists on feasibility // EURACTIV and EURACTIV Greece. 05.04.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/ukraine-war-revives-eastmed-gas-pipe-talks-but-eu-insists-on-feasibility/> (дата обращения: 28.03.2023)

источников энергии и источников поставок, в дополнение к работе по преобразованию национальной географии в транзитный центр и инвестированию в инфраструктуру для развития передачи энергии из стран-производителей в Европу. Самое главное, что две страны стремятся ускорить процесс разведки в Эгейском море и восточном Средиземноморье, и это усугубит конфликт из-за разногласий по поводу морских границ. С другой стороны, ориентация двух стран в этой области может открыть большие перспективы для сотрудничества и координации в рамках теории взаимной зависимости между ними, поскольку расположение двух стран по соседству друг с другом налагает единство торговых путей и линий транспортировки энергии. Примером тому является соглашение о создании совместного газового центра между Грецией и Турцией, которое было заключено на саммите по энергетике и экономике Атлантического совета, состоявшемся в ноябре 2015 г. Профессор Костас Андриосопулос, заместитель председателя совета директоров Государственной газовой корпорации Греции (DEPA), сказал: «Я вижу потенциально новые объемы газа, поступающие в Европу через Турцию. Турция является крупной страной транзита из-за своего расположения и близости к большинству крупнейших существующих и потенциально новых поставщиков газа... .Возможен совместный газовый хаб на границе, поскольку в дополнение к любым новым транзитным объемам газа уже существует двусторонний интерконнектор между Грецией и Турцией»²⁰⁵. На самом деле сотрудничество между Турцией и Грецией в области передачи энергии выгодно не только для двух стран, но и для стран-экспортеров из Центральной Азии, Восточного Средиземноморья, Ближнего Востока, России, с одной стороны, и для Европы - с другой. Тем не менее, разногласия по поводу границ и геополитическая конкуренция между двумя странами остаются камнем преткновения в развитии этого сотрудничества. В заключение можно сделать вывод, что включение нового энергетического досье в повестку дня Греции и

²⁰⁵ GREEK-TURKISH GAS COOPERATION. Atlantic Council – Energy and Economic Summit. Istanbul, Turkey – November 18 - 20, 2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.iaee.org/documents/2015/Joint_Hub_GKrev_KAGK.pdf (дата обращения: 28.03.2023)

Турции стимулировало конфликт и в то же время поощряло сотрудничество между двумя странами, поскольку энергетическая сфера обладает потенциалом для облегчения переговоров и снижения напряженности в случае конфликта, в то же время, если конфликты обостряются, энергетика может стать важным фактором их обострения из-за схожих подходов Турции и Греции в управлении этим файлом. Кроме того, учитывая неотложный характер споров, связанных с энергетикой, стороны должны реагировать на них быстро и решительно, что укрепляет наше убеждение в том, что длительная война между Грецией и Турцией маловероятна.

Попытка внести поправки в Лозаннский договор и война карт

В последнее время было много разговоров о намерении Турции в одностороннем порядке аннулировать Лозаннский договор в 2023 г., учитывая, что с момента его подписания прошло сто лет, хотя с юридической точки зрения в договоре нет пункта, указывающего на то, что срок его действия составляет 100 лет²⁰⁶. Отметим, что это время совпадает с датой, продвигаемой Эрдоганом под названием «Vision 2023». Независимо от того, объявит ли Турция об официальной отмене этого договора, отслеживание тенденций турецкой политики в последнее время ясно указывает на то, что Турция больше не придерживается границ этого договора и что у нее есть намерения изменить свои границы и расшириться за счет своих соседей, примером этому является присутствие турецких сил на севере Сирии и Ирака под предлогом борьбы с вооруженными курдскими организациями и недопущения образования курдского государства на турецких границах. Лозаннский договор обеспечил независимость Турции, но определил пределы турецких политических, географических и геополитических действий в региональной сфере Турции. В результате этого договора все восточно-Эгейские острова остались под греческим и итальянским контролем, но события Второй мировой войны и неучастие в ней Турции, в дополнение к ее неучастию в Парижском договоре 1947 г., который регулирует статус побежденной в войне

²⁰⁶ Bervari D. End of Lausanne Treaty, Truth or Myth? // ME-T Journal. 19.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.me-t.org/journal/en/issues-unraveled/End-of-Lausanne-Treaty-Truth-or-Myth> (дата обращения: 28.03.2023)

Италии, заставили Италию уступить острова, находившиеся под ее контролем, Греции²⁰⁷. География распределения восточно-Эгейских островов создает проблему, поскольку они находятся в сотнях километров от материковой части Греции и в нескольких километрах от берегов Турции, и Турция часто полагается на это как на нелогичную основу для греческого контроля. В прошлом, вопрос островов не был большой проблемой для Турции по той простой причине, что не было возможности обнаружить морские ресурсы, но развитие новых технологий, связанных с разведкой и бурением, и стремление многих стран расширить свои морские зоны в шестидесятые и семидесятые годы привели к разрыву стабильности, установленной Лозаннским договором примерно на полвека. Кроме того, Турция определяла важность морских зон только с точки зрения транзита и безопасности, и у нее не было избытка власти, который позволял бы ей расширяться и навязывать свои условия, скорее, внимание политических элит было сосредоточено на внутреннем конфликте и на том, как вестернизировать Турцию, но с изменением турецкой идеологии и достижением избытка военной и экономической мощи, границы Лозаннского договора стали сужаться для нынешних турецких элит. Действительно, из турецкой практики и заявлений кажется очевидным, что Турция стремится не признавать границы этого договора, предоставляющего Греции суверенитет над архипелагом островов вблизи турецкого побережья. Кроме того, нельзя не отметить шаг Метина Глонка, члена турецкого парламента от АКР, опубликовавшего карту «Великой Турции», которая поразительно включает в себя части арабских и европейских стран, обширные районы северной Греции, восточно-Эгейские острова, половину Болгарии, Кипр, Армению, помимо больших территорий Грузии, Ирака и Сирии, в рамках того, что он назвал началом проекта нового государства Турции к 2050 г. от Ближнего

²⁰⁷ كيف استولت اليونان على جزر بحر إيجه وشرقي المتوسط؟ // TRT. 01.09.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trtarabi.com/issues/%D9%83%D9%8A%D9%81-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D9%88%D9%84%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%88%D9%86%D8%A7%D9%86-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%AC%D8%B2%D8%B1-%D8%A8%D8%AD%D8%B1-%D8%A5%D9%8A%D8%AC%D8%A9-%D9%88%D8%B4%D8%B1%D9%82%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D9%88%D8%B3%D8%B7-3421299> (дата обращения: 01.03.2023)

Востока до Центральной Азии и Европы²⁰⁸. Похоже, что президент Турции Эрдоган поддерживает эти проекты расширения и работает над ними, учитывая, что его амбиции не ограничиваются большой региональной ролью Турции, но и он стремится к глобальной роли, и это очевидно из того, что он выдвинул лозунг: «Мир больше, чем пять»²⁰⁹. С другой стороны, декларируя свои морские права, Греция часто опирается на «карту Севильи», подготовленную Университетом Севильи в 2003 г. и определяющую морские границы Греции в соответствии с Конвенцией Монтего-Бей²¹⁰. Турция считает, что эта карта является заговором, возглавляемым ЕС и США, с целью удержать Турцию подальше от Восточного Средиземноморья и Эгейского моря и заблокировать ее в пределах своих территориальных вод, хотя ЕС и США сочли эту карту необязательной, но Турция использует ее как предлог для рекламы угрозы Греции своей национальной безопасности²¹¹. На самом деле, явное стремление Турции выйти из Лозаннского договора подталкивает Грецию к еще большему ужесточению своих позиций в отношении демаркации морских границ в соответствии с ее видением, а также вызывает озабоченность всех стран, окружающих Турцию, особенно Сирии и

²⁰⁸ Hasan S. نظام أردوغان ينشر خريطة أطماعه.. من الشرق الأوسط إلى آسيا الوسطى وأوروبا // ALBAATH Newspaper. 13.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <http://newspaper.albaathmedia.sy/2021/02/13/%d9%86%d8%b8%d8%a7%d9%85-%d8%a3%d8%b1%d8%af%d9%88%d8%ba%d8%a7%d9%86-%d9%8a%d9%86%d8%b4%d8%b1-%d8%ae%d8%b1%d9%8a%d8%b7%d8%a9-%d8%a3%d8%b7%d9%85%d8%a7%d8%b9%d9%87-%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b4%d8%b1/> (дата обращения: 05.03.2023)

²⁰⁹ أردوغان: نقول بصوت أعلى إن العالم أكبر من خمسة // Anadolu Agency. 20.12.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/ar/%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A/%D8%A3%D8%B1%D8%AF%D9%88%D8%BA%D8%A7%D9%86-%D9%86%D9%82%D9%88%D9%84-%D8%A8%D8%B5%D9%88%D8%AA%D9%8D-%D8%A3%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A5%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%84%D9%85-%D8%A3%D9%83%D8%A8%D8%B1-%D9%85%D9%86-%D8%AE%D9%85%D8%B3%D8%A9/1677857> (дата обращения: 15.03.2023)

²¹⁰ Cetin S. Seville maritime territory map is illegitimate: Expert // Anadolu Agency. 24.09.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/seville-maritime-territory-map-is-illegitimate-expert/1983193> (дата обращения: 15.03.2023)

²¹¹ Al-Rifai M. الصراعات المتعددة والمكاسب الاستراتيجية.. تركيا // THE NEW ARAB. 30.11.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A7-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%B1%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D8%B9%D8%AF%D9%91%D8%AF%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%83%D8%A7%D8%B3%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9> (дата обращения: 04.03.2023)

Ирака. Правда, эти карты, опубликованные обеими странами, могут не иметь практической ценности, но их публикация усиливает отсутствие доверия, которого изначально не существовало между двумя сторонами и делает решения невозможными. Кроме того, представление этих карт общественному мнению в обеих странах создает иллюзорное представление этих обществ о границах их стран и, следовательно, ставит под угрозу любое будущее взаимопонимание между правительствами двух стран из-за подъема народных групп или политических сил, которые используют эти карты в качестве документов, на которых основывается их внешняя политика.

Возможность отношений

С момента основания современного греческого государства греко-турецкие отношения были основаны на конфликте и напряженности, с некоторыми периодами относительного затишья, особенно после подписания Лозаннского договора и благодаря усилиям Кемаля Ататюрка и Элефтериоса Венизелоса²¹², которые были направлены на восстановление доверия между двумя странами. В то время политика Ататюрка была ясна, заключающаяся в вестернизации Турции и отходе от любых экспансионистских целей за пределами границ Турции, установленных Лозаннским договором. После этого этапа в отношения между двумя странами вернулась атмосфера напряженности из-за проблем Кипра и Эгейского моря, а затем греко-турецкие отношения вернулись к стадии сближения в начале 1999 г., после двух разрушительных землетрясений, произошедших как в Греции, так и в Турции, где позиции двух стран по отношению друг к другу были гуманными, удовлетворительными и преодолевающими разногласия, и в то время началась фаза, известная как «дипломатия землетрясений»²¹³, поскольку она заложила основу для фазы сближения на двустороннем уровне по трем осям:

²¹² Элефтериос Венизелос был греческим государственным деятелем, который несколько раз занимал пост премьер-министра Греции в период с 1910 по 1933 г. Он считается одной из самых важных фигур в современной истории Греции, сыграв ключевую роль в политическом и экономическом развитии страны.

²¹³ Koukis T., Kelman I., Ganapati N. Greece–Turkey disaster diplomacy from disaster risk reduction // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2016. P. 24-32. <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2016.03.004>.

1. Работа над развитием сотрудничества в низкой политике, т.е. в сферах, где две страны не спорят (таких как экономика, торговля, туризм, культура, гражданское общество и т.д.).

2. Работа над снижением военной напряженности и восстановлением доверия между двумя странами.

3. Проведение предварительных переговоров для достижения урегулирования спорных вопросов.

Хотя это сближение было приписано позициям двух стран по отношению друг к другу после землетрясений, которым они подверглись, реальным фактором, который помог снизить напряженность, был подход Турции к вступлению в ЕС и надежда Греции на то, что европеизация Турции решит все нерешенные вопросы между двумя странами. Важнейшим итогом этой фазы спокойствия и греко-турецкого сближения является открытие Совета сотрудничества высокого уровня во время визита Эрдогана в Афины в мае 2010 г., через который было подписано множество соглашений в области здравоохранения, иммиграции и морского транспорта²¹⁴. С 2002 г. между Турцией и Грецией состоялось более 60 раундов предварительных переговоров, целью которых было создание условий для справедливого, долгосрочного и всеобъемлющего решения, приемлемого для обеих сторон, для урегулирования их разногласий в Эгейском и Средиземном морях, и последний (60-й) раунд состоялся в начале марта 2016 г. в Афинах, прежде чем прерваться на 5 лет, а затем вернуться в январе 2021 г., также состоялись взаимные визиты официальных лиц двух сторон, последним из которых стал визит премьер-министра Греции Кириакоса Мицотакиса в Анкару в марте 2022 г.²¹⁵. Фактически, за последние полвека Афины и Анкара нашли способы разговаривать друг с другом, прекращать циклические кризисы и

²¹⁴ Relations between Türkiye and Greece // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-greece.en.mfa> (дата обращения: 15.03.2023)

²¹⁵ Tarhan M. Turkey, Greece to begin new round of exploratory talks // Anadolu Agency. 25.01.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-greece-to-begin-new-round-of-exploratory-talks/2121141>(дата обращения: 16.03.2023); Greek PM to meet President Erdogan in Turkey on March 13 // Reuters. 08.03.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/greek-pm-meet-turkish-president-erdogan-turkey-march-13-2022-03-08/> (дата обращения: 16.03.2023)

деэскалацию. Это наследие сегодня вселяет некоторую надежду, поскольку позиция Греции в отношении землетрясения, которое произошло в Турции 6 февраля 2023 г., и оказание помощи Турции возродили некоторую надежду на возрождение «дипломатии землетрясений», но с важным отличием заключается в том, что «дипломатия землетрясений», начавшаяся в 1999 г., была основана на западной ориентации Турции и ставке Греции на вступление Турции в ЕС в качестве основы для урегулирования их разногласий, но на данный момент невозможно предсказать направление турецкой внешней политики до выборов, которые состоятся в мае 2023 г., и выяснения направлений нового правительства.

На наш взгляд, есть много вещей, которые требуют от двух стран поддерживать дипломатическое общение и держать каналы диалога открытыми, в том числе: 1- нежелание двух стран вступать в открытую военную конфронтацию, никто не спорит с ее большими потерями для обеих сторон, 2- торгово-экономические отношения, поддерживаемые географической близостью, по-прежнему составляют один из финансовых активов экономик двух стран, 3- амбиции двух стран в области энергетики, особенно в том, что касается превращения национальной географии в транзитный маршрут для энергетических линий, 4- членство обеих из них в НАТО и членство Греции в ЕС, 5- всегда твердая американская позиция по предотвращению любого конфликта между двумя странами.

В заключение мы можем сказать, что Греция и Турция имеют большие региональные устремления, поскольку они признают, что Средиземноморский регион является геостратегическим регионом первостепенной важности. Каждая страна оценивает свою важность и будущую роль в регионе на основе своего контроля и влияния в четырех ключевых областях: торговые транзитные маршруты, энергетические ресурсы, национальная безопасность и политические и экономические отношения с соседними странами. Эволюция геостратегического взгляда Турции и Греции на Средиземноморье превратила спорные участки из простых географических точек, имеющих экономические последствия и последствия для безопасности, в ключевые геостратегические зоны, которые

формируют их региональные восприятия. Эта тенденция, вероятно, усугубит напряженность между двумя странами и укрепит их позиции, но маловероятно, что между ними произойдет сухопутное военное противостояние; любое такое противостояние будет коротким и решительным и ограничится только военно-морскими операциями.

2.4. Кипрский вопрос в отношениях Греции и Турции

Кипр является третьим по величине островом в Средиземном море, его население делится на киприотов-греков (77%), киприотов-турок (18%) и других (5%). Остров характеризуется очень важным геостратегическим положением, что придавало ему большое значение в сфере торговли, морского транспорта и связи. Исторически остров находился под контролем многих держав и империй, правивших Средиземноморским регионом, последней из которых была османская, а затем британская власть²¹⁶. После обретения независимости между жителями острова возникли споры из-за желаний греческой общины присоединить Кипр к Греции (Энозис)²¹⁷, а киприоты-турки отказались сделать это на том основании, что Кипр не является греческим, что привело к серия внутренних войн между двумя общинами. В 1974 году турецкие силы установили свой контроль над северной частью острова в ответ на греческий военный переворот против президента Макариоса под предлогом защиты киприотов-турок и прекращения греческого расширения²¹⁸. Это турецкое вторжение привело к демографическим изменениям, поскольку киприоты-греки, жившие на севере, искали убежища на юге, а в свою очередь киприоты-турки искали убежища с юга на север²¹⁹. 15 июня 1983 г. Рауф Денкташ объявил о создании Республики Северный Кипр, и, соответственно, остров был разделен, что остается неизменным и по сей день. Часть, контролируемая Турцией, отделена от южной части буферной зоной,

²¹⁶ World Population Review. Cyprus - General Info. <https://worldpopulationreview.com/countries/cyprus-population>; Bowman J., Goult H. and Hunt D. "Cyprus". Encyclopedia Britannica. 2023. <https://www.britannica.com/place/Cyprus>. Accessed 19 February 2023.

²¹⁷ Энозис — это термин, используемый для описания политического движения на Кипре, которое стремится воссоединить остров под властью Греции. Концепция энозиса существует с XIX в., когда Османская империя все еще контролировала остров. Идея энозиса возродилась в 1950-х и 1960-х гг., когда для ее продвижения был создан ряд организаций. (Walker, A. M. (1984). Enosis in Cyprus: Dhali, a Case Study. Middle East Journal, 38(3), 474–494. <http://www.jstor.org/stable/4326858>)

²¹⁸ Reuters Staff. TIMELINE-Key events in Cyprus. 2008. Reuters. <https://www.reuters.com/article/uk-cyprus-talks-events/timeline-key-events-in-cyprus-idUKL2145987820080321>

²¹⁹ Greek Cypriot Properties. // Ministry of Foreign Affairs, Embassy of the Republic of Cyprus to the Hague. 10.02.2023. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.cy/mfa/Embassies/embassy_thehague.nsf/ecsww19_en/ecsww19_en?OpenDocument (дата обращения: 20.02.2023)

контролируемой ООН. Киприоты, турки и греки ведут переговоры уже более тридцати лет, но без какого-либо прогресса. Остров стал свидетелем многих событий и актов насилия с момента обретения независимости от Великобритании, но следует отметить, что с 2003 г. эти акты насилия прекратились, за исключением отдельных инцидентов, не имеющих значения, поэтому кипрский конфликт считается замороженным конфликтом. Несмотря на это, с течением времени разделение между двумя общинами в Кипре увеличивается, а шансы на воссоединение Кипра как единого государства уменьшаются по ряду причин, о которых мы упомянем ниже. Во-первых, экономический разрыв между двумя обществами после присоединения греческого Кипра к ЕС, где его экономика росла вверх благодаря гибкости коммерческих операций и свободе передвижения товаров, людей и денег в дополнение к туризму, в то время как Северный Кипр оставался изолированной от мира провинцией, зависящей в своей экономике только от Турции, и именно это привело к значительной разнице в уровне жизни между двумя общинами. Во-вторых, обострение этнических настроений и подъем националистических движений, которые часто стремятся повысить свою популярность, разжигая чувства по поводу реального или мнимого угнетения одной группы над другой, где каждая группа выступает в качестве жертвы, на самом деле, долгая история конфликтов и насилия, безусловно, создает благоприятную среду для этого. Нет сомнений в том, что тесные отношения между греческим Кипром и Грецией, с одной стороны, и Северным Кипром и Турцией, с другой стороны, в дополнение к турецкому военному присутствию на территории Северного Кипра, подпитывают это разделение между двумя общинами.

С момента обретения независимости и до настоящего момента Кипр был ключевым фактором в формулировании и становлении греко-турецких отношений. Независимо от социальных, этнических, исторических или религиозных связей, которые связывают Турцию и Грецию с Кипром, турецко-греческий конфликт на Кипре является геостратегическим соперничеством за контроль над самым важным островом в Средиземном море.

Кипр в турецкой стратегии

Отношения Турции с островом Кипр начались с XVI века, когда османы взяли остров под свой контроль во время правления Селима II. Распад Османской империи и создание Турецкой Республики после первой мировой войны привели к разрыву политических и правовых связей с тюркоязычными народами за пределами Турции, но в то же время Кемаль Ататюрк принял идеи этнического национализма, которые преобладали в то время, и основал новое государство как родина турок. Ататюрк принял принцип «Мир дома - мир во всем мире», означающий, что Турция отказывается от какой-либо ответственности по отношению к туркам за границей. Соответственно, турецкое правительство в течение нескольких десятилетий не желало иметь никаких отношений с кипрским конфликтом²²⁰. Однако, в 1950-х гг. с приходом к власти исламских партий, приездом на Кипр интеллектуалов и поднятием кипрского вопроса в турецком обществе, Кипр стал национальным вопросом. Этот вопрос стал более популярным в 1960-х гг., когда на Кипре происходили межконфессиональные распри, а в 1974 г. военная акция была встречена народным одобрением в Турции и стала «национальной гордостью». Отношения между Северным Кипром и Турцией продолжались через президента Кипра Рауфа Денкташа и турецких военных бюрократов, а Кипр продвигался как национальный вопрос и приоритет Турции. В начале XXI в. Турция находилась в процессе внутренних изменений, чтобы приблизиться к ЕС, где Партия справедливости и развития поддержала воссоединение Кипра под федеральным зонтиком в контексте так называемого плана Аннана в 2004 г., но потерпела неудачу из-за противодействия греческой Киприоты²²¹.

Отличие, которое мы можем четко заметить, заключается в том, что националистические силы в Турции рассматривают Кипр в первую очередь как

²²⁰ Turkish Foreign Policy During Ataturk's Era. // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-ataturks-era.en.mfa> (дата обращения: 21.02.2023)

²²¹ Dodd, C. (2010). The History and Politics of the Cyprus Conflict. Springer. <https://doi.org/10.1057/9780230275287>

национальный вопрос в дополнение к его геостратегическому значению, в то время как Партия справедливости и развития рассматривает его в первую очередь как геостратегический вопрос, тем более в начале своего правления, особенно когда Эрдогану удалось ослабить кемалистское влияние на армию, он работал над разрушением мифа о Кипре как о национальном вопросе, но когда он был вынужден вступить в союз с националистическими силами после 2016 г., Кипр вернулся к своему месту во внутренней политике Турции как национальный вопрос. С нашей точки зрения, мы считаем, что существуют дополнительные факторы, которые усилили важность Кипра с точки зрения геостратегической безопасности Турции, включая переход Турции от сосредоточения внимания на вступлении в ЕС к инвестированию в его стратегическую глубину, принятие доктрины Голубой Родины на правительственном уровне, работа над переопределением Турции как морская держава, в дополнение к открытиям нефти на восточном Кипре и в восточном Средиземноморье и растущим угрозам в результате нестабильности на южном берегу Средиземного моря. Это подтверждается заявлением Давутоглу о том, что, если бы на Кипре не было ни одного турка, кипрский вопрос остался бы, поскольку Турция не могла быть равнодушной к острову, расположенному в центре ее жизненно важного района²²².

Проведя всесторонний анализ политики сменявших друг друга правительств Турции, мы пришли к выводу, что Кипр был и остается по сей день главным приоритетом в турецких стратегиях в Средиземноморье. Действительно, можно сказать, что кипрский вопрос сформировал подход к развитию политики Турции в Средиземноморье. Этот подход был основан на основной идее о том, что Греция хочет окружить Турцию от острова Лемнос напротив пролива Дарданеллы до залива Искендерун, который до сих пор представляет собой комплекс безопасности Турции. Турция рассматривает Кипр как центр своих амбиций в восточном Средиземноморье, как с точки зрения расширения своей морской

²²² Ellis, R. Cyprus: A political graveyard revisited. 2022. Ahval. <https://ahvalnews.com/turkey-cyprus/cyprus-political-graveyard-revisited#>

мощи, так и в качестве точки силы в демаркации морских границ Турции с остальными средиземноморскими странами, а также последующего приобретения Турцией передовых позиций в составление энергетической карты восточного Средиземноморья. Давутоглу дал наилучшую оценку важности Кипра для Турции, поскольку он считает, что Кипр должен оставаться интегрированным в систему безопасности, навязанную Турцией с 1974 г., и это прекрасно служит той центральной роли, которую Давутоглу отводил Турции, и ее влиянию на евразийской шахматной доске. Давутоглу анализирует геополитическое положение острова в своей книге «Стратегическая глубина» следующим образом: Кипр занимает центральное положение среди континентов мира, находясь на равном расстоянии от Европы, Азии и Африки, а также занимает среднее положение между проливами Босфор и Дарданеллы, разделяющими Европу и Азию, и Суэцким каналом, разделяющим Азию и Африку. В военном отношении такое геостратегическое положение Кипра делает его стационарным авианосцем с видом на весь Ближний Восток. С коммерческой точки зрения это местоположение обеспечивает ему надзор над всеми морскими маршрутами, идущими из Ормузского пролива и Баб-эль-Мандебского пролива, а также из Черного и Каспийского морей, и эти маршруты являются наиболее важными связующими маршрутами между Евразией и Африкой²²³.

Из вышесказанного мы видим, что Оглу не только определяет важность Кипра как развитого острова, способного обеспечить безопасность Турции и сорвать любую попытку Греции заблокировать юго-западные границы Турции, но также определяет его важность с точки зрения его местоположения, которое находится в центре азиатского, европейского и африканского мира с видом на пересечение морских путей, идущих из Суэцкого канала или из Черного моря и Атлантического океана, и, таким образом, контроль над Кипром обеспечивает

²²³ Kaya, K. Book Review: A Look Back and Forward at Turkey's "Strategic Depth" Foreign Policy Doctrine. 2022. The Foreign Military Studies Office (FMSO). <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmsom/fmsom-monographs/309386/download>

существенное преимущество для активности Турции в региональной и глобальной политике.

Соответственно, мы приходим к тому, что любая региональная или глобальная держава, имеющая интересы на Ближнем Востоке, восточном Средиземноморье, Эгейском море, Суэце, Красном море и Персидском заливе, Кипр будет находиться в центре её стратегий, так как находится на идеальном расстоянии от всех регионов. Следовательно, турецкое присутствие и влияние на Кипре увеличивает геостратегическую ценность Турции для таких держав, поэтому Турция должна сохранить завоевания, достигнутые в 1974 г. в результате оккупации Северного Кипра, и работать над их укреплением. В результате мы обнаруживаем, что турецкое военное присутствие на Кипре больше не направлено только на достижение оборонительной политики, направленной на сохранение статус-кво, а представляет собой основную опору морской стратегии с экспансионистскими целями²²⁴. Рассматривая турецкие стратегии с начала XXI в., будь то стратегическая глубина или Голубая родина, мы обнаруживаем, что Кипр является краеугольным камнем во всех из них, и как упоминалось выше, Турция стремится к морскому контролю в восточной части Средиземного моря, контролируя и усиливая свое влияние на территории, окружающие морские зоны, но на самом деле она никак не может двигаться в этом регионе, не сохраняя своего контроля на Кипре.

В 1956 г. тогдашний премьер-министр Турции Аднан Мендерес решил поручить профессору конституционного права Нихату Эриму разработку стратегического плана, на котором будут основываться долгосрочные устремления Турции по кипрскому вопросу. В конце 1956 г. Нихат Эрим представил правительству Мендереса два отчета, и эти отчеты были основным стратегическим планом внешней политики Турции в отношении кипрской проблемы, поскольку все турецкие правительства приняли этот план в своей

²²⁴ Ibid.

политике в отношении Кипра²²⁵. Ниже приведены основные моменты, изложенные в отчетах:

- Турецкие претензии на Кипр должны основываться на политических аргументах, а не только на этнических.
- Следует применять принцип самоопределения, чтобы греческое население подчинялось администрации по своему выбору, потому что это поможет предоставить турецкой общине, которая является меньшинством, право выбирать свою администрацию, и, таким образом, Турция может вмешиваться через неё для обеспечения своей безопасности и избежать будущего кризиса для страны.
- Турция должна определить наиболее подходящую форму раздела, принимая во внимание свои экономические и военные интересы, а также должна участвовать в укреплении безопасности региона, который будет предоставлен киприотам-туркам, поскольку этот вопрос касается ее безопасности и безопасности Ближнего Востока. Греция не может претендовать на то же право, что и Турция, потому что остров находится в 600 морских милях от Греции, а от Турции не более 45 морских миль.
- Необходимо работать над увеличением общей численности турецкого населения на Кипре до того процента, который был при Османской империи, тогда мы не будем беспокоиться об исходе любого референдума о судьбе острова.

В целом, в отчете определены основные принципы и отчетливые краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные стратегические цели, от которых не отклонялась внешняя политика Турции в отношении кипрской проблемы, поскольку все турецкие правительства внесли свой вклад в это за последние 67 лет²²⁶.

²²⁵ Historical Overview. 2006. Ministry of Foreign Affairs. Embassy of the Republic of Cyprus in Vienna. http://www.mfa.gov.cy/mfa/Embassies/Embassy_Vienna/vienna.nsf/page71_en/page71_en?OpenDocument&print

²²⁶ Karşı, H. Z. (2014). Kıbrıs Sorununun Çözümünde Nihat Erim Raporu . Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi , 14 (29) , 353-375. <https://dergipark.org.tr/en/pub/ctad/issue/25531/269332>

В заключение мы приходим к выводу, что Кипр сформировал ось турецкой внешней политики в качестве национальной проблемы и проблемы безопасности с 1950-х гг. и в условиях турецкого экспансионистского бума в XXI в. Кипр также является геостратегической опорой турецких представлений и идеологий в отношении Большого Средиземноморья и региона Восточного Средиземноморья, в частности. Стратегии, принятые в отношении Кипра, не изменились с изменением турецких политиков за последние 67 лет, и это указывает на то, что Турция рассматривает кипрский вопрос с точки зрения крупной стратегии.

Кипр в греческой стратегии

Кипр занимает значительный геостратегический приоритет во внешней политике Греции, особенно в отношении аспекта безопасности. Это связано с двумя основными причинами: первая — это геостратегическое положение Кипра, которое чрезвычайно важно для греко-турецкого конфликта и если Греция возьмет под контроль Кипр, это даст ей большое преимущество в нападении на мягкое брюхо Турции и формировании оборонительной линии вблизи Турции и в то же время вдали от материковой части Греции. Кроме того, контроль над Кипром и архипелагом островов в Эгейском море образует непрерывную линию для того, чтобы окружить западные и южные границы Турции. Вторая причина заключается в том, что контроль над Кипром с его огромной геостратегической ценностью для мировых держав повысит геостратегическую ценность Греции для этих держав, таким образом, у Греции будет больше возможностей торговаться с этими державами, чтобы получить одобрение и поддержку в отношении своей внешней политики, требований безопасности и регионального влияния, тем более, что Греция сильно страдает от способности Турции навязывать свою повестку в регионе из-за своего геостратегического положения, которое имеет большое значение для мировых держав, особенно России, Америки и ЕС. В дополнение к вышеизложенному, Греция считает, что ее защита Кипра неотделима от защиты Греции, поскольку она связана с выживанием части эллинизма, и снижение греческого влияния на Кипре окажет негативное влияние на положение Греции в

Эгейское море и восточное Средиземноморье²²⁷. После открытия нефти в восточном Средиземноморье греческое стремление занять передовое место в энергетических проектах выросло, но без Кипра Греция не может стать важным игроком в энергетической игре в восточном Средиземноморье. Традиционно, греческие политики считают, что их конфликт с Турцией неотделим от проблем киприотов-греков с Турцией, а сторонники жесткой линии среди них считают любой диалог с Турцией предательством Кипра, поскольку турецкие войска оккупируют Кипр, но после вступления Кипра в ЕС интенсивность этих позиций снизилась, и Греция стала проводить более прагматичную политику в отношении с Турцией и кипрским вопросом. Это снижение интенсивности позиций можно объяснить двумя причинами, первая – наибольшее внимание, уделяемое в греческой политике проблемам нового поколения, греческой экономики и развития, а вторая - стремление Греции снизить напряженность с Турцией и сосредоточить свое внимание на Эгейском море, учитывая, что добавление к конфликту кипрской проблемы снизит шансы на достижение договоренности. Следует отметить, что, несмотря на важность Кипра для Греции, у Греции не было четкой крупной стратегии решения кипрского вопроса с момента его возникновения, поскольку после оккупации Северного Кипра Турцией Греция сосредоточила свои усилия только на дипломатической работе, подчеркивая, что Кипр принадлежит ей и в настоящее время она полагается на ЕС и США в решении кипрского вопроса.

Кипр в греко-турецких отношениях

Когда мы говорим о национальном суверенитете и независимости принятия политических решений на Кипре, мы должны различать две присутствующие на нем общины. Начинаем говорить о Северном Кипре, на котором, несмотря на наличие многопартийной демократической системы и наличие передачи власти между конкурирующими партиями, турецкая гегемония поддерживается

²²⁷ Αλέξανδρος Δρίβας. Ελλάδα και Κύπρος είναι σε στρατηγικό επίπεδο το ένα και το αυτό // Ethnos. 31.07.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ethnos.gr/opinions/article/117973/elladakaikyproseinaisestrathgikoeipedotoenakaitoayto> (дата обращения: 21.02.2023)

различными формами, включая военное присутствие, экономический контроль, политическое влияние и культурную ассимиляцию, в дополнение к финансовой поддержке, направляемой партиям, наиболее лояльным к турецкой политике, таким как Партия национального единства, находящаяся в власти в настоящее время. Кроме того, Турция работала с момента оккупации Северного Кипра и в соответствии со стратегией, разработанной Нихатом Эримом, над увеличением численности турецкого населения на острове посредством политики заселения с целью вызвать демографические изменения, которые изменят баланс человеческих сил в пользу Северного Кипра. Также увеличение численности турецкого населения на острове влияет на выборы и гарантирует победу протурецким силам. В экономическом плане Турция работала над реализацией своих планов по развитию севера острова за счет государственных или частных инвестиций. По нашему мнению, отношения между Кипром и Турцией лучше всего можно описать как патерналистское отношение, которое делает Кипр больше похожим на турецкую провинцию. В то же время есть часть северных киприотов, которые считают, что Турция доминирует над островом и эксплуатирует его, а некоторые из них даже рассматривают его как колонизатора, в то время как турецкий народ считает, что они очень много сделали для турок-киприотов, но киприоты, по их мнению, неблагодарны²²⁸.

Всегда возникают вопросы о турецком характере киприотов-турок, поскольку большая часть северных киприотов считает, что они, как и курды, обладают особой идентичностью, которую необходимо защищать и уважать. В 2011 г. улицы северной Никосии были заполнены 20 тысячами демонстрантов, протестовавших против требования Турции к Северному Кипру соблюдать диету. Президент Эрдоган отреагировал на протесты словами: «В последние дни на Северном Кипре происходят провокационные действия. Они делают это вместе с Югом... Они говорят нам убираться отсюда... Они не имеют права на такие действия против Турции. Самые низкие государственные служащие получают

²²⁸ Bryant R., Hatay M. Turkish Perceptions of Cyprus 1948 to the Present // PCC REPORT 1. 2015.

около 10 тысяч лир... Джентльмен берет 10 тысяч лир и совершает это бесстыдно... „Турция, убирайся отсюда“, - говорит он. Кто ты такой... У меня есть мученик, у меня есть ветеран, я стратегически вовлечен. Какой бы бизнес у Греции ни был на Кипре, Турция стратегически имеет этот бизнес на Кипре... »²²⁹. Здесь следует отметить, что Северный Кипр полностью зависит от Турции, которая контролирует порты и аэропорты, а также снабжает его электричеством и водой, и это само по себе гарантирует, что правительство Северного Кипра подчиняется воле Турции.

При всестороннем анализе вышеизложенного мы обнаруживаем, что вся турецкая политика указывает на подготовку Северного Кипра к официальному присоединению к Турции, и поэтому политическое решение на Северном Кипре является по преимуществу турецким решением. На национальных мероприятиях и международных форумах Турция часто намеренно напоминает международным субъектам, что ее поддержка Северного Кипра безгранична и что интересы Северного Кипра рассматриваются как турецкие интересы. В этом контексте Турция рассматривает деятельность киприотов-греков по разведке газа и нефти в исключительных экономических зонах Кипра как нарушение прав киприотов-турок, министр энергетики также заявил, что Турция предотвратит любую попытку нарушения границ Северного Кипра²³⁰. На самом деле, Турция осознает, что в кипрских водах могут быть обнаружены большие запасы, кроме того, расположение Кипра считается очень идеальным для того, чтобы стать центром газоснабжения в восточном Средиземноморье. Что касается национального суверенитета и независимости политического решения на греческом Кипре, то можно сказать, что Афины на протяжении десятилетий работали над присоединением Кипра к Греции (Энозис), но с 1974 г. вопрос о независимости острова уже не подлежит обсуждению, хотя двусторонние отношения в военной,

²²⁹ Hatay M., Tziarras Z. Kinship and Diasporas in Turkish Foreign Policy: Examples from Europe, the Middle East and Eastern Mediterranean. Peace Research Institute Oslo (PRIO), 2019.

²³⁰ Turkish official reiterates claims about potential gas discoveries off Cyprus. 2022. Kathimerini. <https://www.ekathimerini.com/news/1201064/turkish-official-reiterates-claims-about-potential-gas-discoveries-off-cyprus/>. Accessed 20 February 2023

экономической и внешнеполитической областях очень близки. После присоединения Кипра к ЕС Афины признали, что у Кипра может быть отдельная внешняя политика, и в тот период в Греции существовала тенденция отделять кипрскую проблему от отношений между ЕС и Турцией и от греко-турецких отношений, цель состояла в том, чтобы облегчить вступление Турции в ЕС, поскольку все политические элиты Греции были убеждены, что вступление Турции в ЕС является наиболее эффективным способом решения сохраняющихся дилемм безопасности между двумя странами. Действительно, Греция, особенно после саммита в Хельсинки, была самым ярким сторонником вступления Турции в ЕС²³¹. В настоящее время кипрская проблема вернулась к разжиганию греко-турецких проблем после того, как внешняя политика Турции перешла от европейской ориентации к инвестированию в районы ее стратегической глубины, в дополнение к нефтяным открытиям в восточном Средиземноморье и совместным споры между Кипром и Грецией с Турцией по поводу исключительных экономических зон. По нашему мнению, невмешательство в кипрское решение с греческой стороны не ослабляет греческих интересов на Кипре по той главной причине, что позиция Греции согласуется с позицией кипрского правительства в отношении воссоединения и вывода турецких войск без уступок и по данным министерства иностранных дел Греции, Кипр является основным критерием ее внешней политики, а прекращение турецкой оккупации является главным приоритетом для Греции, как заявил премьер-министр Греции²³². Что касается внутренних аспектов, характера отношений между двумя общинами и переговоров о форме политического управления, Греция заявляет, что она не вмешивается в это и что кипрское правительство обладает исключительной компетенцией в решении этих вопросов. Согласно индексу демократии, на Кипре действует демократическая система (7,38 из 10 на 2022

²³¹ Schuster K. Who is for or against Turkish EU accession? // DW POLITICS. 09.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/en/turkey-eu-relations-which-countries-are-for-or-against-turkish-accession/a-40381533> (дата обращения: 20.02.2023)

²³² Rawad T. Ending 'Turkish occupation' of Cyprus is a priority: Greek PM. // Al Arabiya English. 08.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2021/02/08/Ending-Turkish-occupation-of-Cyprus-is-a-priority-Greek-PM> (дата обращения: 20.02.2023)

г.)²³³, эта система достигает хороших результатов, что свидетельствует о том, что решения киприотов-греков и Греции по кипрской проблеме должны основываться главным образом на решениях, волеизъявлении и восприятии граждан. Стоит отметить, что важность общественного мнения на греческом Кипре была подчеркнута, когда был проведен референдум по плану Аннана, тогда большинство киприотов-греков отвергли идею объединения, представленную ООН²³⁴. Также в 2017 г. между двумя общинами состоялись переговоры с участием Греции и Турции, в ходе которых общественное мнение киприотов-греков выступило против любого решения, которое позволило бы Турции вмешаться или сохранить турецкие войска на Кипре²³⁵. В целом отмечаем, что между Грецией и греческим Кипром существует единство мнений на международном уровне по кипрской проблеме.

С другой стороны, с момента вступления Кипра в ЕС кипрскую проблему можно считать европейской проблемой, а конфликт стал происходить на территории Союза. Стоит отметить, что присоединение Кипра к ЕС было одобрено, несмотря на существование кипрской проблемы и присутствие турецких войск на территории острова, что является нарушением одного из важнейших принципов ЕС, согласно которому у присоединяющейся страны не должно быть пограничных проблем. На наш взгляд, основной причиной этого является геостратегическая важность Кипра для Европы и желание ЕС взять на себя бремя решения кипрской проблемы с Грецией пропорционально интересам Европы в восточном Средиземноморье и таким образом, чтобы обеспечить киприотам-грекам гарантию безопасности в сторону Турции. Спустя почти два десятилетия после присоединения можно сказать, что присутствие Кипра в ЕС действительно представляло собой гарантию безопасности для киприотов-греков, по крайней мере, на психологическом уровне, но в то же время способствовало усложнению решения кипрской проблемы, увеличив разрыв между двумя

²³³ The Economist Intelligence (EIU). Democracy Index 2022. 2023.

²³⁴ Wright G. Greek Cypriot leaders reject Annan plan // The Guardian. 2004.

²³⁵ Grigoriadis I. N. Cyprus Negotiations Thwarted by Issues on Security and Guarantees. How Can the Peace Process Be Revived?. 2017.

общинами. Из вышеизложенного мы делаем вывод, что решение на греческом Кипре в отношении решения кипрской проблемы больше не находится в значительной степени под греческой гегемонией, как турецкая гегемония на Северном Кипре, а является национальным решением международно признанного независимого государства, которое пользуется народной поддержкой и одобрено Грецией и ЕС. Таким образом, кипрский вопрос в турецко-греческих отношениях остается вопросом, отличным от других спорных вопросов.

Рассматривая вопросы, по которым две кипрские общины, греческая и турецкая, расходятся во мнениях, мы можем выделить четыре основных вопроса. Первый вопрос - это безопасность, поскольку киприоты-греки настаивают на отмене договора о гарантиях²³⁶ или, как минимум, внесении в него поправок, что накладывает ограничения на вмешательство Турции в дела Северного Кипра, и они также приветствуют присутствие международных войск на острове, в то время как киприоты-турки считают, что поправка к договору о гарантиях не подлежит обсуждению и что Турция имеет право вмешаться, даже если кипрский вопрос будет урегулирован, тем не менее турки-киприоты не выступают против присутствия международных сил, но таким образом, чтобы не препятствовать праву турецкой интервенции на Кипре²³⁷. Второй вопрос касается спора о суверенитете, поскольку киприоты-греки настаивают на том, что Кипр обладает единым суверенитетом, и отказываются признавать суверенные права, которые киприоты-турки осуществляют на контролируемой ими части, в то время как киприоты-турки требуют, чтобы кипрско-греческая сторона признала их

²³⁶ Договор о гарантиях — это договор, подписанный в 1960 г. между Кипром, Грецией, Турцией и Великобританией. Это часть Никосийского договора о создании Республики Кипр. Стороны обязуются гарантировать независимость и территориальную целостность Кипра, а не способствовать объединению Кипра с другими государствами или разделу Острова. Стороны также соглашаются, что неприкосновенность территорий острова, находящихся под суверенитетом Великобритании, также должна соблюдаться.

Treaty of Guarantee // United Nations Peacemaker. 16.08.1960. [Электронный ресурс] URL: <https://peacemaker.un.org/cyprus-greece-turkey-guarantee60#:~:text=Summary%3A,or%20partition%20of%20the%20Island>. (дата обращения: 24.02.2023)

²³⁷ Constantinou C. M. Revising the Treaty of Guarantee for a Cyprus Settlement. // EJIL. 21.06.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.ejiltalk.org/revising-the-treaty-of-guarantee-for-a-cyprus-settlement/> (дата обращения: 20.02.2023)

суверенитет и чтобы любое решение между двумя сторонами привело к созданию Конфедеративного государства, с тем чтобы каждая община имела автономию в управлении своими делами. Третьим вопросом является спор о земле, где киприоты-турки в настоящее время контролируют 37% земель острова, что не принимается киприотами-греками, поскольку они требуют уступки 13% земель острова, чтобы контроль турок-киприотов становится 24% но турки-киприоты отвергают это и соглашаются уступить только 8%²³⁸. Рассматривая эти вопросы, можно сказать, что аспект безопасности, связанный с присутствием турецких войск и правом Турции на вмешательство, является самым сложным в конфликте, поскольку он выходит за рамки воли киприотов-турок и греков и их права на самоопределение, а также включает Кипр как ключевой вопрос в турецко-греческом конфликте, основанном в первую очередь по вопросам безопасности между двумя странами, и поэтому он связывает кипрский вопрос с другими вопросами разногласий в рамках уравнивания, оказывающего взаимное влияние²³⁹. В этом контексте стоит упомянуть, что Греция пыталась отделить кипрский вопрос от проблем Эгейского моря, поскольку это облегчает процесс урегулирования, но, тем не менее, эти два дела не могут быть разделены, особенно после обнаружения нефти и возникновения проблем, связанных с исключительными экономическими зонами. В 2013 г. Никос Анастасиадис был избран президентом Кипра. Анастасиадис - киприот-грек, который участвовал в программе воссоединения и его избрание считалось возможностью добиться прогресса в решении кипрского вопроса. После своего избрания Анастасиадис начал переговоры с лидером киприотов-турок Мустафой Акынджи в попытке достичь урегулирования. Первоначально эти переговоры были успешными, поскольку обе стороны договорились по нескольким вопросам, таким как права собственности и меры безопасности. Однако, прогресс в переговорах застыл в 2016 г., когда Турция отказалась принять некоторые из

²³⁸ Interview with Arsene Tatar - President of the Republic of Northern Cyprus. // Almayadeen. 21.07.2022. [Электронный ресурс] URL: <http://tiny.cc/gnj4vz> (дата обращения: 20.02.2023)

²³⁹ (2000 عام حتى) اليوناني التركي الصدام والقبضية القبرصية // Moqatel. [Электронный ресурс] URL: <http://www.moqatel.com/openshare/Behoth/Siasia2/SeraTurkGr/index.htm> (дата обращения: 20.02.2023)

предложенных условий для воссоединения, причиной этого отказа было обострение греко-турецких отношений из-за отказа Греции выдать офицеров, участвовавших в неудавшемся перевороте против Эрдогана в 2016 г.²⁴⁰. Несмотря на сложность кипрской проблемы и неоднократные неудачи в достижении прогресса, подход Греции и Турции к ее решению всегда дипломатичен.

В 2018 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назначил Джейн Холл Лют своим специальным посланником на Кипре, чтобы помочь облегчить переговоры между двумя сторонами. Лют провела несколько встреч как с Анастасиадисом, так и с Акынджи, но в конечном итоге не смогла добиться какого-либо значительного прогресса в разрешении конфликта. В 2021 г. Лют подала в отставку со своего поста специального посланника из-за отсутствия прогресса на переговорах. Комментируя переговоры, Министерство иностранных дел Греции заявило, что Греция не может согласиться на федеративный Кипр с присутствием турецких войск на ее территории, в то время как Турция настаивает на своем вмешательстве²⁴¹.

В 2020 г. Эрсин Татар, глава правой националистической партии национального единства, стал президентом Северного Кипра при поддержке Эрдогана. Татар отвергает модель федеративного Кипра, представленную ООН, и поддерживает решение «две страны», которое дает официальный характер текущему разделению, он также работает над открытием комплекса Вароши²⁴², и

²⁴⁰ Tesch N. Nicos Anastasiades. // Encyclopedia Britannica. 03.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Nicos-Anastasiades> (дата обращения: 20.02.2023); The Cyprus Issue. // Hellenic Republic - Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/en/the-cyprus-issue/> (дата обращения: 20.02.2023); Smith H. Greece puts men accused over Turkey coup attempt under armed guard. // The Guardian. 10.06.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/10/greece-eight-commandos-accused-turkey-coup-armed-guard> (дата обращения: 20.02.2023)

²⁴¹ Leimbach D. Can Jane Holl Lute, a New UN Envoy, Work a Miracle on Cyprus? // PassBlue. 21.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.passblue.com/2018/08/21/can-jane-holl-lute-a-new-un-envoy-work-a-miracle-on-cyprus/> (дата обращения: 20.02.2023); Spotlight on: Under-secretary-general Jane Holl Lute. // Code Blue. [Электронный ресурс] URL: <https://www.codebluecampaign.com/spotlight-jhl> (дата обращения: 20.02.2023)

²⁴² Вароша — это район, расположенный в южном регионе Фамагуста, Кипр, который был заброшен после вторжения Турции в 1974 г. С тех пор это место было оцеплено и оставлено заброшенным.

его планы получают поддержку от Эрдогана²⁴³. Несмотря на это, дипломатические усилия всегда возобновлялись, поскольку Турция объявила, что готова вступить в переговоры с Грецией о морских границах в восточном Средиземноморье, это заявление было сделано после нескольких месяцев напряженности между Турцией и Грецией по поводу прав на разведку энергетических ресурсов в спорных водах у побережья Кипра. Однако эти переговоры в конечном счете провалились из-за разногласий по поводу морских границ и других вопросов, связанных с правами на разведку энергетических ресурсов у побережья Кипра. В 2021 г. произошли дальнейшие события на дипломатическом уровне в отношении кипрского вопроса, поскольку представители обеих кипрских сторон встретились для переговоров в Женеве под эгидой ООН в надежде достичь соглашения о воссоединении, но без какого-либо прогресса²⁴⁴. Фактически киприоты-греки и турки всегда заявляли, что цель переговоров заключается в достижении решения в рамках федеративного Кипра в соответствии с резолюциями ООН и социальными требованиями ЕС, Греция и ЕС согласны с этими общими линиями, но Турция всегда подчеркивает, что переговоры должны основываться на признании независимого Северного Кипра в соответствии с ее стратегией, принятой в отношении Кипра на протяжении нескольких десятилетий. Можно сказать, что турецкая стратегия в настоящее время заключается в том, чтобы добиться официального международного признания Северного Кипра в качестве независимого государства, а затем перейти к присоединению его к турецкой территории, что однозначно означает, что турецкий путь использует дипломатический подход для реализации своей стратегии на Кипре. Конечно, Греция предпочитает дипломатический вариант в своих отношениях с Турцией в целом. Открытия нефти в восточном

²⁴³ Ersin Tatar, Kuzey Kıbrıs Cumhurbaşkanı seçildi. // BBC NEWS. 19.10. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-54589565> (дата обращения: 21.02.2023); Gültekin B. Cyprus talks cannot last forever: Turkish Cypriot PM. // Hürriyet Daily News. 16.11.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/cyprus-talks-cannot-last-forever-turkish-cypriot-pm-148742> (дата обращения: 21.02.2023)

²⁴⁴ Nebehay S., Kambas M., and Gumrukcu T. U.N.'s Guterres says common ground elusive in Cyprus talks. // Reuters. 29.04.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/uns-guterres-says-common-ground-still-elusive-cyprus-talks-2021-04-29/> (дата обращения: 21.02.2023)

Средиземноморье и у берегов Кипра дали толчок развитию кипрского вопроса, а также явились важным фактором роста дипломатической активности между Грецией и Турцией, эскалации и взаимных угроз. Турция не признает Республику Южного Кипра и считает, что не может заключать с ней соглашения о демаркации границ или эксплуатации природных ресурсов, так же как не признает около 75% исключительных экономических зон Южного Кипра. В 2011 г. в регион начали стекаться международные энергетические компании, и этот приток ускорился после 2016 г. при поддержке европейских стран, считая, что этот регион может стать альтернативой российской энергетике. С другой стороны, Анкара постоянно направляет исследовательские корабли в спорные районы к северу и западу от Кипра с целью сорвать любую работу по разведке и инвестированию в энергию в отрыве от Турции и ее представлений. Проводя такую политику, Турция делает свои претензии в восточном Средиземноморье и на Кипре картой для давления на ЕС, жаждущий энергии после СВО на Украине, в дополнение к своей попытке сорвать любой процесс достижения консенсуса между странами Восточного Средиземноморья по инвестированию в энергетику и линии ее поставок, тем самым устраняя идею о том, что кипрский конфликт является замороженным конфликтом, не угрожающим региональной и международной стабильности. В августе 2022 г. у южного побережья Кипра в сотрудничестве между Грецией, Кипром и европейскими энергетическими компаниями ENI и TotalEnergies было открыто крупное газовое месторождение, а на следующий день началась новая волна эскалации между Анкарой и Афинами на фоне того, что министерство обороны Турции обвинило греческую армию в преследовании турецких солдат в Эгейском море, Турция также объявила, что Афины обстреляли турецкие самолеты ракетами системы противовоздушной обороны (ПВО) С-300, в то время как Греция в ответ обвинила турецкие самолеты в нарушении воздушного пространства Греции²⁴⁵. Эта ситуация показывает степень взаимосвязи между

²⁴⁵ Эрдоган напомнил Греции про самую страшную резню XX века. Почему он решил перейти к угрозам? // LENTA.RU. 10.09.2022. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/articles/2022/09/10/ankara_athens/ (дата обращения: 21.02.2023)

греко-турецкими спорными делами и кипрским вопросом и что, хотя Греция работает над политикой отделения проблем в Эгейском море от проблемы на Кипре и перекладывания части ответственности на ЕС, это не сработает. На самом деле, невозможно поспорить, что улучшение греко-турецких отношений принесет прогресс в кипрском вопросе, поскольку с 2000 по 2016 г. отношения между Турцией и Грецией были хорошими, однако никакого прогресса в решении достигнуто не было, с другой стороны, было доказано, что обострение отношений между Турцией и Грецией, особенно в Эгейском море, негативно сказывается на Кипрском вопросе.

В заключение можно сказать, что конфликт на Кипре играет важную роль в греко-турецких отношениях, исходя из геостратегической важности острова для двух стран, живущих в ситуации конфликта и недоверия, поэтому каждая страна считает, что любая корректировка баланса сил на Кипре, которая способствует усилению влияния другой стороны, является потерей и угрозой для нее. Греция работает над продвижением своих интересов на Кипре, сотрудничая с ЕС, укрепляя единство позиций с кипрским правительством и руководствуясь кипрским общественным мнением, не формируя четкой и последовательной стратегии решения кипрского вопроса, в то время как Турция усиливает свое присутствие посредством гегемонии в соответствии с крупной стратегией, которая длится уже несколько десятилетий. Тем не менее, две страны всегда придерживаются дипломатического подхода к урегулированию кипрского дела между собой, при этом переговоры идут по замкнутому кругу и заканчиваются неудачей и на опыте было доказано, что кипрское дело как один из греко-турецких споров связано с другими спорными делами между двумя странами в рамках уравнения взаимного влияния. В любом случае, нельзя делать ставку на то, что улучшение греко-турецких отношений будет способствовать решению кипрского вопроса.

По результатам второй главы можно вывести несколько ключевых выводов. Внешняя политика Турции в Средиземноморье сочетает идеологические, исторические, экономические соображения и соображения безопасности. Турция

стремится расширить контроль в стратегически важных регионах, таких как Сирия, Ливия и Кипр, и укрепить энергетическую безопасность, превращаясь в транзитера энергоресурсов между Россией, Ближним Востоком и Центральной Азией. Турция активно реализует доктрину «Голубой родины», стремясь контролировать перекресток между Черным морем, Восточным Средиземноморьем и Красным морем, и одновременно работает над улучшением отношений с Ближним Востоком для смягчения последствий своей политики в период «Арабской весны».

Греция разработала новый многоаспектный подход к внешней политике в Средиземноморье с целью противодействия Турции и усиления своей региональной роли. Основные геостратегические приоритеты Греции включают: укрепление федеральной региональной структуры для сдерживания турецкой экспансии, контроль над морскими путями между Восточным Средиземноморьем, Северной Африкой и Европой для позиционирования себя как точку входа в Европу, укрепление энергетической безопасности через развитие инфраструктуры и сотрудничества с производителями энергии, а также военное сотрудничество с Израилем, Кипром и Египтом для создания антитурецкой оси безопасности Север-Юг. Основные геостратегические приоритеты обеих стран пересекаются в области транзита, энергетики и безопасности, что обостряет конфликтность в регионе, особенно по поводу спорных территорий, таких как Эгейские острова и Кипр. Однако вероятность продолжительной войны мала и наиболее вероятным сценарием является кратковременная морская война, направленная на контроль над Эгейскими островами.

Кипрский вопрос остается важным элементом конфликта, и его разрешение в обозримом будущем маловероятно. Наиболее вероятным сценарием может стать соглашение об исключительных экономических зонах между Северным и греческим Кипром. Несмотря на многолетние переговоры, урегулирование связано с другими аспектами греко-турецкого конфликта, что усложняет его достижение в ближайшее время.

Заключение

Средиземноморский регион представляет собой стратегически важную территорию как для Греции, так и для Турции. Он является домом для важных морских торговых путей, энергетических ресурсов и туристических направлений. Однако он также является регионом геополитической нестабильности, где происходят многочисленные конфликты и нарастает напряженность. Греция и Турция являются двумя из наиболее важных стран Средиземноморского региона. Обе страны обладают значительным военным и экономическим потенциалом и играют ключевую роль в региональной безопасности. Отношения между Грецией и Турцией сложны и часто напряжены. У двух стран существует ряд исторических и территориальных споров. Эти споры в прошлом приводили к ряду военных кризисов и по-прежнему представляют угрозу региональной безопасности.

Данная диссертация исследует геостратегические приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе. Она обеспечивает более глубокое понимание стратегических интересов двух стран, вызовов безопасности в регионе и потенциала сотрудничества между ними по вопросам безопасности.

Первая глава посвящена анализу актуальных угроз и вызовов безопасности в Средиземноморском регионе. Особое внимание уделено геополитическим, историческим и политическим факторам, формирующим сложную картину безопасности. В результате удалось выявить ряд ключевых моментов. Во-первых, Средиземноморский регион сталкивается с множеством угроз безопасности, включая терроризм, конфликты, территориальные споры и дестабилизацию энергопотоков. Эти угрозы взаимосвязаны и имеют далеко идущие последствия для региональной и глобальной стабильности. Во-вторых, традиционная Вестфальская система международных отношений, служившая на протяжении веков основой для стабильности и порядка, в Средиземноморье подвергается серьезным испытаниям. Рост числа негосударственных акторов,

фрагментация государств и эрозия территориальной целостности создают более хаотичную и многополярную среду безопасности. В-третьих, Средиземноморский регион стал ареной новой «Большой игры», где различные внешние игроки борются за влияние и доминирование. США, Россия и Китай стремятся защитить свои интересы и расширить влияние в регионе, что приводит к усилению конкуренции и соперничества. Помимо этого, регион характеризуется отсутствием развитого регионального сотрудничества и консенсуса по ключевым вопросам безопасности. Это препятствует эффективному реагированию на угрозы безопасности и их нейтрализации, усугубляя напряженность и нестабильность.

Основываясь на исследовании, проведенном в этой главе, и замечаниях, высказанных ранее, можно сделать следующие выводы:

1. Регион Большого Средиземноморья разделен на ряд взаимосвязанных внутренних геополитических кризисов, в которые вовлечены международные и региональные державы.

2. Стратегическое значение этого региона заключается в двух направлениях. Первое - это его статус потенциального источника региональных и глобальных угроз, которые определяют деятельность региональных и внешних акторов, направленную на достижение стабильности в регионе. Второе - позиция региона как перспективный элемент в глобальных цепочках поставок товаров, услуг, энергоресурсов и сырья, отвечающих экономическим потребностям и интересам государств.

3. Обстановка в области безопасности в большом Средиземноморье является наименее благоприятной и стабильной с начала XXI века и сочетает в себе несколько проблем, таких как политическая и экономическая фрагментация, разнообразие политических режимов, неравномерный уровень развития стран и разрушение постулатов Вестфальской системы.

4. Угрозы в регионе многочисленны и смешанные, включая глобальную торговлю, открытия в области энергетики, вторичные последствия гражданских войн в Ливии и Сирии и конфликты на границах.

5. Несмотря на интенсивность угроз безопасности в регионе Большого Средиземноморья, добиться координации в области безопасности между странами региона для борьбы с этими угрозами очень сложно по нескольким причинам. Во-первых, растущая борьба за влияние между региональными и мировыми державами в регионе. Во-вторых, отсутствие культурной однородности в регионе, что затрудняет развитие совместных учреждений для противодействия угрозам, усложняя политический диалог. В-третьих, работа по использованию угроз со стороны акторов в регионе друг против друга, тем самым заменяя сотрудничество усилением угрозы.

В свете этих выводов становится ясно, что решение вызовов безопасности в Средиземноморье требует комплексного и многогранного подхода. Региональные игроки должны уделять приоритетное внимание сотрудничеству и диалогу как внутри субрегионов, так и между ними, чтобы способствовать стабильности и безопасности. Кроме того, внешние игроки должны участвовать в конструктивной дипломатии и поддерживать региональные инициативы, которые способствуют миру, развитию и хорошему управлению. В конечном счете, будущее безопасности Средиземноморского региона зависит от способности всех заинтересованных сторон работать вместе и находить точки соприкосновения. Только благодаря коллективным усилиям и общей приверженности миру и стабильности регион сможет преодолеть вызовы безопасности и проложить путь к более безопасному и процветающему будущему.

В заключение, эта глава пролила свет на сложную динамику безопасности в Средиземноморском регионе. Понимая коренные причины и последствия этих вызовов, политики и ученые могут разработать обоснованные стратегии и политику для их эффективного решения и содействия более безопасному и стабильному Средиземноморью.

Во второй главе диссертации были проанализированы внешнеполитические приоритеты Греции и Турции в Средиземноморском регионе. В первом разделе этой главы представлен всесторонний анализ внешней политики Греции в регионе Восточного Средиземноморья. Основное внимание уделялось усилиям страны по

обеспечению своей энергетической безопасности, решению региональных проблем и созданию стратегических альянсов. Во-первых, стремление Греции к энергетической безопасности было обусловлено различными факторами, включая необходимость контролировать газовые ресурсы, обеспечить безопасность транзитных маршрутов и диверсифицировать импорт энергоносителей. Страна активно занимается разработкой проектов энергетической инфраструктуры и стремится к партнерству с международными корпорациями. Этот акцент на энергетической безопасности имеет серьезные экономические и политические последствия для Греции. Во-вторых, региональная стратегия Греции сформирована ее сложными отношениями с Турцией. Нерешенные споры между двумя странами, такие как кипрский вопрос и территориальные конфликты в Эгейском море, повлияли на внешнеполитическую ориентацию Греции. Страна стремилась сбалансировать свои европейские и атлантические альянсы, а также изучала возможности партнерства в регионе Восточного Средиземноморья. Этот хрупкий баланс отражает вызовы и возможности, с которыми сталкивается Греция в своей геополитической среде. Кроме того, участие Греции в региональных инициативах, таких как Форум Филия и Евро-Средиземноморская зона свободной торговли, подчеркивает ее приверженность укреплению стабильности и сотрудничества в Средиземноморье. Активно участвуя в этих инициативах, Греция стремится укрепить свою стратегическую позицию и уравновесить турецкое влияние в регионе.

В целом, этот анализ демонстрирует, что внешняя политика Греции в Восточном Средиземноморье многогранна и определяется сочетанием экономических, энергетических и геополитических соображений. Усилия страны по обеспечению энергетической безопасности, преодолению региональных вызовов и созданию стратегических альянсов отражают ее стремление к национальным интересам и желание играть активную роль в формировании региональной динамики. Однако важно отметить, что геополитический ландшафт в Восточном Средиземноморье динамичен и подвержен изменениям. Развивающаяся динамика отношений между Грецией, Турцией и другими

региональными игроками, а также более широкий геополитический контекст будут продолжать определять внешнюю политику Греции в будущем.

В заключение, этот раздел содержит ценную информацию о внешней политике Греции в Восточном Средиземноморье, подчеркивая сложности и вызовы, с которыми она сталкивается. Понимая динамику происходящего, политики и ученые могут получить более глубокое представление о роли Греции в регионе и ее потенциальном влиянии на региональную стабильность и сотрудничество.

Во втором разделе были рассмотрены внешнеполитические идеологемы и интересы Турции в Средиземноморском регионе. Анализ выявил несколько ключевых моментов:

1. Внешняя политика Турции в Средиземноморском регионе определяется ее стремлением к стратегической независимости и верой в многополярный мировой порядок. Турция стремится быть игроком, который не зависит исключительно от Запада и признает смещение центров силы с Запада на Восток.

2. На внешнюю политику Турции в регионе влияют как ее сильные, так и слабые стороны. Регион предлагает подходящее и гибкое поле для турецких интервенций и стремления к политическим и экономическим выгодам. Однако он также представляет ограничения и угрозы национальной безопасности Турции.

3. Средиземноморский регион имеет жизненно важное значение и стратегическую глубину для Турции. Он был в центре организованной политики Турции, основанной на идеологических соображениях, экономических интересах и заботах о национальной безопасности.

4. Внешняя политика Турции в Средиземноморском регионе претерпела идеологические сдвиги. Османская идеология столкнулась с противоречиями с практической политикой АКР, что привело к появлению доктрины «Голубой родины». Обе идеологии дополняют друг друга и предоставляют Турции пространство для проведения прагматичной политики, сочетающей жесткую и мягкую силу.

5. Интересы Турции в Средиземноморском регионе многогранны, включая политические, экономические и социальные аспекты. Эти интересы охватывают безопасность торговых маршрутов и энергетическую безопасность, поскольку Турция стремится превратиться из потребителя энергии в производителя и транзитный узел.

6. Средиземноморский регион в турецкой внешней политике можно разделить на две части: районы, расположенные вблизи Черного моря, Эгейского моря и Восточного Средиземноморья, и регион Большого Средиземноморья. Первая часть имеет большее стратегическое значение для Турции из-за ее пространственной близости, экономического и политического значения и влияния на национальную безопасность.

7. Внешняя политика Турции в Средиземноморском регионе характеризуется балансом между идеологическими и историческими соображениями, экономическим прагматизмом и соображениями безопасности. Способность Турции лавировать между различными интересами и преодолевать разрыв между Востоком и Западом укрепляет ее региональную и глобальную роль.

Подводя итог, этот раздел проливает свет на внешнеполитические идеологемы и интересы Турции в Средиземноморском регионе. Он подчеркнул сложности и динамику, которые формируют подход Турции, подчеркнув взаимодействие между идеологией, прагматизмом и национальной безопасностью. Понимание этих факторов имеет решающее значение для понимания роли и влияния Турции в Средиземноморском регионе.

Далее была исследована геополитическая динамика между Грецией и Турцией в контексте Восточного Средиземноморья и Эгейского моря. Анализ выявил несколько ключевых моментов, которые проливают свет на сложности и напряженность в отношениях между этими двумя странами. Во-первых, были рассмотрены исторические предпосылки Лозаннского договора и его последствия для территориальных споров между Грецией и Турцией. Было замечено, что последние тенденции в турецкой политике указывают на отход от границ договора, при этом Турция демонстрирует намерения расширить свои границы и

оказывать влияние в соседних регионах. Во-вторых, обсуждалось значение Восточного Средиземноморья и Эгейского моря с точки зрения энергетических ресурсов и торговых путей. И Греция, и Турция признают важность этих регионов и стремятся утвердить свой контроль и влияние в таких областях, как разведка энергоресурсов и транзитные центры. Это привело к усилению напряженности и конфликтов, поскольку обе страны соперничают за доминирование в этой стратегической области. В-третьих, была проанализирована роль энергетической безопасности в геополитических расчетах Греции и Турции. Потребность в энергетических ресурсах и защите энергетической инфраструктуры стала важнейшим компонентом национальной безопасности для обеих стран. Это еще больше осложнило и без того непростые отношения между Грецией и Турцией, так как конфликты из-за энергетических ресурсов потенциально могут перерасти в военную конфронтацию.

Исходя из этого анализа, очевидно, что Восточное Средиземноморье и Эгейское море стали средоточиями региональной борьбы за власть и геополитического соперничества. Споры между Грецией и Турцией охватывают не только территориальные претензии, но и экономические и энергетические интересы. Стремление к национальной безопасности и стремление утвердить свое господство в регионе привели к росту напряженности и потенциальным дальнейшим конфликтам. В заключение, геополитическая динамика между Грецией и Турцией в Восточном Средиземноморье и Эгейском море сложна и многогранна. Споры о территориальных границах, энергетических ресурсах и торговых путях создали нестабильную обстановку, которая требует тщательной дипломатии и стратегических расчетов. Для обеих стран крайне важно поддерживать открытые каналы связи и участвовать в диалоге для смягчения напряженности и поиска мирных решений. Международное сообщество, особенно НАТО и ЕС, также играет важную роль в посредничестве и содействии диалогу между Грецией и Турцией для обеспечения стабильности и безопасности в регионе.

В следующем разделе представлен всесторонний анализ кипрского вопроса в контексте греко-турецких отношений. Основное внимание было уделено пониманию стратегической важности Кипра как для Греции, так и для Турции, а также ключевых факторов, определяющих их политику в отношении острова.

Анализ показал, что Кипр имеет важное геостратегическое значение для обеих стран. Для Греции контроль над Кипром обеспечил бы стратегическое преимущество в греко-турецком конфликте и усилил бы ее региональное влияние. Это также укрепило бы энергетические проекты Греции в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, Турция рассматривает Кипр как важнейший элемент своей стратегической глубины и ключевую точку силы в регионе. Турция стремится сохранить свое присутствие на острове и обеспечить свои интересы, включая энергетические ресурсы и морские границы. В разделе также подчеркивались расхождения во мнениях между общинами киприотов-греков и турок по таким вопросам, как безопасность, суверенитет и раздел земель. Киприоты-греки подчеркивают необходимость пересмотра или отмены договора о гарантиях, признания единого суверенитета острова и получения территориальных уступок от киприотов-турок. Напротив, киприоты-турки выступают за признание их суверенитета и создание конфедеративного государства, предоставляющего автономию каждой общине. Кроме того, в разделе обсуждались дипломатические усилия и переговоры между двумя сторонами, а также участие международных акторов. Очевидно, что поиск решения кипрской проблемы остается сложной задачей, поскольку позиции Греции и Турции существенно различаются. Анализ также высветил важность общественного мнения и ту роль, которую оно играет в формировании процесса принятия решений на острове. В целом, этот раздел демонстрирует, что кипрский вопрос продолжает оставаться центральным приоритетом в греко-турецких отношениях. Стратегическое значение Кипра в сочетании с обнаружением энергетических ресурсов в Восточном Средиземноморье еще больше усилило напряженность и дипломатическую активность. Несмотря на сложности и расхождения в позициях, и Греция, и Турция придерживаются дипломатического

подхода к решению кипрского вопроса. Однако ясно, что улучшение греко-турецких отношений само по себе не гарантирует решения кипрской проблемы. В заключение, этот анализ дает ценную информацию о динамике и сложностях кипрского вопроса в более широком контексте греко-турецких отношений. В нем подчеркивается стратегическая важность Кипра для обеих стран и освещаются расхождения во мнениях и вызовы, с которыми приходится сталкиваться при поиске решения. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию кипрского вопроса и его последствий для региональной стабильности и безопасности.

Все предыдущие обсуждения, представленные во второй главе, позволяют сделать следующие выводы:

1. Внешняя политика Турции в отношении Средиземноморского региона представляет собой сочетание идеологических, исторических, экономических соображений и соображений безопасности.

2. Геостратегические приоритеты Турции в средиземноморском регионе можно резюмировать следующим образом: (1) Расширение контроля и влияния в сухопутных и морских районах Средиземноморья, особенно в Сирии, Ливии и на Кипре. (2) Поддержание сбалансированной политики с северным и южным берегами Средиземного моря, играя на противоречиях для достижения своих интересов. (3) Укрепление энергетической безопасности путем создания соответствующих условий для превращения Турции в страну-транзитера энергоресурсов между Россией, Ближним Востоком и Центральной Азией. (4) Работа по реализации доктрины «Голубой родины» для обеспечения контроля над перекрестком между Черным морем, Восточным Средиземноморьем и Красным морем. (5) Работа над перестройкой отношений со странами Ближнего Востока, чтобы смягчить негативные последствия турецкой политики во время Арабской весны и добиться экономических выгод для Турции.

3. Греция разработала новый многоаспектный подход в своей внешней политике в отношении Средиземноморского региона с целью противодействия политике Турции и усиления своей региональной роли.

4. Геостратегические приоритеты Греции в средиземноморском регионе можно резюмировать следующим образом: (1) Укрепление достоверной федеральной региональной структуры, которая стала бы вспомогательным фактором в противодействии экспансионистской политике Турции. (2) Обеспечение контроля и надзор за морскими путями между Восточным Средиземноморьем и Северной Африкой, с одной стороны, и Европой - с другой, с тем чтобы позиционировать себя как точку входа в Европу. (3) Укрепление энергетической безопасности путем развития инфраструктуры и логистических услуг и развития двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами-производителями энергии. (4) Развивать военное сотрудничество с Израилем, Кипром и Египтом, чтобы сформировать антитурецкую ось безопасности Север-Юг.

По сравнению, мы обнаруживаем большое сходство в стратегической ориентации внешней политики двух стран в регионе, поскольку их приоритеты сосредоточены в четырех основных областях: торговые транзитные маршруты в регионе, энергетика, национальная безопасность и политические и экономические отношения со странами региона.

Разногласия между двумя странами в настоящее время сосредоточены на принадлежности восточно-Эгейских островов, Кипре, и исключительных экономических зонах. В связи с новой ориентацией обеих стран эти вопросы приобрели дополнительное значение во внешней политике обеих стран, что объясняет эскалацию между ними в последние годы, поскольку Эгейские острова являются геостратегическим местоположением, позволяющим доминировать над Эгейским морем, а Кипр является базой для установления гегемонии в восточном Средиземноморье, а также спорные районы между двумя странами содержат значительные богатства, которые представляют ценность для достижения их энергетических амбиций.

5. В контексте существующего конфликта между двумя странами можно предсказать маловероятность длительной войны между ними, причем сухопутную войну можно исключить, и любая война будет морской, быстрой и решительной,

и ее целью является захват восточно-Эгейских островов. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, членство двух стран в НАТО и членство Греции в Европейском союзе. Во-вторых, обе страны контролируют морской перекресток, имеющий большое значение для мировых держав, и любая война в этом регионе приведет к закрытию проливов Босфор и Дарданеллы. В-третьих, характер границы между двумя странами, который не позволяет ни одной из сторон быстро разрешить конфликт, поскольку Турция не может добраться до городских центров Афин, а Греция не может захватить Стамбул из-за плотности городского населения.

6. Греция работает над продвижением своих интересов на Кипре, сотрудничая с европейским союзом, укрепляя единство позиций с кипрским правительством и руководствуясь кипрским общественным мнением, не формируя четкой и последовательной стратегии решения кипрского вопроса, в то время как Турция усиливает свое присутствие на Кипре посредством гегемонии в соответствии с крупной стратегией, которая длится уже несколько десятилетий и её главной целью является присоединение Северного Кипра к Турции.

7. Турция и Греция всегда придерживаются дипломатического подхода к урегулированию кипрского дела между собой, при этом переговоры идут по замкнутому кругу и заканчиваются неудачей и на опыте было доказано, что кипрское дело как один из греко-турецких споров связано с другими спорными делами между двумя странами в рамках уравнения взаимного влияния. В то же время нельзя делать ставку на то, что улучшение греко-турецких отношений будет способствовать решению кипрского вопроса.

8. В обозримом будущем нельзя ожидать никакого решения кипрского вопроса, и наилучшим ожидаемым сценарием является соглашение об исключительных экономических зонах между Северным и греческим Кипром.

Список источников и литературы

1. Abu Al-Rous E. هل تحركات تركيا الخارجية "أيدولوجية" أم "جيوسياسية"؟ // Arabi21. 04.12.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://arabi21.com/story/1319546/%D9%87%D9%84-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%D9%83%D8%A7%D8%AA-%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A7-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A7%D8%B1%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%A3%D9%8A%D8%AF%D9%8A%D9%88%D9%84%D9%88%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%A3%D9%85-%D8%AC%D9%8A%D9%88%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D9%8A%D8%A9> (дата обращения: 21.03.2023)
2. Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. – Vol.59. – Iss. 4, pp. 629-652.
3. Adamczyk E. Russia, Egypt join in air defense exercise Arrow of Friendship. // UPI. October 30, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.upi.com/Defense-News/2019/10/30/Russia-Egypt-join-in-air-defense-exercise-Arrow-of-Friendship/5101572456838/> (accessed: 23.05.2021)
4. Adesnik D., Taleblu D., McMaster H. Burning Bridge: The Iranian Land Corridor to the Mediterranean // Foundation for Defense of Democracies. June 18, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.fdd.org/analysis/2019/06/18/burning-bridge/> (accessed: 18.05.2021)
5. Agbamu S. Mare Nostrum: Italy and the Mediterranean of Ancient Rome in the Twentieth and Twenty-First Centuries // Fascism. 2019. Vol. 8. Iss. 2. P. 250–274.
6. Agnantopoulos A. The Europeanization of National Foreign Policy: the Case of Greece // Paper at Garnet Conference on the European Union in International Affairs. Brussels, 22–24 April 2010. URL: <https://www.ies.be/files/Agnantopoulos%20Europeanisation.pdf>
7. Agostini F., Melcangi A., Caffio F., Cassardi P. Challenges for cooperation in the Mediterranean after the global pandemic. // Shared Awareness and Deconfliction in the

- Mediterranean SHADE MED. November 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.operationirini.eu/wp-content/uploads/2020/11/Booklet-of-Shade-Med-2020..pdf> (accessed: 20.05.2021)
8. Ahmed W. M. European Union and the Cyprus Question: The problem of Europe Cyprus Relations // Regional Studies Journal (RSJ). 2008. №5 (9). P. 201-216. (In Arabic)
9. Ahmed W. M. النزاع التركي - اليوناني على بحر ايجة في ضوء القانون الدولي للبحار // Regional Studies Journal (RSJ). 2007. №4 (7). P. 223-255.
10. Al-Kafarna A. A. الخيارات الاستراتيجية لتركيا إقليميا ودوليا // Humanities and social sciences studies. 2018. №4. P. 221-237.
11. Al-Rifai M. الصراعات المتعددة والمكاسب الاستراتيجية لتركيا.. // THE NEW ARAB. 30.11.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A7-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%B1%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D8%B9%D8%AF%D9%91%D8%AF%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%83%D8%A7%D8%B3%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9> (дата обращения: 04.03.2023)
12. Attinà F. Mediterranean Security Revisited. // Democracy and Security. – 2013. – Vol. 9. – Iss. 1-2, pp. 120-136.
13. Avar Y., Lin Y. C. Aegean Disputes Between Turkey and Greece: Turkish and Greek Claims and Motivations in the Framework of Legal and Political Perspectives // International Journal of Politics and Security. 2019. №1. P. 57-70.
14. Axt H. Troubled Water in the Eastern Mediterranean. Turkey Challenges Greece and Cyprus Regarding Energy Resources // Comparative Southeast European Studies. 2021. №69 (1). P. 133-152.
15. Ayadi R., Sessa C. What scenarios for the EuroMediterranean in 2030 in the wake of the Arab spring? // EMEA Policy Paper. February 2013. [Electronic resource] URL: <https://euromed-economists.org/download/what-scenarios-for-the-euro->

mediterranean-in-2030-in-the-wake-of-the-arab-

spring/?wpdmdl=2366&refresh=615483b3d9c441632928691 (accessed: 22.09.2021)

16. Aydin A., Kahraman A.-I. China and the East Mediterranean Sea disputes. // TRTWorld. July 4, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.trtworld.com/opinion/china-and-the-east-mediterranean-sea-disputes-27998> (accessed: 30.05.2021)

17. Aydıntaşbaş A., Barnes-Dacey J., Bianco C., Lovatt H., Megerisi T. Overview: Fear and loathing in the eastern Mediterranean // European Council on Foreign Relations. May 2020. [Electronic resource] URL: https://ecfr.eu/special/eastern_med (accessed: 19.05.2021)

18. Bagheri A. What is happening in the Mediterranean region? // Daily Sabah. September 11, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/what-is-happening-in-the-mediterranean-region> (accessed: 17.05.2021)

19. Bervari D. End of Lausanne Treaty, Truth or Myth? // ME-T Journal. 19.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.me-t.org/journal/en/issues-unraveled/End-of-Lausanne-Treaty-Truth-or-Myth> (дата обращения: 28.03.2023)

20. Bicchi F. The Mediterranean, between Unity and Fault Line // Global Affairs. 2018. Vol. 4. Iss. 2. P. 329–339.

21. Binder D. Greece, Turkey, and NATO // Mediterranean Quarterly. 2012. №23 (2). P. 95-106.

22. Black Sea Economic Cooperation // BSEC. 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bsec-organization.org/bsec-at-glance> (дата обращения: 06.03.2023)

23. Bowman J., Goult H. and Hunt D. "Cyprus". Encyclopedia Britannica. 2023. <https://www.britannica.com/place/Cyprus>. Accessed 19 February 2023.

24. Bryant R., Hatay M. Turkish Perceptions of Cyprus 1948 to the Present // PCC REPORT 1. 2015.

25. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997.

26. Buchanan A. American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
27. Bueger Ch., Edmunds T. Beyond seablindness: a new agenda for maritime security studies. // International Affairs. – 2017. – Vol. 93. – Iss. 6, pp. 1293-1311.
28. Butler D., Gumrukcu T. Turkey signs maritime boundaries deal with Libya amid exploration row. // Reuters. November 28, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-libya-idUSKBN1Y213I> (accessed: 05.06.2021)
29. Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp.195.
30. Cagatay G. Türkiye's oil imports down 6.81% in December 2022 // Anadolu Agency. 27.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/finance/turkiyes-oil-imports-down-681-in-december-2022/37597> (дата обращения: 23.03.2023)
31. Cetin S. Seville maritime territory map is illegitimate: Expert // Anadolu Agency. 24.09.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/seville-maritime-territory-map-is-illegitimate-expert/1983193> (дата обращения: 15.03.2023)
32. Cingoli J. The New Energy Resources in the Centre-East Mediterranean: Potential Current and Future Geo-Strategic Consequences // IAI Working Papers. 2016. №16 (32). P. 1-12.
33. Clarke C., Courtney W., Martin B., McClintock B. Russia Is Eyeing the Mediterranean. The U.S. and NATO Must Be Prepared // The Rand Blog. June 30, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.rand.org/blog/2020/06/russia-is-eyeing-the-mediterranean-the-us-and-nato.html>(accessed: 23.05.2021)
34. Cohen S. Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1973.
35. Cohen S. Geopolitics: The Geography of International Relations. Maryland: Rowman & Littlefield, 2015.

36. Constantinou C. M. Revising the Treaty of Guarantee for a Cyprus Settlement. // EJIL. 21.06.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.ejiltalk.org/revising-the-treaty-of-guarantee-for-a-cyprus-settlement/> (дата обращения: 20.02.2023)
37. Cristiani D. Making Sense of the Geopolitical Pluralisation of the Mediterranean. // IDEES, October 6, 2020. [Electronic resource] URL: <https://revistaidees.cat/en/making-sense-of-the-geopolitical-pluralisation-of-the-mediterranean/> (accessed: 27.09.2021)
38. Cunningham N. EastMed Gas Aggravates Regional Tensions. // The Fuse. January 15, 2020. [Electronic resource] URL: <https://energyfuse.org/eastmed-gas-aggravates-regional-tensions/> (accessed: 06.06.2021)
39. CYPRUS AND AEGEAN. GEOPOLITICAL OUTLOOK OF TURKEY: "TURKEY'S STRATEGIC DEPTH". Excerpts from Turkish Prime Minister Ahmet Davutoglu's book // [Электронный ресурс] URL: <https://piotita.gr/2016/01/24/%CE%BA%CF%85%CF%80%CF%81%CE%BF%CF%83-%CE%BA%CE%B1%CE%B9-%CE%B1%CE%B9%CE%B3%CE%B1%CE%B9%CE%BF-%CE%B3%CE%B5%CF%89%CF%80%CE%BF%CE%BB%CE%B9%CF%84%CE%B9%CE%BA%CE%B7-%CE%BF%CF%80%CF%84%CE%B9%CE%BA%CE%B7/> (дата обращения: 22.03.2023)
40. De Ville F., Reynaert V. The Euro-Mediterranean Free Trade Area: an Evaluation on the Eve of the (Missed) Deadline // L'Europe en Formation. 2010. № 356. P. 193–206.
41. Defense Cooperation Agreement between the United States of America and Greece/ October 5, 2019 // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/07/20-213-Greece-Defense-TIMS-62163.pdf>
42. Deniz B. Turkey and Greece: The Aegean disputes: a Unique Case in International Law. Routledge, 2004. 992 p.
43. Deriziotis A. The “Blue Homeland” and Erdoğan’s Rhetoric: State Doctrine or Populist Narrative? // Convergence and Confrontation: The Balkans and the Middle East in the 21st Century. 2021. pp. 9–32.

44. Dessi A. Europe and the Eastern Mediterranean: Navigating Complexity, Mitigating Conflict(s) and Fishing for Compromise. // In book: Eastern Mediterranean in Uncharted Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities, ed. M. Tanchum. - Ankara: Konrad Adenauer Stiftung, 2020, pp. 66-76.
45. Dodd C. The history and politics of the Cyprus conflict. Palgrave Macmillan London, 2010. 317 p.
46. Dodd, C. (2010). The History and Politics of the Cyprus Conflict. Springer. <https://doi.org/10.1057/9780230275287>
47. Dokos T., Tocci N., Palm A., Kasapoğlu C. Greek-Turkish Relations and the Cyprus dispute: impact on Turkey-EU scenarios // FEUTURE Online Paper No. 27. 2018.
48. Dorothée S. Towards an energy revolution in the eastern mediterranean: any positive effect for the EU? // CIES. 2013. №13.
49. Douglas W. European Disintegration? The Politics of Crisis in the European Union // Red Globe Press. 2018.
50. Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019 // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1102/text>
51. EASTMED. URL: <https://www.eastmed.gr/>
52. Edelman E. Trump's Capitulation to Erdogan Destroys U.S. Credibility // Foreign Policy. October 8, 2019. [Electronic resource] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/10/08/trumps-capitulation-erdogan-turkey-syria-kurds-destroys-us-credibility/> (accessed: 17.05.2021)
53. Edelman E., Erdemir A. American Interests in the Eastern Mediterranean // Foundation for Defense of Democracies. December 15, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.fdd.org/analysis/2020/12/15/defending-forward-american-interests-in-the-eastern-mediterranean/#easy-footnote-bottom-4-112921> (accessed: 18.05.2021)
54. Egypt at Heart of East Med Export Plans. // Energy Intelligence. September 30, 2020. [Electronic resource] URL:

https://www.energyintel.com/pages/eig_article.aspx?DocId=1085459 (accessed: 04.06.2021)

55. Egyptian, Greek Naval Forces Conduct Joint Drills // State Information Service, Arab Republic of Egypt. January 29, 2021. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/154008/Egyptian,-Greek-naval-forces-conduct-joint-drills/?lang=en-us>

56. Ehteshami A., Huber D., Paciello C. The Mediterranean Reset: Geopolitics in a New Age. Durham: Global Policy, 2017.

57. Ehteshami A., Mohammadi A. The Key Powers' Construction of the Mediterranean // Medreset Policy Papers. 2017. Vol 2. Iss. 1. P. 2–20.

58. Ekman A. China in the Mediterranean: An Emerging Presence. // Notes de l'Ifri, February 2018. [Electronic resource] URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_mediterranean_2018_v2.pdf (accessed: 26.05.2021)

59. Ellis, R. Cyprus: A political graveyard revisited. 2022. Ahval. <https://ahvalnews.com/turkey-cyprus/cyprus-political-graveyard-revisited#>

60. Embassy of the Republic of Cyprus to the Hague. 10.02.2023. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.cy/mfa/Embassies/embassy_thehague.nsf/ecsw19_en/ecsw19_en?OpenDocument (дата обращения: 20.02.2023)

61. Ersin Tatar, Kuzey Kıbrıs Cumhurbaşkanı seçildi. // BBC NEWS. 19.10. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-54589565> (дата обращения: 21.02.2023)

62. EuroAfrica at a glance // EuroAfrica Interconnector. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euroafrica-interconnector.com/at-glance/> (дата обращения: 24.03.2023)

63. EuroAfrica Interconnector. URL: <https://www.euroafrica-interconnector.com/at-glance/>

64. EuroAsia at a glance // EuroAsia interconnector. [Электронный ресурс] URL: <https://euroasia-interconnector.com/at-glance/> (дата обращения: 24.03.2023)

65. EuroAsia interconnector. URL: <https://euroasia-interconnector.com/at-glance/>
66. Fakiolas E. Greece in the New Balkans: A Neo-Realist Approach // *European Security*. 1997. Vol. 6. Iss. 4. P. 130–156.
67. Fogu C. From Mare Nostrum to Mare Aliorum: Mediterranean Theory and Mediterraneism in Contemporary Italian Thought // *California Italian Studies Journal*. 2010. Vol. 1. Iss. 1.
68. Foy H. Russia to invest \$500m in Syrian port of Tartus // *Financial Times*. December 17, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.ft.com/content/f52bdde6-20cc-11ea-b8a1-584213ee7b2b> (accessed: 23.05.2021)
69. France Joins Military Exercises in East Mediterranean // *Reuters*. August 26, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-greece-france-idUSKBN25M0UF>
70. Gale A. Greece Vs Turkey: The Military Balance in the Aegean // *GreekReporter*. 26.11.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://greekreporter.com/2022/11/26/greece-turkey-military-balance-aegean/#:~:text=Turkey%20has%20a%20much%20larger,of%20220%2C500%20personnel%20versus%20200%2C000>. (дата обращения: 25.02.2023)
71. Gebeily M., Lubell M. Israel, Lebanon finalise maritime demarcation deal without mutual recognition // *Reuters*. 27.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/lebanon-israel-set-approve-maritime-border-deal-2022-10-27/> (дата обращения: 08.03.2023)
72. Germond B., Grove E. Maritime Security in the Mediterranean European and Transatlantic Approaches. // *The German Marshall Fund of the United States Mediterranean Paper Series*, 2010. [Electronic resource] URL: https://www.iai.it/sites/default/files/mediterranean-paper_03.pdf (accessed: 26.09.2021)
73. Global trends to 2030: challenges and choices for Europe. // *An Inter-Institutional EU project*. April, 2019. [Electronic resource] URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/ESPAS_Report.pdf (accessed: 22.09.2021)

74. Graceffa Ch. The Mediterranean basin: a single security complex. // [Electronic resource] URL: <https://www.unict.it/sites/default/files/files/graceffa.pdf> (accessed: 28.09.2021)
75. Greece and the UAE Sign Mutual Defence Pact // NewEurope. November 24, 2020. URL: <https://www.neweurope.eu/article/greece-and-the-uae-sign-mutual-defence-pact/>
76. Greece Ratifies Major Military Expansion with US // Greek City Times. January 31, 2020. URL: <https://greekcitytimes.com/2020/01/31/greece-ratifies-major-military-expansion-with-us/>
77. Greece, Cyprus, Israel Sign EastMed Gas Pipeline Deal To Ease Reliance On Russia // Radio Free Europe. URL: <https://www.rferl.org/a/greece-cyprus-israel-eastmed-gas-pipeline-russia-ukraine/30358166.html>
78. Greece, Cyprus, Israel, and US Join to Promote Peace and Stability in Eastern Mediterranean // Greek City Times. March 21, 2019. URL: <https://greekcitytimes.com/2019/03/21/greece-cyprus-israel-and-us-join-to-promote-peace-and-stability-in-eastern-mediterranean/>
79. Greek Cypriot Properties. // Ministry of Foreign Affairs,
80. Greek PM to meet President Erdogan in Turkey on March 13 // Reuters. 08.03.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/greek-pm-meet-turkish-president-erdogan-turkey-march-13-2022-03-08/> (дата обращения: 16.03.2023)
81. GREEK-TURKISH GAS COOPERATION. Atlantic Council – Energy and Economic Summit. Istanbul, Turkey – November 18 - 20, 2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.iaee.org/documents/2015/Joint_Hub_GKrev_KAGK.pdf (дата обращения: 28.03.2023)
82. Grigoriadis I. N. Cyprus Negotiations Thwarted by Issues on Security and Guarantees. How Can the Peace Process Be Revived?. 2017.
83. Guasconi M.E. Europe and the Mediterranean in the 1970s. The Setting Up of the Euro-Arab Dialogue // Les cahiers Irice. 2013. Vol. 1. Iss. 10. P. 163–175.

84. Gültekin B. Cyprus talks cannot last forever: Turkish Cypriot PM. // *Hürriyet Daily News*. 16.11.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/cyprus-talks-cannot-last-forever-turkish-cypriot-pm-148742> (дата обращения: 21.02.2023)
85. Hamed N. تجاوز الاقليمية: شبكات المصالح الاقتصادية في منطقة الشرق الأوسط // *Al Siyassa Al Dawliya*. 2012. Vol. 48, No. 189, pp. 82 - 87.
86. Hameedy I. N. Water Problems between Turkey, Bulgaria and Greece 1954-2015. Mareej River as a Model // *Journal of Tikrit University for Humanities*. 2020. №27 (4). P. 195-219. (In Arabic)
87. Hamid A. القضية القبرصية والصراع التركي – اليوناني في ظل الموقف الدولي ١٩٩٤-١٩٦٠ (دراسة تاريخية) // *Journal of Babylon Center for Humanities Studies*. 2016. №6 (1). P. 81-103.
88. Hasan S. نظام اردوغان ينشر خريطة اطماعه.. من الشرق الأوسط إلى آسيا الوسطى وأوروبا // *ALBAATH Newspaper*. 13.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <http://newspaper.albaathmedia.sy/2021/02/13/%d9%86%d8%b8%d8%a7%d9%85-%d8%a3%d8%b1%d8%af%d9%88%d8%ba%d8%a7%d9%86-%d9%8a%d9%86%d8%b4%d8%b1-%d8%ae%d8%b1%d9%8a%d8%b7%d8%a9-%d8%a3%d8%b7%d9%85%d8%a7%d8%b9%d9%87-%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b4%d8%b1/> (дата обращения: 05.03.2023)
89. Hatay M., Tziarras Z. Kinship and Diasporas in Turkish Foreign Policy: Examples from Europe, the Middle East and Eastern Mediterranean. Peace Research Institute Oslo (PRIO), 2019.
90. Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gr/en/index.html>
91. Heraclides A., Çakmak G. Greece and Turkey in Conflict and Cooperation From Europeanization to De-Europeanization. Routledge, 2019. 328 p.
92. Heraclides, A., & Alioğlu Çakmak, G. (Eds.). (2019). Greece and Turkey in Conflict and Cooperation: From Europeanization to De-Europeanization (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203732151>

93. Historical Overview. 2006. Ministry of Foreign Affairs. Embassy of the Republic of Cyprus in Vienna. http://www.mfa.gov.cy/mfa/Embassies/Embassy_Vienna/vienna.nsf/page71_en/page71_en?OpenDocument&print
94. Holmila A. Re-thinking Nicholas J. Spykman: from Historical Sociology to Balance of Power // *The International History Review*. 2020. Vol. 42. Iss. 5. P. 951–966.
95. Huber D., Paciello M.C. A Comprehensive, Integrated, and Bottom-up Approach // *Medreset Methodology and Concept Papers*. 2016. № 1. P. 2–21.
96. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. London: Simon & Schuster, 2011.
97. Hussein A., Coskun O. Turkey opens military base in Mogadishu to train Somali soldiers // Reuters. 30.09.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-somalia-turkey-military-idUSKCN1C50JH> (дата обращения: 06.03.2023)
98. Ibrahim S. Future Visions of the Arab Middle East // *Security Dialogue*. 1996. Vol. 27. Iss. 4. P. 425–436.
99. IEA (International Energy Agency). “Energy Security” IEA Energy Technology Systems Analysis Programme. Paris. 2014. <http://www.iea.org/topics/energysecurity/>
100. Interview with Arsene Tatar - President of the Republic of Northern Cyprus. // *Almayadeen*. 21.07.2022. [Электронный ресурс] URL: <http://tiny.cc/gnj4vz> (дата обращения: 20.02.2023)
101. Israel, Greece and Cyprus Agree to Boost Defense Cooperation // *The Times of Israel*. November 13, 2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-greece-and-cyprus-agree-to-boost-defense-cooperation/>
102. Israel, Greece Sign Status of Forces Agreement // *The Jerusalem Post*. July 19, 2015. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israel-Greece-sign-status-of-forces-agreement-409492>
103. Jabbour J. تركيا: دبلوماسية القوة الناهضة. Arab Center for Research and Policy Studies, 2019. 383 p.

104. Jansen Ch. The Formation of German Nationalism, 1740–1850 // The Oxford Handbook of Modern German History /ed. by H. Smith. September 2011.
105. Kaddorah E. Conservative Democracy and the Future of Turkish Secularism // Arab Center for Research and Policy Studies. 2015.
106. Kalkan E. The longstanding dispute between Turkey and Greece: the Aegean issue // Uluslararası İktisadi ve İdari İncelemeler Dergisi. 2020. №28. P. 167-174.
107. Kapçı, H. Z. (2014). Kıbrıs Sorununun Çözümünde Nihat Erim Raporu . Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi , 14 (29) , 353-375. <https://dergipark.org.tr/en/pub/cttad/issue/25531/269332>
108. Karbuz S. Geostrategic Importance of East Mediterranean Gas Resources. In: Dorsman A., Ediger V., Karan M. (eds) Energy Economy, Finance and Geostrategy. Springer, Cham. 2018.
109. Kaya, K. Book Review: A Look Back and Forward at Turkey's "Strategic Depth" Foreign Policy Doctrine. 2022. The Foreign Military Studies Office (FMSO). <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmso/m/fmso-monographs/309386/download>
110. Khouri R. Spring or Revolution? // Agence Clobal, 17 August 2011. [Electronic resource] URL: <http://agenceglobal.com/index.php?show=article&Tid=2618> (accessed: 11.09.2021)
111. Kokkinidis T. Greece – Turkey Conflicts in Modern History // GreekReporter. 13.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://greekreporter.com/2022/10/13/greece-turkey-conflict/> (дата обращения: 20.03.2023)
112. köni H., Özdemir G. 11 years of Justice and Development Party government: facts and prospects // BJSS Balkan Journal of Social Sciences. 2014. T. 3. № 6. pp. 76–96
113. Kontonis C. Balkan Co-operation 1974–2004: Thirty years of Greece's Balkan Regional Policy // Thirty Years of Greek Foreign Policy, 1974–2004 by K. Arvanitopoulos, M. Koppa. Athens: Livanis, 2005. P. 32–46.
114. Korany B. The East Mediterranean: Decoding The (In)Security Complex. // A Geopolitical Sea: The New Scramble for The Mediterranean. ISPI Dossier. July 17,

2020. [Electronic resource] URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/isp_i_dossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 28.09.2021)
115. Koukis T., Kelman I., Ganapati N. Greece–Turkey disaster diplomacy from disaster risk reduction // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2016. P. 24-32. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.03.004>.
116. Koutantou A. Greece's sole LNG terminal ramps up imports to replace Russian gas // *REUTERS*. 23.09.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/business/energy/greeces-sole-lng-terminal-ramps-up-imports-replace-russian-gas-2022-09-23/> (дата обращения: 24.03.2023)
117. Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton University Press, 1980. 536 p.
118. Leimbach D. Can Jane Holl Lute, a New UN Envoy, Work a Miracle on Cyprus? // *PassBlue*. 21.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.passblue.com/2018/08/21/can-jane-holl-lute-a-new-un-envoy-work-a-miracle-on-cyprus/> (дата обращения: 20.02.2023)
119. Lesser I. *Mediterranean Security. New Perspectives and Implications for U.S. Policy*. // RAND Corporation Report, 1992. [Electronic resource] URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2008/R4178.pdf> (accessed: 11.09.2021)
120. Lesser I., Brandsma Ch., Basagni L. *The Future of NATO’s Mediterranean Dialogue*. // *The German Marshall Fund of the United States Report*. June, 2018. [Electronic resource] URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180720_180713-GMF-future-med-dialog.pdf (accessed: 24.09.2021)
121. Loengarov, A. *Between Maritime Law and Politics in the East Mediterranean* // *The Washington Institute for Near East Policy*. 2022. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/between-maritime-law-and-politics-east-mediterranean>

122. Mackinder H. *Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction* / ed. by St. Mladineo. Washington: NDU Press, 1942.
123. Mackinder H. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. Iss. 4. P. 421–444.
124. Marghélis A. *War in Ukraine: what are the Stakes for Greece?* // *INSTITUT FMES*. 2022.
125. McGregor A. *How Does Russia Fit into Egypt's Strategic Plan?* // *The Jamestown Foundation*. February 14, 2018. [Electronic resource] URL: <https://jamestown.org/program/russia-fit-egypts-strategic-plan/> (accessed: 23.05.2021)
126. Mejdini F. *Chinese Buy Rights to Oil Fields in Albania*. // *BalkanInsight*. March 21, 2016. [Electronic resource] URL: <https://balkaninsight.com/2016/03/21/chinese-company-to-take-over-oil-fields-of-albania-03-21-2016/> (accessed: 29.05.2021)
127. Merrill D. *The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity* // *Presidential Studies Quarterly*. – 2006. – Vol. 36. – Iss. 1, pp. 27-37.
128. Michalopoulos S. *Ukraine war revives EastMed gas pipe talks but EU insists on feasibility* // *EURACTIV and EURACTIV Greece*. 05.04.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/ukraine-war-revives-eastmed-gas-pipe-talks-but-eu-insists-on-feasibility/> (дата обращения: 28.03.2023)
129. *Migration Minister: Greece Will Not Become a Gateway for Illegal Migration*. // *Schengenvisainfo News*. August 24, 2021. URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/migration-minister-greece-will-not-become-a-gateway-for-illegal-migration/>
130. *Ministry of Foreign Affairs Announcement on the Appointment of a Special Envoy for Syria* // *Ministère grec des Affaires étrangères*. May 5, 2020. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/ministry-of-foreign-affairs-announcement-on-the-appointment-of-special-envoy-for-syria.html>
131. Mirza A. *Turkey's African outreach* // *Punjab Today TV*. 28.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.punjabtodaytv.com/english/african/> (дата обращения: 08.03.2023)

132. Mohamed Qutb M. M. The Turkish-Greek dispute over the continental shelf in the Aegean Sea (1963-1982 AD) // Journal of Middle East research. 2022. №10 (81). P. 111-186. (In Arabic)
133. Murdock H. Turkey Opens First Mideast Military Base in Qatar // Voice of America (VOA). 10.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/a/turkey-opens-first-middle-east-military-base-in-qatar/3323653.html> (дата обращения: 06.03.2023)
134. Nebehay S., Kambas M., and Gumrukcu T. U.N.'s Guterres says common ground elusive in Cyprus talks. // Reuters. 29.04.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/uns-guterres-says-common-ground-still-elusive-cyprus-talks-2021-04-29/> (дата обращения: 21.02.2023)
135. Omar Y. H. التاريخ السياسي الحديث والمعاصر (1923-2018). Arab Center for Research and Policy Studies, 2021. 992 p.
136. Onis D. معضلة الأخلاق والمصالح في السياسة الخارجية التركية // Rouya Turkiyyah. 2012. Volume 1, Issue 3.
137. Open Society Foundation and the British Council, Turkey in Europe: Breaking the Vicious Circle // Second Report of the Independent Commission on Turkey London. 2009. URL: http://www.independentcommissiononturkey.org/pdfs/2009_english.pdf
138. Ortolland, D. The Greco-Turkish dispute over the Aegean Sea: a possible solution? // Défense nationale et sécurité collective. 2009. <https://www.diploweb.com/The-Greco-Turkish-dispute-over-the.html>
139. Osiander A. Relations and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. Iss. 1.
140. Ozberk T. Turkish Navy Kicked Off BLUE HOMELAND-2021 Large Scale Exercise // NAVAL NEWS. 28.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2021/02/turkish-navy-kicked-off-blue-homeland-2021-large-scale-exercise/> (дата обращения: 08.03.2023)
141. Papadakis K. The Greece-Turkey dispute in the Aegean and the ICJ sea border delimitation case of Ukraine Romania: similarities and differences in a comparative

- perspective // European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2018. 7(3). 36-46. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-58357-2>
142. Papadimitriou J. EastMed Gas Pipeline Flowing Full of Troubling Questions // Deutsche Welle. January 2, 2020. URL: <https://www.dw.com/en/eastmed-gas-pipeline-flowing-full-of-troubling-questions/a-51871424>
143. Papastavridis E. The Greek-Turkish Maritime Disputes: An International Law Perspective. // ELIAMEP. Policy paper № 36. July 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.eliamep.gr/en/publication/%CE%BF%CE%B9-%CE%B5%CE%BB%CE%BB%CE%B7%CE%BD%CE%BF%CF%84%CE%BF%CF%85%CF%81%CE%BA%CE%B9%CE%BA%CE%AD%CF%82-%CE%B4%CE%B9%CE%B1%CF%86%CE%BF%CF%81%CE%AD%CF%82-%CF%83%CF%84%CE%BF-%CE%B8%CE%B1%CE%BB%CE%AC/> (accessed: 30.05.2021)
144. Philia Forum a ‘bridge’ between Europe, Mideast: Greek Official // Arab News. February 19, 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1811096/middle-east>
145. Pierini M. New Power Struggles in the Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace, July 30, 2020. [Electronic resource] URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/07/30/new-power-struggles-in-mediterranean-pub-82403> (accessed: 04.06.2021)
146. Piqueres S. Taking the EU out of the EastMed Pipeline Quagmire // European Policy Centre. September 17, 2020. URL: https://www.epc.eu/content/publications/EastMed_pipeline_SLP_PB.pdf
147. Prontera A., Ruszel M. Energy Security in the Eastern Mediterranean // Middle East Policy. 2017. Vol. 24. Iss. 3/ P. 145–162.
148. Rapoza K. Albania Becomes Latest China Magnet. // Forbes, June 13, 2016. [Electronic resource] URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/06/13/albania-becomes-latest-china-magnet/?sh=471175772490> (accessed: 27.05.2021)
149. Rappas A. Cyprus in the 1930s: British Colonial Rule and the Roots of the Cyprus Conflict // Diplomacy & Statecraft. 2014. №26 (1). P. 188–189.

150. Rawad T. Ending 'Turkish occupation' of Cyprus is a priority: Greek PM. // Al Arabiya English. 08.02.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2021/02/08/Ending-Turkish-occupation-of-Cyprus-is-a-priority-Greek-PM> (дата обращения: 20.02.2023)
151. Relations between Türkiye and Greece // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-greece.en.mfa> (дата обращения: 15.03.2023)
152. Republic of Cyprus Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.cy/>
153. Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/default.en.mfa>
154. Reuters Staff. TIMELINE-Key events in Cyprus. 2008. Reuters. <https://www.reuters.com/article/uk-cyprus-talks-events/timeline-key-events-in-cyprus-idUKL2145987820080321>
155. Riegel Y., Tardy D. Tensions and Cooperation in the Mediterranean. // Strategic Watch - Final Report. September 2020 - February 2021. [Electronic resource] URL: <https://f-origin.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/4512/files/2021/03/Final-Report-Mediterranean-RIEGEL-TARDY.pdf> (accessed: 23.05.2021)
156. Rubin A., Eiran E. Regional Maritime Security in the Eastern Mediterranean: Expectations and Reality. //International Affairs. – 2019. – Vol. 95. – Iss. 5, pp. 979-997.
157. Rumer E. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None // Carnegie Endowment for International Peace. October 31, 2019. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (accessed: 17.05.2021)
158. Rumer E., Sokolsky R. Russia in the Mediterranean: Here to Stay. // Carnegie Endowment for International Peace. May 21, 2021. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/27/russia-in-mediterranean-here-to-stay-pub-84605> (accessed: 23.10.2021)

159. Salt A. American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II (Book Review) by Andrew Buchanan // Canadian Military History. 2018. Vol. 27. Iss. 2. P. 34–37.
160. Sartori N. The Mediterranean Energy Relations after the Arab Spring: Towards a New Regional Paradigm? // Cahiers de la Méditerranée. - 2014. - Vol. 89. – Iss. 2, pp. 145-157.
161. Savrun E. From Sykes-Picot to Present. The Centenary Aim of The Zionism on Syria and Iraq. // International Journal of Humanities and Education. - 2017. - Vol 68. - Iss. 1, pp. 64-95.
162. Schuster K. Who is for or against Turkish EU accession? // DW POLITICS. 09.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/en/turkey-eu-relations-which-countries-are-for-or-against-turkish-accession/a-40381533> (дата обращения: 20.02.2023)
163. Security challenges in the Mediterranean. Speech by Mr. François Delattre, Permanent Representative of France to the United Nations. // Security Council, 17 November 2017. [Electronic resource] URL: <https://onu.delegfrance.org/Security-in-the-Mediterranean-multifaceted-challenges> (accessed: 17.09.2021)
164. Semanić H. Controversial Chinese motorway the largest Montenegrin project since independence. // European Western Balkans. April 16, 2019. [Electronic resource] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/04/16/controversial-chinese-motorway-largest-montenegrin-project-since-independence/> (accessed: 26.05.2021)
165. Shaker B., Amarat F. The Turkish-Greek Conflict in the Eastern Mediterranean and the Role of Regional Parties // Tikrit Journal for Political Science. 2021. 24. P. 370-395.
166. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign And Security Policy, June 2016. // [Electronic resource] URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 25.09.2021)
167. Silenko M. Le Pirée a pris la tête en Méditerranée en 2019 // Le Journal de la Marine Marchande. May 26, 2020. URL:

<https://www.journalmarinemarchande.eu/actualite/portuaire/le-piree-a-pris-la-tete-en-mediterranee-en-2019>

168. Smith H. Greece puts men accused over Turkey coup attempt under armed guard. // The Guardian. 10.06.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/10/greece-eight-commandos-accused-turkey-coup-armed-guard> (дата обращения: 20.02.2023)

169. Smith H. Post-Covid Tourism Hopes Buoyed by Deal between Greece, Cyprus and Israel // The Guardian. February 15, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/15/post-covid-tourism-hopes-buoyed-by-deal-between-greece-cyprus-and-israel>

170. Spotlight on: Under-secretary-general Jane Holl Lute. // Code Blue. [Электронный ресурс] URL: <https://www.codebluecampaign.com/spotlight-jhl> (дата обращения: 20.02.2023)

171. Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942.

172. Stamouli N. Turkey renews threat of war over Greek territorial sea dispute // POLITICO. 29.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.politico.eu/article/turkey-mevlut-cavusoglu-threat-war-greece-territorial-sea-dispute/> (дата обращения: 23.09.2024)

173. Stearns M. Greek Security Issues // The Greek Paradox: Promise vs. performance / ed. by T. Allison, K. Nicolaidis. Cambridge: The MIT Press, 1997. P. 61–72.

174. Stocker J. Putting out to Sea: what the history of Lebanese-Israeli negotiations can tell us about current negotiations over a Maritime boundary. // War on the Rocks. November 12, 2020. [Electronic resource] URL: <https://warontherocks.com/2020/11/putting-out-to-sea-what-the-history-of-lebanese-israeli-negotiations-can-tell-us-about-current-negotiations-over-a-maritime-boundary/> (accessed: 02.06.2021)

175. Sumida J. Alfred Thayer Mahan, Geopolitician // Journal of Strategic Studies. 1999. Vol. 22. Iss. 3. P. 39–62.

176. Syrian Parliament Demands Return of Iskenderun to “its Rightful Owners” // KEGHART. 10.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://keghart.org/nscwm-syrian-parliament-iskenderun/> (дата обращения: 08.03.2023)
177. Tagaris K. Greece says EU not ready for New Migrant Crisis as Afghan Conflict Grows // Reuters. August 11, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/greece-says-eu-not-ready-new-migration-crisis-2021-08-11/>
178. Tahiroglu M., Edelman E. Erdogan’s Rising Islamist Militarism. // The Washington Examiner. March 6, 2018. [Electronic resource] URL: <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/erdogans-rising-islamist-militarism> (accessed: 18.05.2021)
179. Tanchum M. Italy and Turkey’s Europe-to-Africa Commercial Corridor: Rome and Ankara’s Geopolitical Symbiosis Is Creating a New Mediterranean Strategic Paradigm // Austria Institut für Europa und Sicherheitspolitik. October 2020. URL: <https://www.aies.at/download/2020/AIES-Fokus-2020-10.pdf>
180. Tarhan M. Turkey, Greece to begin new round of exploratory talks // Anadolu Agency. 25.01.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-greece-to-begin-new-round-of-exploratory-talks/2121141>(дата обращения: 16.03.2023)
181. Taufer M. The Evolution of Maritime Security in the Mediterranean Sea. // Strategic Studies. – 2015. – Vol. 35. – Iss. 4, pp. 45-60.
182. Tertrais B. Whose Sea? Untangling the Eastern Mediterranean Great Game. // Institut Montaigne. October 8, 2020. [Electronic resource] URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/whose-sea-untangling-eastern-mediterranean-great-game> (accessed: 08.06.2021)
183. Tesch N. Nicos Anastasiades. // Encyclopedia Britannica. 03.02.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Nicos-Anastasiades> (дата обращения: 20.02.2023)

184. The "Mavi Vatan" (Blue Homeland) as Turkey's official doctrine // Hellenic Republic - Ministry of Foreign Affairs. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/images/docs/maps/en/map8.pdf> (дата обращения: 25.02.2023)
185. The Cyprus Issue. // Hellenic Republic - Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/en/the-cyprus-issue/> (дата обращения: 20.02.2023)
186. The Economist Intelligence (EIU). Democracy Index 2022. 2023.
187. The Italian strategy in the Mediterranean. Stabilising the crises and building a positive agenda for the region. // Farnesina: Rome MED – Mediterranean Dialogues, 2017. [Electronic resource] URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maesi-eng.pdf> (accessed: 23.05.2021)
188. The Libya-Turkey Memorandum of Understanding: Local and Regional Repercussions // Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS). 02.01.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-libya-turkey-memorandum-of-understanding-local-and-regional-repercussions/> (дата обращения: 08.03.2023)
189. Tlili M., Imagining a new Mediterranean world. // Project Syndicate. March 15, 2011. [Electronic resource] URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imagining-a-new-mediterranean-world?barrier=accesspaylog> (accessed: 27.10.2021)
190. Tocci N. State (un)Sustainability in the Southern Mediterranean and Scenarios to 2030: The EU's response. // EMEA Policy Paper. February 2013. [Electronic resource] URL: <https://euromed-economists.org/download/state-unsustainability-in-the-southern-mediterranean-and-scenarios-to-2030-the-eus-response/?wpdmdl=2356&refresh=6154b04f9f2e41632940111> (accessed: 22.09.2021)
191. Torbakov I. Turkey and Post-Soviet Eurasia: Seeking a Regional Power Status // JSTOR. Insight Turkey. 2005. 7(2), pp. 115–127.
192. TRADING ECONOMICS. URL: <https://tradingeconomics.com/indicators>
193. Treaty of Guarantee // United Nations Peacemaker. 16.08.1960. [Электронный ресурс] URL: <https://peacemaker.un.org/cyprus-greece-turkey-1960>

guarantee60#:~:text=Summary%3A,or%20partition%20of%20the%20Island. (дата обращения: 24.02.2023)

194. Turkey Crude Oil Imports (I:TCOI) // YCHARTS. [Электронный ресурс] URL: https://ycharts.com/indicators/turkey_crude_oil_imports (дата обращения: 23.03.2023)

195. Turkey Natural Gas Imports // TRADING ECONOMICS. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/natural-gas-imports> (дата обращения: 23.03.2023)

196. Turkey Out – Greece // As Turkey Rattles its Saber at Israel, the Jewish State Signs a Security Deal with its Neighbor, Greece // Israel National News. September 4, 2011. URL: <https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/147529>

197. Turkish Foreign Policy During Ataturk's Era. // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-aturks-era.en.mfa> (дата обращения: 21.02.2023)

198. Turkish official reiterates claims about potential gas discoveries off Cyprus. 2022. Kathimerini. <https://www.ekathimerini.com/news/1201064/turkish-official-reiterates-claims-about-potential-gas-discoveries-off-cyprus/>. Accessed 20 February 2023

199. Türkiye-Africa relations // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-africa-relations.en.mfa> (дата обращения: 08.03.2023)

200. Ullman R. Redefining Security // International Security. 1983. Vol. 8, № 1. pp. 129-153.

https://is.muni.cz/el/1423/jaro2017/BSS177/um/Ullman_Redefining_Security.pdf

201. Umut U. Glorification of the Past as a Political Tool: Ottoman history in contemporary Turkish politics // The Journal of the Middle East and Africa. 2018. 9:4. pp. 339-357. DOI: 10.1080/21520844.2018.1539063

202. United Nations Convention on the Law of the Sea on 10 December 1982. // Official site UN. [Electronic resource] URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (accessed: 30.05.2021)

203. Vamvakas P. Global Stability and the Geopolitical Vortex of the Eastern Mediterranean // Eastern Mediterranean Geopolitical Review. 2015. Vol. 1. Iss. 1. P. 44–60.
204. Vandiver J. Russia launches air defense drills in Egypt in sign of growing influence in region. // Stars and Stripes. October 30, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.stripes.com/news/russia-launches-air-defense-drills-in-egypt-in-sign-of-growing-influence-in-region-1.605202> (accessed: 23.05.2021)
205. Walker, A. M. (1984). Enosis in Cyprus: Dhali, a Case Study. Middle East Journal, 38(3), 474–494. <http://www.jstor.org/stable/4326858>
206. Wallerstein I. World-Systems Analysis // World System History / ed. G. Modelski, in Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS), Developed under the Auspices of the UNESCO, Eolss Publishers. Oxford, UK. URL: <http://www.eolss.net>
207. Walt S. It's Greek to Me // Foreign Policy. 30 April 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/04/30/its-greek-to-me/>
208. World Energy Council: Greece Member Committee: Hellenic National Committee of WEC // Worldenergy, 2019. URL: <https://www.worldenergy.org/impact-communities/members/entry/greece>
209. World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>
210. World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>
211. World Population Review. Cyprus - General Info. <https://worldpopulationreview.com/countries/cyprus-population>
212. Wright G. Greek Cypriot leaders reject Annan plan // The Guardian. 2004.
213. Written Statement of the Minister of Foreign Affairs, Nikos Dendias, Following the Videoconference of the First Ministerial Meeting of the International Coalition for the Sahel // Greek foreign office. June 12, 2020. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/written-statement-of-the-minister-of-foreign-affairs-nikos-dendias-following-the-videoconference-of-the-first-ministerial-meeting-of-the-international-coalition-for-the-sahel-12-june-2020.html>

214. Xi Jinping Welcomes Greece to Join China-CEEC Cooperation // China Global Television Network. November 5, 2019. URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-11-04/President-Xi-meets-with-Greek-PM-Mitsotakis-LIMofUYGk0/index.html>
215. Yahchouchi R. Maritime Security in the Mediterranean Sea. eciphering the Security Puzzle. // Konrad-Adenauer-Stiftung, 2021. [Electronic resource] URL: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Maritime+Security+Med+Sea+Final+Design+Ant+Agency.pdf/29ea922c-7999-3e1a-c970-dc056219b40b?version=1.0&t=1631865566647> (accessed: 14.09.2021)
216. YCHARTS. URL: <https://ycharts.com/indicators>
217. Αλέξανδρος Δρίβας. Ελλάδα και Κύπρος είναι σε στρατηγικό επίπεδο το ένα και το αυτό // Ethnos. 31.07.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ethnos.gr/opinions/article/117973/elladakaikyproseinaisestrathgikoeripedo-toenakaitoayto> (дата обращения: 21.02.2023)
218. Η Στρατηγική Εθνικής Ασφαλείας της Ελλάδας, θα εκπονηθεί απ' τον Ντόκο (The National Security Strategy of Greece will be prepared by Doko) // Defence Point. URL: <https://www.defence-point.gr/news/i-stratigiki-ethnikis-asfaleias-tis-elladas-tha-ekronithei-ap-ton-ntoko>
219. Аванесян М. Г., Давтян В. С. Геостратегия Турции на большом ближнем востоке: трансформации и новые вызовы // PARADIGMATA POZNANI. 2020. № 2. С. 48-55.
220. Аванесян М. Г., Давтян В. С. Геоэкономическая стратегия логистической политики Турции в восточносредиземноморском пространстве // Постсоветский материк. 2022. №3 (35). С. 57-64.
221. Аватков В. А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №2. С. 181-186.
222. Аватков В. А., Доманов А. О. Военно-политические отношения в треугольнике США-Турция-Франция: 2009-2012 гг. // Сравнительная политика. 2013. №1 (11). С. 64-72.
223. Агазде М. М. Политика Турции в восточном средиземноморье // Потемкинские Чтения. Сборник материалов V Международной научной

конференции. Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2021. С. 95-96.

224. Агазаде М. М., Павлова П. М., Николова Г. А. Большое средиземноморье как комплекс безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. №3. С. 117-122.

225. Антонова И. А. О современной роли и позиции Греции в кипрском урегулировании // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. №1. С. 57-62.

226. Асоян А. А. Древние цивилизации в глобальном мире. Египет и Греция // Вестник культурологии. 2018. №1 (84). С. 26-54.

227. Атрашкевич А. Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999-2017 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. №4. С. 675-689.

228. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва: Аспект Пресс. – 2023.

229. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3: События. Политика. Люди. М., 2018.

230. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.

231. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002.

232. Буткевичус В.А. Изменение международной ситуации вследствие «арабской весны» // Дневник науки. – 2018. – № 2, с. 5-11.

233. В Греции прошла церемония закладки плавучей станции для хранения СПГ из США // ИА Красная Весна. 03.05.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f813f662> (дата обращения: 24.03.2023)

234. В шаге от войны? К чему могут привести взрывы пейджером в Ливане // Информационное агентство России ТАСС. Официальный портал. 20.09.2024.

- [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21915073>
(дата обращения: 23.09.2024)
235. Гайдаева Ю. Ю. Турция: идеология и политика будущего. Нео-оттоманизм или кемализм // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. №2. С. 116-120.
236. Данилов А. В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974-2004 гг. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2020. №2. С. 136-146.
237. Данилов А. В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974-2004 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. №2 (12). С. 136-146.
238. Довбыш Е. Г. Можно ли разрешить кипрскую проблему? (сводный реферат) // АПЕ. 2014. №2. С. 198-217.
239. Долгов Б. В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №3. С. 147-160.
240. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского Союза / под ред. Н.К. Арбатовой. М., 2009. С. 105–106.
241. Жарков В. Реализм в теории международных отношений. // Постнаука. 06.11.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/35053> (дата обращения: 15.05.2021)
242. Затари А. Забыли забрать: что Россия оставляет в Сирии. // Газета.ру. 26.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/12/26/11548646.shtml> (дата обращения: 24.05.2021)
243. Зеликсон Д.И. Энергетическое противостояние в Восточном Средиземноморье: позиция Греции // Аналитическая записка ИЕ РАН. 2020. № 8. С. 2–7.
244. Ибрагимов А. О. Турция и Россия: возможно ли стратегическое партнерство? // Постсоветские исследования. 2018. №3. С. 297-305.

245. Иванова И. И. Турция и Ливан в региональных отношениях на современном этапе // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. №2. С. 122-130.
246. Игумнова Л. Внешняя политика Европейского союза между европеизмом и атлантизмом. URL: <https://dereksiz.org/igumnova-l-o-vneshnyaya-politika-evropejskogo-soyuza-mejdu-evr.html>
247. Изотов В. Кипр, соседи и внешние игроки в 2019 - 2020 гг. // Экономика и Политика. 2020. С. 18–25.
248. Колесников П.М. Еще раз о феномене «арабской весны» и эскалации напряженности на Ближнем Востоке. // Аналитический обзор. Институт международных отношений, истории и востоковедения КФУ, 2014. [Электронный ресурс] URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F670071093/C__Users_2lkhasan_Desktop_22.12_Fenomen.Arabskaya.vesna.pdf (дата обращения: 19.09.2021)
249. Консервативная демократия - термин, который придумала АКР для описания исламской демократии. Консервативная демократия является умеренной и придерживается более светских и демократических ценностей.
250. Косов Г.В., Татарков Д.Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. 2020. № 1. С. 111–129.
251. Кукарцева М.А., Тимакова О.А. Средиземноморье и партнерские программы НАТО // Обозреватель. – 2016. – № 7. С. 79.
252. Лукинова Е. А. Взаимоотношения Греции и Турции на рубеже XX и XXI веков в современной отечественной историографии // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. №3 (39). С. 76-84.
253. Малышева Д. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // Международная жизнь. 2015. № 11.
254. Маркетос Т. Глобальные и региональные акторы в «Геополитической толкучке» вокруг энергоресурсов Восточного Средиземноморья: США, Россия, Израиль, Турция, Иран // Центральная Азия и Кавказ. 2013. №1. С. 80-88.

255. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2002.
256. Михеева Н. М. Проблема Кипра в отношениях Турции и Евросоюза: история и современное состояние // *Universum: общественные науки*. 2015. №4 (14). С. 8.
257. Надеин-Раевский В. А. Идеинная борьба и «Новая турция» // *Вестник МГИМО*. 2016. №2 (47). С. 22-31.
258. Наумкин В.В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности. // *Валдайские записки*, 14 марта 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/blizhnij-vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti/> (дата обращения: 21.09.2021)
259. Нестерова Т. П. Италия, Греция, державы Антанты и вопрос о Додеканесских островах в дипломатической борьбе 1915-1923 годов // *Научный диалог*. 2018. №6. С. 154-165.
260. Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // *Вестник Московского университета*. 2019. № 1. С. 67–74.
261. Нуриев Б. Д., Поспелов С. В. Энергетическая политика турецкой республики: экспансия в восточном средиземноморье // *Вестник ГУУ*. 2023. №3. С. 198-217.
262. Парубочая Е. Ф. Турция на пути в евразийскую интеграцию: реальность или политическая риторика // *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2014. №4. С. 97-103.
263. Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран. М., 2015. С. 359.
264. Сафарян Л. А. Османская империя 2.0. Восточные грезы или геополитический проект? // *Свободная мысль*. 2021. №3 (1687). С. 115-132.
265. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «Мягкой силы» // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2014. №2. С. 145-166.

266. СМИ: блокировка Суэцкого канала обходится в 9,6 миллиарда долларов в день // РИА Новости. 25.03.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210325/uscherb-1602888125.html> (дата обращения: 22.05.2021)
267. Соколова П.С. Основные направления внешней политики Греции. // Экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 84–94.
268. Соколовский С. В. Брекзит и гражданская идентичность в республике Кипр // Сибирские исторические исследования. 2020. №3. С. 218-229.
269. Старкин С. В., Лебедева Е. В. Кипрская проблема в контексте реализации стратегии ЕС по урегулированию этноконфессиональных конфликтов // Общество: философия, история, культура. 2013. №4. С. 33-36.
270. Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геополитические основания проекта «геостратегический атлас Большого Средиземноморья» // Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы междунар. конф. М., 2019. С. 163–178.
271. Сумин А.М. Энергетическая безопасность Греции: национальное и европейское измерения // Актуальные проблемы нефти и газа. 2020. С. 64–85.
272. Суслов Д. «Мировое устройство: Quo Vadis? В поисках глобального Вестфалья». // Валдайские записки. Ноябрь, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22134/> (дата обращения: 20.09.2021)
273. Тимакова О.А. Средиземноморское направление политики НАТО на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Тимакова Ольга Александровна; науч. рук. Иванов О.П. - Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 20, 23, 27, 28.
274. Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н. Турецкая политическая доктрина «неоосманизма»: между символическим и реальным содержанием // СНВ. 2021. №4. С. 230-234.
275. Улунян Ар. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945-1960 гг. Rossiiskie vesti, 2001. 283 с.

276. Филис Л. Дилемма Греции сквозь призму улучшения российско-турецких отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 12. С. 76–80.
277. Ход развития ситуации на Ближнем Востоке в 2024 задан «Потопом аль-Акса» и последовавшей за ним войной в Газе // *GEOFOR*. 05.01.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://geofor.ru/ru/news/1640/> (дата обращения: 23.09.2024)
278. Цыркуль Э. Внешнеполитический курс Турции в XXI в // *Россия и мусульманский мир*. 2015. №10 (280). С. 76-87.
279. Чихарев И.А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2021. № 3. С. 441–458.
280. Чихарев И.А., Ярмак О.В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2019. № 1. С. 99–109.
281. Шлыков П. В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // *Современная Европа*. 2016. С. 53-65.
282. Шувалова Н. Б. Внешняя политика Турции после окончания "холодной войны" // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*. 2003. №4. С. 111-124.
283. Энергетика Большого Средиземноморья / под ред. Е. Г. Энтина и др. Ин-т Европы РАН. – 2024. – 140 с.
284. Эрдоган напомнил Греции про самую страшную резню XX века. Почему он решил перейти к угрозам? // *LENTA.RU*. 10.09.2022. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/articles/2022/09/10/ankara_athens/ (дата обращения: 21.02.2023)
285. احتياطي النقد الأجنبي في تركيا يتراجع عن أعلى مستوى في 2022 // *Sky News Arabia*. 29.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://rb.gy/kbwyp5> (дата обращения: 08.03.2023)

286. أردوغان: نقول بصوتٍ أعلى إن العالم أكبر من خمسة // Anadolu Agency. 20.12.2019.
[Электронный ресурс] URL:
<https://www.aa.com.tr/ar/%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A/%D8%A3%D8%B1%D8%AF%D9%88%D8%BA%D8%A7%D9%86-%D9%86%D9%82%D9%88%D9%84-%D8%A8%D8%B5%D9%88%D8%AA%D9%8D-%D8%A3%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A5%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%84%D9%85-%D8%A3%D9%83%D8%A8%D8%B1-%D9%85%D9%86-%D8%AE%D9%85%D8%B3%D8%A9/1677857> (дата обращения: 15.03.2023)
287. "بعد تهديده اليونان بدفع "ثمان باهظ".. الاتحاد الأوروبي قلق من تصريحات أردوغان ويصفها "بالعدائية" // Aljazeera. 05.09.2022. [Электронный ресурс] URL:
<https://www.aljazeera.net/news/2022/9/5/%D8%A8%D8%B9%D8%AF-%D8%AA%D9%87%D8%AF%D9%8A%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%88%D9%86%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%AF%D9%81%D8%B9-%D8%AB%D9%85%D9%86-%D8%A8%D8%A7%D9%87%D8%B8> (дата обращения: 21.02.2023)
288. تركيا.. التضخم يلامس أعلى مستوى له منذ نحو ربع قرن // Aljazeera. 05.09.2022.
[Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/Vt5NFbgg> (дата обращения: 08.03.2023)
289. تطورات الأزمة القبرصية والصدام التركي اليوناني (حتى عام 2000) // Moqatel. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.moqatel.com/openshare/Behoth/Siasia2/SeraTurkGr/index.htm> (дата обращения: 20.02.2023)
290. السودان يسلم تركيا جزيرة سواكن الواقعة في البحر الأحمر // FRANCE24. 26.12.2017.
[Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/kDpsHGe7> (дата обращения: 08.03.2023)
291. العجز التجاري لتركيا يتجاوز الـ 110 مليار دولار في 2022 // Sky News Arabia. 02.01.2023.
[Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/B3dULKqC> (дата обращения: 08.03.2023)
292. كيف استولت اليونان على جزر بحر إيجه وشرقي المتوسط؟ // TRT. 01.09.2020.
[Электронный ресурс] URL:
<https://www.trtarabi.com/issues/%D9%83%D9%8A%D9%81->

%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D9%88%D9%84%D8%AA-
%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%88%D9%86%D8%A7%D9%86-
%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%AC%D8%B2%D8%B1-
%D8%A8%D8%AD%D8%B1-%D8%A5%D9%8A%D8%AC%D8%A9-
%D9%88%D8%B4%D8%B1%D9%82%D9%8A-
%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D9%88%D8%B3%D8%B7-3421299 (дата
обращения: 01.03.2023)

293. «الإحصاء» التركية: معدّل البطالة يرتفع إلى 10.1% في سبتمبر 2022 // The Emirates Center for Strategic Studies & Research. [Электронный ресурс] URL: <https://bre.is/d4JBgTby> (дата обращения: 08.03.2023)

294. 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》 («Видение и меры по содействию строительству экономического пояса Шелкового пути и морского шелкового пути 21-го века») // [Электронный ресурс] URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (дата обращения: 17.05.2021)